

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

10

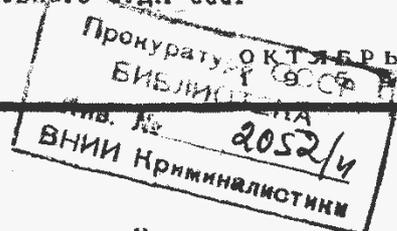
1 9 5 4

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР,
ПРОКУРАТУРЫ СССР И ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

31-й ГОД
ИЗДАНИЯ

№ 10

КОНСТИТУЦИЯ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Китайской Народной Республике 1 октября исполнилось пять лет. Срок сравнительно небольшой. Но по своему влиянию, по глубине тех перемен, которые произошли за столь короткий период в жизни народа Китая, эти пять лет значительно больше, чем целые века китайской истории.

Великая победа китайской народной революции завершила целую эпоху героической борьбы китайского народа за свою свободу и независимость, против господства иностранного империализма и феодальной реакции.

За истекшее пятилетие в результате самоотверженного труда трудящиеся Китая под руководством Коммунистической партии добились выдающихся успехов в создании и укреплении народно-демократического строя.

Эта славная дата совпала с крупнейшим событием в жизни народа: 20 сентября 1954 г. Всекитайское Собрание народных представителей, выражая волю всего китайского народа, единодушно приняло Конституцию Китайской Народной Республики, горячо одобренную народом.

Китайская Народная Республика — это великое государство народной демократии, руководимое рабочим классом и основанное на союзе рабочих и крестьян. Конституция Китайской Народной Республики, отражающая замечательные достижения китайского народа, закрепляет демократические принципы народно-демократического государства, определяет права и обязанности граждан республики, раскрывает замечательные перспективы строительства новой жизни в Китае.

Впервые в истории Китая права на труд, на отдых, на образование признаны священными правами трудящихся. Эти исторические завоевания китайского народа законодательно закреплены в Конституции Китайской Народной Республики.

В Конституции Китайской Народной Республики сказано: «В результате более чем столетней героической борьбы китайский народ в конечном итоге одержал в 1949 году под руководством Коммунистической партии Китая великую победу в народной революции, направленной против империализма, феодализма и бюрократического капитала, положил тем самым конец угнетению и порабощению, существовавшему на протяжении длительного периода истории, и создал Китайскую Народную Республику демократической диктатуры народа».

Китайская Народная Республика добилась великих успехов. Завершена аграрная реформа. Неуклонно идут по пути подъема промышленности и сельское хозяйство. Строится процветающее и счастливое социалистическое общество.

«Период от создания Китайской Народной Республики до построения социалистического общества,— говорится в Конституции,— есть переходный период. Основными задачами государства в переходный период являются постепенное осуществление социалистической индустриализации страны, постепенное завершение социалистических преобразований в сельском хозяйстве, кустарной промышленности, а также в капиталистической промышленности и торговле».

С образованием Китайской Народной Республики была ликвидирована система национального гнета, между всеми национальностями страны установлены отношения равноправия, дружбы и взаимной помощи, во всех районах национальных меньшинств начало постепенно развиваться политическое, экономическое и культурное строительство. Неустанно улучшается жизнь народа. Китайская Народная Республика превратилась в великую семью свободных и равноправных народов.

В Конституции сказано: «Все национальности нашей страны сплотились в одну великую семью свободных и равноправных народов. На основе развития дружбы и взаимопомощи между различными национальностями и борьбы против империализма, против врагов народа внутри каждой национальности, против великодержавного шовинизма и местного национализма сплочение национальностей нашей страны будет неуклонно крепнуть. В ходе экономического и культурного строительства государство будет проявлять заботу о нуждах всех национальностей, а в вопросах социалистических преобразований будет в полной мере учитывать особенности их развития».

В Конституции указывается, что Китайская Народная Республика установила отношения нерушимой дружбы с великим Союзом Советских Социалистических Республик и со странами народной демократии. С каждым днем растет дружба великого китайского народа с миролюбивыми народами всего мира. Борьба за благородные цели мира во всем мире и прогресса человечества является неизменным курсом Китайской Народной Республики в международных делах.

Согласно Конституции вся власть в Китайской Народной Республике принадлежит народу в лице Всекитайского Собрания народных представителей и местных Собраний народных представителей. Всекитайское Собрание народных представителей, местные Собрания народных представителей и другие государственные органы осуществляют систему демократического централизма.

Ряд статей Конституции посвящены формам собственности, господствующим в Китайской Народной Республике. Ст. ст. 6 и 7 Конституции указывают, что государственный сектор является социалистическим сектором хозяйства, основанным на общенародной собственности. Он является руководящей силой в народном хозяйстве и материальной базой для осуществления государством социалистических преобразований. Государство обеспечивает преимущественное развитие государственного сектора хозяйства. Недра, воды, а также являющиеся, согласно закону, государственной собственностью леса, целинные земли и другие ресурсы принадлежат всему народу. Кооперативный сектор является социалистическим сектором хозяйства, основанным на коллективной собственности трудящихся масс, или полусоциалистическим сектором хозяйства, основанным на частичной коллективной собственности трудящихся масс. Частичная коллективная собственность трудящихся масс является переход-

ной ф
ков и
трудя
поощ
ему г
тем п
старн
собст
собст
единс
на з
Госуд
во вр
I
ную
мочи:
Коми
теля
ных
орга
I
родн
ники
крат
на с
явля
влас

и на
наро
суда
Разб
особ
на з
в пр
Для
ненн
пере
лики
домс
мест
нарс
ляю
кура
ство
водс
рату
нов

вое

нем
ван
за с
дам

1*

ной формой, подводящей крестьян-единоличников, кустарей-единоличников и прочих тружеников-единоличников к коллективной собственности трудящихся масс. Государство охраняет кооперативную собственность, поощряет и направляет развитие кооперативного сектора и оказывает ему помощь, считая развитие производственной кооперации главным путем преобразования единоличного сельского хозяйства и единоличной кустарной промышленности. Государство, согласно закону, охраняет право собственности крестьян на землю и другие средства производства, право собственности кустарей и других несельскохозяйственных тружеников-единоличников на средства производства, право собственности граждан на законные доходы, сбережения, жилой дом и другие средства жизни. Государство запрещает любому лицу использовать частную собственность во вред общественным интересам.

Конституция Китайской Народной Республики устанавливает стройную систему государственных органов страны. Она определяет полномочия Всекитайского Собрания народных представителей, Постоянного Комитета Всекитайского Собрания народных представителей, Председателя Китайской Народной Республики, Государственного Совета, местных Собраний народных представителей и местных народных комитетов органов самоуправления в районах национальной автономии.

На исключительную высоту поднимает Конституция Китайской Народной Республики вопросы законности. Статья 18 гласит: «Все работники государственных органов должны быть преданными народной демократии, подчиняться Конституции и законам и отдавать все свои силы на служение народу». Всекитайское Собрание народных представителей является единственным органом, осуществляющим законодательную власть в стране.

Отдельный раздел (шестой) Конституции посвящен народному суду и народной прокуратуре. Судебные функции осуществляются Верховным народным судом Китайской Народной Республики, местными народными судами и специальными судами. Организация судов определяется законом. Разбирательство дел во всех судах происходит открыто, за исключением особых случаев, предусмотренных законами. Обвиняемый имеет право на защиту. Граждане всех национальностей имеют право пользоваться в процессе судопроизводства своим родным языком и письменностью. Для сторон, которые не владеют языком и письменностью, распространенными в данной местности, народный суд должен организовать перевод. Верховная народная прокуратура Китайской Народной Республики осуществляет надзор за соблюдением законов органами, подведомственными Государственному Совету, государственными органами на местах, работниками государственного аппарата и гражданами. Местные народные прокуратуры и специальные народные прокуратуры осуществляют надзор в пределах, установленных законом. Местные народные прокуратуры и специальные народные прокуратуры работают под руководством вышестоящих прокуратур, и все они находятся под единым руководством Верховной народной прокуратуры. Местные народные прокуратуры осуществляют свои функции независимо от государственных органов на местах.

Успехи Китайской Народной Республики глубоко радуют все передовое человечество.

Товарищ Н. С. Хрущев, выступая 30 сентября 1954 г. на торжественном заседании в Пекине, посвященном пятой годовщине со дня образования Китайской Народной Республики, сказал: «Общие цели в борьбе за социализм и коммунизм, общие задачи в борьбе за мир между народами, свободное и независимое развитие всех народов, идеология дружбы

между народами — все это гигантски ускоряет сближение наций, делает нерасторжимым единство свободных народов. Велика роль братской дружбы народов СССР и КНР. Дело не только в том, что это — дружба между двумя великими народами, насчитывающими свыше восьмисот миллионов человек, хотя и это обстоятельство имеет всемирно-историческое значение. Дело в том, что борьба за великие социальные преобразования во сто крат умножила гигантские творческие силы народов, объединила нас в едином стремлении».

Народы Советского Союза с чувством огромной радости отмечают исторические победы братского китайского народа.

12 октября этого года в советской печати были опубликованы документы большого политического значения: коммюнике о советско-китайских переговорах, совместные декларации правительств Советского Союза и Китайской Народной Республики по вопросам советско-китайских отношений и международного положения и по вопросу об отношениях с Японией, совместные коммюнике по вопросу о военно-морской базе Порт-Артур, о существующих смешанных советско-китайских обществах, о соглашении относительно научно-технического сотрудничества, о строительстве железной дороги Ланьчжоу — Урумчи — Алма-Ата, совместное коммюнике правительств Советского Союза, Китайской Народной Республики и Монгольской Народной Республики о строительстве железной дороги от Цзинина до Улан-Батора.

13 октября было опубликовано письмо Советской правительственной делегации о передаче в дар китайскому народу от советского народа техники и оборудования для организации крупного зернового государственного хозяйства и ответное письмо Председателя Мао Цзе-дуна по этому поводу. Советская правительственная делегация в своем письме товарищу Мао Цзе-дуну пишет, что в знак братской дружбы китайского и советского народов и в ознаменование пятой годовщины образования Китайской Народной Республики она просит принять в дар китайскому народу от советского народа оборудование и технику, необходимые для организации зернового совхоза с посевной площадью 20 тысяч гектаров. В своем ответном письме товарищ Мао Цзе-дун указывает, что китайский народ в этой великодушной помощи советского народа видит еще одно проявление глубокой дружбы советского народа к китайскому народу и его заботы и поддержки дела строительства, которое ведет китайский народ.

Опубликованные документы показывают величайшую силу новых, социалистических отношений между государствами, они говорят о великой дружбе и плодотворном сотрудничестве Советского Союза и Китайской Народной Республики на благо народов своих стран, на благо мира во всем мире.

Ра
ставил
там со
разреш
пригоде

П
по пр
имеют
больш
В
фигур
нии, к
рор, —
перво
тика
тельс
особо
души

Е
выте
проку

Г
пригс
опра
ные

но и
В ча
шим

вини

и гр

сти
22 м
пода
буде
держ

пра
когда

ВОПРОСЫ КАССАЦИОННОГО ПЕРЕСМОТРА ПРИГОВОРОВ В СВЯЗИ С ПРОЕКТОМ УПК СССР

Проф. М. Гродзинский

Разработка проекта Уголовно-процессуального кодекса СССР поставила в порядок дня ряд вопросов, относящихся к различным институтам советского уголовного процесса и настоятельно требующих своего разрешения. Одним из этих институтов является кассационный пересмотр приговоров.

1

Пересмотр приговоров, не вступивших в законную силу, происходит по протестам и жалобам сторон. Правильное определение круга лиц, имеющих право на опротестование и обжалование приговора, имеет большое значение.

В каждом деле, рассматриваемом в судебном заседании, всегда фигурирует обвинение, сформулированное в обвинительном заключении, которое прокурор представил в суд вместе с делом. Поэтому прокурор, — независимо от того, участвовал ли он в рассмотрении дела судом первой инстанции, — всегда вправе принести протест на приговор. Практика давно уже стала на эту точку зрения, хотя действующее законодательство (за исключением УПК Украинской ССР, ст. 338) не содержит особого указания по данному вопросу. Включение такого указания в будущий УПК СССР является вполне целесообразным и правильным.

Равным образом должно быть предусмотрено в будущем УПК СССР вытекающее из единства советской прокуратуры право вышестоящего прокурора изменить и вовсе снять принесенный по делу протест.

Право подсудимого как стороны на обжалование вынесенного о нем приговора совершенно бесспорно. Но относится ли это и к приговору оправдательному, если он, по мнению подсудимого, нарушает его законные интересы?

Для подсудимого в ряде случаев важно не только самое оправдание, но и мотивы, положенные судом в основу оправдательного приговора. В частности, это может иметь существенное значение там, где потерпевшим был заявлен по делу гражданский иск.

Следует предусмотреть право подсудимого обжаловать не только обвинительный, но в известных случаях и оправдательный приговор.

Необходимо также четко определить права гражданского истца и гражданского ответчика на обжалование приговора.

В настоящее время объем прав гражданского истца в данной области установлен постановлением Пленума Верховного суда СССР от 22 мая 1941 г. № 2/7/У «Об отсутствии у гражданского истца права на подачу кассационной жалобы на оправдательный приговор». Но вряд ли будет правильно, если УПК СССР полностью повторит положения, содержащиеся в указанном постановлении.

Пленум Верховного суда СССР предоставляет гражданскому истцу право обжаловать оправдательный приговор, в сущности, только тогда, когда суд, признав, что в деянии подсудимого нет состава преступления,

и вынося на этом основании оправдательный приговор, отказывает потерпевшему в иске, вместо того чтобы оставить иск без рассмотрения.

Между тем для такого ограничения права гражданского истца на обжалование приговора нет достаточных оснований. Гражданский иск в советском уголовном процессе направлен на охрану социалистической собственности и личной собственности трудящихся. Обеспечивая гражданскому истцу реальную возможность защищать свои законные интересы, советский законодатель предоставляет ему право участвовать в судебном разбирательстве в качестве стороны и доказывать размеры и основания иска, предъявленного по делу. А так как основанием этого иска является факт совершения подсудимым данного преступления, то отсюда следует, что гражданский истец вправе — путем представления доказательств и путем участия в судебном следствии и в прениях сторон — доказывать суду, что подсудимый совершил приписываемое ему преступление и причинил имущественный ущерб в определенном размере. Поэтому вполне последовательно будет предоставить гражданскому истцу такое же право и после того, как по делу вынесен приговор. Иначе в случае вынесения необоснованного оправдательного приговора и отказа потерпевшему в его иске вступление такого приговора в законную силу навсегда закрывает для потерпевшего возможность предъявить свой иск в порядке гражданского судопроизводства. Поэтому для охраны законных интересов потерпевшего ему должно быть предоставлено право принести жалобу на оправдательный приговор и доказывать необходимость его отмены с тем, чтобы при новом рассмотрении дела подсудимый был признан виновным и был удовлетворен предъявленный к нему гражданский иск.

Спорный в советской уголовно-процессуальной литературе вопрос о праве гражданского истца на обжалование оправдательного приговора в настоящее время, в связи с подготовкой проекта УПК СССР, снова становится предметом обсуждения. В своей статье «Некоторые вопросы советского уголовного процесса в связи с разработкой проекта Уголовно-процессуального кодекса Союза ССР» («Советское государство и право» 1954 г. № 3, стр. 81) И. Давыдов пишет, что при разрешении данного вопроса в УПК СССР «необходимо исходить из того, что гражданский истец, доказывая факт совершенного преступления для обоснования своих исковых требований, не вправе, однако, касаться уголовно-правовых последствий совершенного преступления (квалификации преступления, меры наказания и т. п.), что гражданский истец вправе обжаловать любой приговор лишь в части, касающейся гражданского иска».

Доводы эти не могут быть признаны убедительными. Несомненно, что гражданский истец не вправе касаться уголовно-правовых последствий совершенного преступления, но ведь в данном случае идет речь совсем о других последствиях — о таких, которые требуют применения норм не уголовного, а гражданского права. Поэтому приведенное соображение автора ни в какой мере не говорит о том, что гражданский истец не вправе обжаловать оправдательный приговор по существу. Автор сам признает, что гражданский истец вправе доказывать факт совершения преступления подсудимым, так как это является основанием иска. Но если такое право предоставлено гражданскому истцу в стадии судебного разбирательства, то он должен иметь возможность и в дальнейшем — путем обжалования оправдательного приговора по существу — доказывать «факт совершенного преступления для обоснования своих исковых требований».

В настоящее время поставлена под сомнение вообще целесообразность сохранения в будущем УПК СССР процессуальной фигуры гражданского ответчика. Так, проф. Д. Карев в своей статье «Вопросы уголов-

ного
конис
о воз
на гр
судоп
стоян
(
ском
ствен
го. К
ответ
этого
ся не
ресое

месте
чай э
ского
нужн
суаль
тем,
с тре
субъ
I
дела
само

обяз
расс
прос
дом.
поря
ной
дела
имее
им п
щес
ност
судо
ния
и др
и пр

трет
вора
прин
подс
приг
данс
приг

ного процесса в связи с проектом УПК СССР» («Социалистическая законность» 1954 г. № 2, стр. 32) пишет: «Нам представляется, что вопрос о возложении материальной ответственности за действия подсудимого на гражданского ответчика должен разрешаться в порядке гражданского судопроизводства, а не в уголовном процессе. Судебная практика в настоящее время не знает фигуры гражданского ответчика».

С этим решительно нельзя согласиться. Гражданский иск в советском уголовном процессе обеспечивает скорейшее возмещение имущественного вреда, причиненного потерпевшему преступлением обвиняемого. К этому следует добавить, что в тех случаях, когда имущественную ответственность за действия обвиняемого несет третье лицо, привлечение этого лица к участию в деле в качестве гражданского ответчика является непременным условием скорейшей и лучшей охраны законных интересов потерпевшего.

Трудно согласиться с тем, что в настоящее время вовсе не имеют места случаи участия гражданского ответчика в уголовных делах. Случаи эти, действительно, редки, однако не потому, что участие гражданского ответчика в советском уголовном процессе является излишним, ненужным, а потому, что практика недооценивает значения данной процессуальной фигуры, недооценка же эта объясняется в значительной мере тем, что действующие уголовно-процессуальные кодексы не определяют с требуемой четкостью и полнотой права гражданского ответчика как субъекта советского уголовного процесса.

Не об устранении гражданского ответчика от участия в уголовных делах должна идти речь, а о точном и четком определении его прав как самостоятельного субъекта советского уголовного процесса.

2

Действующие уголовно-процессуальные кодексы предусматривают обязательное вручение подсудимому копии приговора лишь по делам, рассмотренным областными и приравненными к ним судами, и не распространяют этого требования на приговоры, вынесенные народным судом. Нет оснований далее сохранять этот, в настоящее время устаревший порядок. Народный суд, являющийся основным звеном советской судебной системы, рассматривает большинство уголовных дел, в том числе дела о тяжких преступлениях. Вручение копии приговора подсудимому имеет своей задачей обеспечить возможно более полное осуществление им права на защиту путем тщательного изучения приговора и последующего его обжалования. Поэтому указанная гарантия должна быть полностью распространена и на те случаи, когда приговор вынесен народным судом. Равным образом нецелесообразно устанавливать для опротестования и обжалования одни сроки в отношении приговоров народного суда и другие, притом сокращенные, сроки в отношении приговоров областных и приравненных к ним судов.

По этим соображениям следует в будущем УПК СССР предусмотреть обязательное во всех случаях вручение подсудимому копии приговора независимо от того, каким судом приговор этот вынесен. Сроки для принесения кассационных протестов и жалоб должны исчисляться: для подсудимого и его защитника — со дня вручения подсудимому копии приговора, а для прокурора, а также для гражданского истца и гражданского ответчика и представителей их интересов — со дня вынесения приговора.

Существенное значение в кассационном производстве имеет право каждой стороны приносить дополнительные кассационные протесты и жалобы, а также письменные объяснения на протесты и жалобы других сторон. Право это известно советскому уголовному процессу издавна. Уже Пленум Верховного Трибунала при ВЦИК в своем заседании от 8 октября 1921 г. (протокол № 7) постановил: «предоставить лицам, поддерживающим кассационную жалобу, право подачи дополнительных жалоб до момента открытия заседания кассационной коллегии»¹. С того времени право принесения дополнительных кассационных протестов и жалоб широко вошло в практику и было закреплено первым УПК РСФСР 1922 года, откуда перешло в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик.

Указанное право сторон следует сохранить в УПК СССР, но при этом необходимо точно определить сроки подачи дополнительных протестов и жалоб, а также письменных объяснений сторон. Относящиеся сюда постановления действующего уголовно-процессуального законодательства не одинаковы: так, уголовно-процессуальные кодексы РСФСР (ст. 410), Белорусской ССР (ст. 410), Грузинской ССР (ст. 409) и Армянской ССР (ст. 370) допускают подачу этих документов до «дачи прокурором заключения по делу»; уголовно-процессуальные кодексы Узбекской ССР (ст. 152) и Туркменской ССР (ст. 159) разрешают подачу дополнительной кассационной жалобы «в любое время до рассмотрения дела кассационной инстанцией»; УПК Украинской ССР (ст. 338) указывает, что дополнительные протесты и жалобы могут быть поданы «не позднее как за 24 часа до слушания дела во второй инстанции».

В будущем УПК СССР должно быть установлено, что подача сторонами дополнительных кассационных протестов и жалоб, а также письменных объяснений допускается лишь в течение определенного срока (не позднее как за сутки, за двое суток) до дня, назначенного для рассмотрения дела в суде второй инстанции.

Обеспечение права на защиту в кассационном производстве требует, чтобы подсудимому и его защитнику была предоставлена реальная возможность участвовать в рассмотрении дела во второй инстанции и давать объяснения для поддержания своей кассационной жалобы и для возражений против жалоб остальных сторон и протеста прокурора. Поэтому в УПК СССР следует предусмотреть обязательное извещение подсудимого о дне слушания дела в кассационной инстанции: если по делу принесен протест прокурором или жалоба кем-либо из остальных сторон, то об этом должен быть извещен подсудимый и ему должно быть разъяснено его право представить письменные возражения на жалобы и протест; в тех случаях, когда подсудимый содержится под стражей, соответствующее сообщение должно быть направлено его защитнику.

Согласно ст. 15 Закона о судостроительстве и суд второй инстанции при пересмотре не вступившего в законную силу приговора рассматривает материалы как имеющиеся в деле, так и дополнительно представленные сторонами. Законодатель не определяет характера этих новых материалов, практика же совершенно правильно относит сюда только письменные доказательства в виде различных документов — справок, характеристик и т. п. Данное положение в развернутой и дополненной формулировке должно найти себе место в будущем УПК СССР, т. е. в кодексе следует указать, что стороны вправе вместе с кассационными протестами и жалобами, а также при даче объяснений в суде второй инстанции представ-

¹ Сборник циркуляров Пленума Верховного Трибунала за 1921 г., стр. 113.

лять н
верже
З;
Е
матери
проса
ного
риалы
нием
выше
отказ
ставл
ных н
раже
риаль
приго
по ин
С
имею
онны
требу
В
водст
сметр
менее
се оп
С
иногд
I
стве,
и кас
листи
два
обосн
сущес
или
обосн
ного
ствам
I
вани
нару
в оп
основ
угол
ное
ленн
рит
тах,
межд
ваши
симо
прав
толь
Толь

лять новые письменные материалы в обоснование своих доводов и в опровержение доводов других участвующих в деле сторон.

Здесь требуется еще одно существенное дополнение.

Если сторонами не были представлены дополнительные письменные материалы, которые могут иметь значение для правильного решения вопроса о законности и обоснованности опротестованного или обжалованного приговора, то суд второй инстанции может истребовать эти материалы по своей инициативе. Действующее законодательство, за исключением УПК Украинской ССР (ст. 344), не упоминает о таких полномочиях вышестоящего суда, но совершенно ясно, что нет никаких оснований отказывать суду второй инстанции в таком праве, какое предоставлено сторонам, и тем ограничивать суд в его действиях, направленных на лучшее осуществление возложенных на него задач. По этим соображениям следует в УПК СССР указать, что новые письменные материалы, имеющие значение для проверки законности и обоснованности приговоров, могут быть представлены сторонами, а также истребованы по инициативе суда второй инстанции.

Общеизвестно, какое важное значение при пересмотре приговоров имеют кассационные основания (иногда неудачно называемые кассационными поводами). Поэтому указанные основания и их формулировка требуют особого к себе внимания при разработке проекта УПК СССР.

Кассационными основаниями являются те допущенные при производстве дела нарушения, при наличии которых приговор не может рассматриваться как законный и обоснованный и подлежит отмене либо изменению. Поэтому обрисовка кассационных оснований в будущем кодексе определяется ст. 15 Закона о судостроительстве.

Однако из этого совершенно бесспорного положения делаются иногда выводы, которые не во всем являются правильными.

Исходя из положений, содержащихся в ст. 15 Закона о судостроительстве, И. Перлов в своей статье «Вопросы судебного разбирательства и кассационного производства в связи с проектом УПК СССР» («Социалистическая законность» 1954 г. № 4) утверждает, что следует различать два основания для отмены приговора — незаконность приговора и необоснованность приговора, причем к незаконности приговора он относит существенное нарушение уголовно-процессуальных законов и нарушение или неправильное применение уголовно-материальных законов, а к необоснованности приговора относит неполноту предварительного и судебного следствия, несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела и явную несправедливость приговора.

Прежде всего следует отметить имеющиеся в приведенном высказывании неточности. Именно кассационными основаниями являются такие нарушения, которые влекут за собой не только отмену приговора, но в определенных случаях также и его изменение. Затем к числу этих оснований относится нарушение или неправильное применение не только уголовных, но и иных законов, — в частности нарушение или неправильное применение норм гражданского права при разрешении иска, заявленного по делу. Но главное в том, что приведенная формулировка говорит о законности приговора и о его обоснованности как о таких моментах, которые якобы только стоят рядом друг с другом, но не связаны между собой органически. В действительности же законность и обоснованность приговора находятся в неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости и составляют две стороны единого качества приговора — его правосудности. Только законный приговор может быть обоснованным, только обоснованный приговор отвечает требованиям советского закона. Только законный и обоснованный приговор является актом социалистиче-

ского правосудия. Ввиду этого было бы неправильно рассматривать одни кассационные основания (например, нарушения процессуальных законов) как выражение незаконности приговора, а другие кассационные основания (например, неполноту исследования дела) — как выражение его необоснованности. Все известные советскому уголовному процессу кассационные основания взаимосвязаны и образуют в своей совокупности единую систему, все они и каждое из них исключают возможность признать данный приговор законным и обоснованным. Например, неправильное применение уголовного закона, выразившееся в неправильной квалификации преступления, совершенного подсудимым, означает как незаконность приговора, так и необоснованность в данной его части. С другой стороны, такое кассационное основание, как, например, неполнота исследования дела, означает как неправильность приговора по существу, т. е. необоснованность, так и его незаконность, поскольку представляет собой нарушение процессуального закона, требующего полного и всестороннего исследования каждого дела в стадии предварительного расследования и в судебном разбирательстве.

Сказанное приводит к выводу, что в будущем УПК СССР не могут рассматриваться отдельно кассационные основания, исключающие законность приговора и его обоснованность. Больше того, должно быть в особой статье указано, что приговор не может быть оставлен в силе и подлежит отмене или изменению при наличии следующих кассационных оснований: нарушение процессуального закона; нарушение или неправильное применение уголовных и иных законов; неполнота исследования дела; необоснованность приговора; назначение чрезмерно сурового или чрезмерно мягкого наказания, не соответствующего тяжести преступления и опасности осужденного.

В последующих статьях кодекса должно быть раскрыто содержание каждого из указанных кассационных оснований.

Действующий УПК РСФСР (ст. ст. 4, 418) предоставляет суду второй инстанции право прекратить дело производством лишь при наличии обстоятельств, исключающих возбуждение дела и требующих прекращения в любой стадии процесса дела, которое уже было возбуждено (таковы же постановления и УПК других союзных республик, за исключением УПК Украинской ССР и Таджикской ССР).

Между тем имеются и другие основания прекращения дела при кассационном пересмотре приговоров. Так как кассационная инстанция не производит судебного следствия, то она не вправе устанавливать такие факты, которые не были установлены или были отвергнуты приговором. Но вышестоящий суд может признать неустановленными те факты, которые признан доказанными суд первой инстанции. В этих случаях приговор, по общему правилу, подлежит отмене. Однако возможно такое положение вещей, когда приговор признается необоснованным, но в то же время совершенно очевидно, что дополнительные доказательства ни при каких условиях не могут быть получены, почему новое производство по делу лишено содержания и смысла. В этих условиях вышестоящему суду не остается ничего другого, как прекратить дело производством. Практика Верховного суда СССР, а также других судов давно уже встала на эту единственно правильную позицию, которую будущий УПК СССР должен закрепить.

Что касается изменения приговора, то оно, — в силу самого существа кассационного производства, где новые факты не устанавливаются, — возможно только в отношении квалификации преступления и наказания и допускается лишь в пределах, обеспечивающих обвиняемому право на защиту. Поэтому будущий УПК СССР, продолжая и уточняя

полож
сацион
казани
цию п
с перв
предъ
услов
что по
опреде
мер, п
нию, и
имел
ни в с
У.

сацион
жен о
в тех
для и
ложен
Б
кости
ста пр
Это п
тикой,
кодекс

Б
квали
В
статк
поряд
станц
приго
непол
измен
на пр
вающ
лишь
новле
няемо

Д
опред
а так
на дал
ложет
подсу.

С
держа
действи
денно
суда
в код
рассм
вонач
по жа
зания

положения действующего законодательства, должен установить, что кассационная инстанция вправе при наличии к тому оснований смягчить наказание, назначенное приговором, а также применить иную квалификацию преступления, если она не является более тяжелой по сравнению с первоначальной и притом не меняет существенно характер обвинения, предъявленного подсудимому. Это последнее требование является безусловно обязательным, так как при его несоблюдении может оказаться, что подсудимый, осужденный, например, по ст. 77 УК РСФСР, затем определением кассационной инстанции будет признан виновным, например, по ст. 169, ч. 1, УК РСФСР, т. е. будет осужден по такому обвинению, которое ему ранее не было предъявлено и против которого он не имел возможности защищаться ни на предварительном расследовании, ни в судебном разбирательстве.

Устанавливая в указанных относительно узких пределах право кассационной инстанции на изменение приговора, будущий УПК СССР должен одновременно предусмотреть условия и порядок отмены приговора в тех случаях, когда имеются основания для усиления наказания либо для изменения квалификации преступления в сторону, отягчающую положение подсудимого.

Бесспорно, что отмена в кассационном порядке приговора по мягкости наказания возможна лишь при наличии соответствующего протеста прокурора (или жалобы обвинителя по делам частного обвинения). Это положение, установленное действующим законодательством и практикой, будет, конечно, полностью сохранено в Уголовно-процессуальном кодексе СССР.

Более сложным является вопрос об отмене приговора для изменения квалификации преступления.

В своем постановлении от 1 декабря 1950 г. «Об устранении недостатков в работе судов по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке» Пленум Верховного суда СССР указал, что кассационная инстанция вправе по своей инициативе, без протеста прокурора, отменить приговор и направить дело на доследование, если признает, что дело неполно исследовано или что квалификация преступления должна быть изменена на более тяжелую по сравнению с той, какая была применена на предварительном расследовании. При этом суд, вторично рассматривающий дело, вправе повысить наказание по сравнению с первоначальным лишь в том случае, если после дополнительного расследования будут установлены «новые фактические обстоятельства, отягчающие виновность обвиняемого, или будет применен закон, влекущий более тяжелое наказание».

Должен ли будущий УПК СССР воспринять эти положения и тем определить полномочия кассационной инстанции на отмену приговора, а также последствия этой отмены? И. Перлов (цит. статья) отвечает на данный вопрос отрицательно, так как полагает, что приведенные положения существенно ограничивают свободу обжалования приговора подсудимым.

С этой точкой зрения нельзя полностью согласиться. Некоторые содержащиеся в постановлении Пленума Верховного суда СССР указания действительно являются недостаточно определенными. Поэтому приведенное положение, содержащееся в постановлении Пленума Верховного суда СССР, не следует включать в будущий УПК СССР. Вместо того в кодексе должно быть указано, что повышение наказания при новом рассмотрении дела допускается лишь в следующих случаях: а) если первоначально вынесенный приговор отменен по протесту прокурора (или по жалобе обвинителя по делам частного обвинения) на мягкость наказания и б) если при новом рассмотрении дела после дополнительного

его расследования квалификация преступления, в котором признан виновным подсудимый, является более тяжелой по сравнению с первоначальной.

В заключение несколько слов о терминологии. В цитированной выше статье проф. Д. Карев указывает, что слово «кассация» заимствовано из буржуазной юридической терминологии и, по буквальному своему смыслу, неприменимо к советской системе пересмотра не вступивших в законную силу приговоров, почему слова «кассационное обжалование» желательно заменить словами «обжалование и опротестование приговоров, не вошедших в законную силу».

Конечно, термин «кассация» в буквальном его смысле не выражает сущности пересмотра приговоров, принятого советским законодательством. Но ведь никто и не понимает этот термин буквально, так как в советском уголовном процессе он имеет свое, новое содержание. В равной мере это может быть сказано и о многих других процессуальных терминах, каковы: «дознание», «меры пресечения», «состязательность» и т. д. То обстоятельство, что такие же термины имеются в буржуазном уголовном процессе, означает не более как сходство словесного обозначения, и было бы совершенно неправильно из-за этого чисто внешнего сходства искать новые термины и обозначения. В частности, термин «кассация» известен советскому уголовному процессу на протяжении всей его истории — начиная с декрета о суде № 1 от 24 ноября 1917 г., он сделался привычным, общепринят в практике и в советской литературе. Тем меньше имеется оснований отказываться от данного термина, что его пришлось бы заменять громоздкими и сложными формулировками, каковы, например, «протест на приговор, не вступивший в законную силу», «жалоба на приговор, не вступивший в законную силу», тогда как гораздо легче и проще говорить о «кассационном протесте» и о «кассационной жалобе».

ЭИ

прав
ногоности
дока
дова
лиц,чаев
привные
шихтель
вани
ствепрот
сани
в р
и изФед
дите
себяка и
фор
част
у ос
прес
дова
кли
тор
кли
учас
зап
тым
дов:

ЭКСПЕРТИЗА И ОПОЗНАНИЕ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

Л. Громов

Председатель Московского городского суда

Соблюдение законности при проведении предварительного следствия, правильное и умелое выполнение требований норм советского уголовного процесса способствуют успешному раскрытию преступления.

Судебная практика, однако, дает немало фактов нарушения законности при проведении следствия, поверхностного, небрежного собирания доказательств и неумелого закрепления их. Это удлиняет сроки расследования, создает волокиту, отдаляет справедливое наказание виновных лиц, совершивших преступление.

Нарушение законности при расследовании преступлений в ряде случаев приводит и к тому, что к уголовной ответственности необоснованно привлекаются невиновные граждане.

По каждому уголовному делу следователь должен собрать объективные доказательства не только о преступлении, но и о лицах, совершивших его.

По советскому уголовно-процессуальному законодательству доказательствами являются: заключение экспертов; протоколы освидетельствований, осмотров, обысков, задержаний, опознаний; документы; вещественные доказательства.

Правильно проведенная экспертиза, подробно и ясно составленные протоколы задержаний, опознаний, обысков, осмотров, протоколы описания вещественных доказательств, изъятие и описи документов дают в руки следователя важные данные для раскрытия преступления и изобличения преступников.

Например, старший следователь Московской городской прокуратуры Федотова, умело проведя следствие, в короткий срок собрала такие убедительные доказательства, что обвиняемые под тяжестью улик признали себя виновными и рассказали о совершенном ими тяжком преступлении.

На месте преступления были обнаружены эбонитовая черная рукоятка и металлическая пластинка с обоюдоострыми краями ромбовидной формы. Научно-техническая экспертиза установила, что они являются частями клинка кинжала кустарного изготовления со свежим изломом у основания. Тщательный осмотр, описание и фотографирование места преступления дали следователю и другие данные для успешного расследования преступления. После выяснения принадлежности сломанного клинка он был предъявлен в числе других ножей задержанному Л., который подробно рассказал о его происхождении, о том, каким образом клинок оказался на месте преступления сломанным, назвал имена соучастников. Опознание клинка, объяснения Л. были точно и подробно записаны в протокол опознания, подписанный следователем, двумя понятыми и задержанным Л. Умелое, с точным соблюдением закона расследование преступления было закончено в короткий срок.

Закон обязывает следователей при расследовании преступлений выяснять обстоятельства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а равно все обстоятельства, как усиливающие, так и смягчающие степень и характер его ответственности.

Недооценка этих требований закона о собирании доказательств, небрежность в составлении следственных документов приводят к серьезным ошибкам, отрицательно влияют на борьбу с преступностью.

По делу группы спекулянтов, возглавляемой неким Любарским, лицом, без определенных занятий, следователь при осмотре вещественных доказательств в протоколе осмотра, написанном наспех и простым карандашом, записал: «...ящик размером примерно . . . сантиметров», «оказалось . . . в каждом свертке примерно по две шкурки . . .». Точные описания в протоколе осмотра вещественных доказательств, как этого требуют интересы следствия, были подменены неточными, примерными подсчетами. Это привело потом к затяжке рассмотрения дела.

По делу о разбойном нападении следователь Щербаковского района Москвы т. Панков в марте 1954 года производил опознание привлеченного к уголовной ответственности Антюшина в присутствии одного понятого, о котором никаких данных, кроме его фамилии, не приведено. Для опознания были предъявлены двое задержанных, подозреваемых в ограблении. Потерпевшая Мухина опознала Антюшина, однако в протоколе не было записано, по каким признакам и приметам опознан Антюшин за то лицо, которое пыталось четыре месяца назад ограбить Мухину. Оознавшие отказались подписать протокол, который в результате не может считаться полноценным как доказательство.

Заключение экспертов, протоколы опознаний, осмотров, вещественные доказательства, документы по уголовным делам не должны вызывать сомнений в их правдоподобности и объективности.

Следственные работники прокуратуры одного района Москвы привлекли грузчика Д. к уголовной ответственности. Основанием для привлечения к уголовной ответственности Д. послужило заявление потерпевшей Е. и опознание ею Д. в стадии предварительного следствия. В суде при рассмотрении дела по обвинению Д. выяснилось, что опознание Д. потерпевшей Е. было проведено следователем неправильно: потерпевшей Е. была предварительно показана сиреневая майка Д. и его паспорт с фотокарточкой. Лишь после этого она «опознала» и назвала Д. как насильника. Однако Е. не могла утверждать, что именно он, а не кто-либо другой напал на нее, так как была ночь и в темноте она не разглядела нападавшего. Выступавший в судебном заседании прокурор отказался от обвинения Д. Московский городской суд оправдал Д. и частным определением поставил вопрос об ответственности следователя.

Слесарь Петров обвинялся в разбойном нападении на К. и З. При рассмотрении дела в суде было установлено, что опознание Петрова потерпевшими К. и З. проведено неправильно. Суд в приговоре указал: «опознание было проведено порочным методом — вначале К. и З. была показана фотокарточка Петрова, а впоследствии было произведено опознание Петрова в группе лиц. Поэтому К. и З. вполне могли ошибочно опознать личность Петрова. Кроме того, было подтверждено алиби Петрова: в момент нападения на К. и З. Петров находился в другом месте». Петров в этом обвинении был оправдан.

Некоторые следователи не всегда соблюдают важное правило об объективном закреплении достоверности опознания, — не практикуют предварительного опроса опознающих о приметах, внешнем виде опозна-

ваемь
нил о
ных д
описа

З
осмот
как и
верке
дела.
дение
цесса

Э
ца, от
лежа
деле

шее и
объяв
и од
о на:

прос
объя
чение
сутст
и зад

(
долж
(
опози

стве
став
мест

теля
лии,
дейс
писа
шим

вния
силь
кото

став
дол
трех
и от
опоз
учас

коли
каки
име
ных

мля

ваемых, об обстоятельствах, при которых опознающий видел или запомнил опознаваемого. Не опрашивают зачастую и о предметах, вещественных доказательствах, по поводу которых составляется протокол осмотра, описание и т. д.

Заключение экспертов, вещественные доказательства, протоколы осмотров, обысков, задержаний, изъятий, опознаний и другие документы, как и всякие другие доказательства по уголовному делу, подлежат проверке и оценке следователя и суда в связи со всеми обстоятельствами дела. Доказательства должны собираться следователем с точным соблюдением указаний закона, согласно принципам советского уголовного процесса, направленным на всестороннее выяснение истины по делу.

Экспертами должны назначаться по выбору следователя и суда лица, обладающие специальными познаниями в тех вопросах, которые подлежат исследованию следователя и суда. Экспертом в уголовном деле не может участвовать лицо, заинтересованное в исходе дела и могущее по ряду причин дать неправильное заключение. Следователь обязан объявить обвиняемому о назначенной экспертизе и о составе экспертов и одновременно разъяснить ему право заявить отвод эксперту и просить о назначении дополнительно эксперта, представить дополнительные вопросы, по которым экспертами должно быть дано заключение, давать объяснения экспертам, представлять документы и знакомиться с заключением экспертов. С разрешения следователя обвиняемый может присутствовать при отдельных исследованиях, производимых экспертами, и задавать им вопросы.

О всех следственных действиях по поводу экспертизы следователь должен составлять соответствующие протоколы.

Обстоятельства, установленные при осмотре, обыске, задержании, опознании, являются доказательствами по уголовному делу. О производстве каждого такого следственного действия следователем должны составляться протоколы. В протоколе обязательно должно указываться место, дата его составления, наименование должности, фамилии следователя, составившего протокол. В протоколе должны быть указаны фамилии, имена и отчества лиц, участвовавших в производстве следственного действия, время начала и окончания его. Протокол должен быть подписан следователем и всеми лицами, участвовавшими и присутствовавшими при производстве следственного действия.

При предъявлении для опознания свидетелю, потерпевшему или обвиняемому какого-либо лица следователь должен предварительно допросить их о внешнем виде, приметах этого лица, об обстоятельствах, при которых опознающий видел этого человека, и об этом должен быть составлен протокол допроса. После этого подлежащее опознанию лицо должно быть предъявлено опознающему в ряде других лиц, не менее трех человек, с предложением указать то лицо, которое он опознает, и объяснить, по каким именно приметам и особенностям данное лицо опознано. Протокол опознания также должен быть подписан всеми участвующими лицами в данном следственном действии.

При обнаружении вещественных доказательств, их изъятии в протоколе следователя должно быть точно записано, где, когда, у кого и при каких обстоятельствах, в каком положении были обнаружены предметы, имеющие значение для раскрытия преступления или установления виновных лиц.

Все протоколы следственных действий должны составляться и оформляться безукоризненно.

УСИЛИТЬ НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ ГРАЖДАН

Н. Лучинин

Прокурор Краснодарского края

Советское правительство и Коммунистическая партия неустанно заботятся о том, чтобы социалистическая законность строго соблюдалась во всех звеньях государственного аппарата.

Высокие образцы строжайшего соблюдения закона неоднократно личным примером показывал основатель Советского государства В. И. Ленин.

24 февраля 1919 г. В. И. Ленин выдал представителям Даниловской мануфактуры, обратившимся к нему по вопросам о мануфактурном пайке, удостоверение, где написал: «Ввиду того, что этот вопрос решен Президиумом ЦИК, который по Конституции выше Совета Народных Комиссаров, ни я, как председатель СНК, ни Совет Народных Комиссаров изменить решение не в праве» (XXXV «Ленинский сборник» стр. 58).

Партия и правительство проводят решительную борьбу с нарушениями советских законов, строго наказывают тех, кто нарушает права граждан, твердо пресекают всякую попытку проявления произвола и беззакония, от кого бы она ни исходила.

В свете требований партии и правительства о постоянном и неуклонном укреплении социалистической законности, о всемерной охране прав и интересов советских людей возрастают роль и ответственность работников прокуратуры за осуществление надзора за соблюдением законности и, в частности, за соблюдением конституционных прав граждан.

К сожалению, еще не изжиты факты нарушений прав граждан некоторыми руководителями предприятий и учреждений. Об этом свидетельствуют поступающие жалобы и заявления граждан на нарушения законов, а также протесты прокуроров и судебные решения, которыми эти нарушения устраняются.

Прокуратура Краснодарского края решила провести тщательную проверку состояния законности.

Эта работа была начата с изучения имевшихся данных о состоянии законности. В частности, проанализированы сведения краевого управления юстиции об удовлетворенных исках граждан. Это дало возможность выявить группу городов и районов края, где народные суды разрешили в пользу трудящихся большое число споров по трудовым вопросам, что свидетельствовало о нарушении администрацией учреждений и предприятий законов. Полученные выводы были подкреплены изучением копий протестов и представлений городских и районных прокуроров. Одновременно были установлены краевые организации, куда поступало наибольшее число жалоб.

Для выяснения положения на местах в один сельский и один городской районы края были командированы работники аппарата краевой прокуратуры. При проверке выяснился в основном круг вопросов, которые целесообразно проверять для уяснения положения с соблюдением законов, охраняющих права граждан, и некоторые вопросы методики этих проверок. Проведенная подготовительная работа позволила дать конкретные указания районным и городским прокурорам по организации и про-

ведени
родам
путем

Н
начали
факты
суды
ный п
руков
в Кра
тельнс

П
и пред
простр
дили

И
и жал
Т

тора
в теч
заводо
полуг
выход
лов и
шател

С
ных о
ния и
охран
В

советс
ния
мер в
Больш
решен
Т

ся п
рынке
ствен

Г
ного
брега
испол
незна
ствен
были
Реше
коми

С
терес
дили
соотв

И
шени
хозяй

ведению на местах проверок соблюдения законов. Наиболее крупным городам и районам прокуратурой края была оказана практическая помощь путем консультаций и участия в проверках.

На местах, в районных и городских прокуратурах проверки также начались с изучения состояния законности. Изучение вскрыло серьезные факты нарушения социалистической законности: в Армавире народные суды удовлетворили немало исков трудящихся об оплате за вынужденный прогул, а прокуратурой города опротестовано свыше 40 приказов руководителей учреждений и предприятий, ущемлявших права граждан; в Краснодаре народные суды в 1953 году восстановили на работе значительное количество незаконно уволенных трудящихся.

При изучении этих дел и материалов были выявлены учреждения и предприятия, где нарушения законов о труде получили большее распространение. В таких учреждениях и предприятиях прокуроры производили проверки.

Иногда основанием для проведения проверок служили заявления и жалобы граждан.

Так, в прокуратуру Лабинского района поступила жалоба на директора консервного завода о непредоставлении выходных дней рабочим в течение шести месяцев. Работники прокуратуры провели проверку на заводе и установили, что директор завода Сафронов только во втором полугодии 1953 года своими приказами лишил многих рабочих завода выходных дней, причем директор завода не предоставлял им отгулов и отказывался оплачивать за работу в выходные дни (после вмешательства органов прокуратуры оплата была произведена).

Органами прокуратуры края были проведены также проверки в местных органах власти и управления, — в основном с точки зрения выполнения ими возложенных на них законом обязанностей по обеспечению охраны прав граждан.

Выяснилось, что некоторые исполкомы районных и городских советов депутатов трудящихся не обеспечивали точного соблюдения конституционных прав граждан и не принимали достаточных мер к ограждению граждан от чинимых в отношении их нарушений. Больше того, отдельные исполкомы сами принимали незаконные решения.

Так, исполком Армавирского городского совета депутатов трудящихся принял решение о запрещении продажи гражданами вещей на рынке, лишив таким образом граждан права распоряжаться личной собственностью.

Проверкой были установлены многочисленные факты неосновательного привлечения граждан к административной ответственности. Пренебрегая разъяснительной работой, административные комиссии при райисполкомах привлекали к ответственности граждан за совершенно незначительные нарушения, а в некоторых случаях за нарушения, ответственность за которые не предусмотрена законом. Некоторые граждане были привлечены к ответственности заочно, без вызова их на заседания. Решения зачастую выносились не коллегиально, а одним председателем комиссии.

Особое внимание было уделено надзору за соблюдением прав и интересов колхозников. Проверки были проведены в ряде колхозов. Проводились они либо самими органами прокуратуры, либо по их заданию соответствующими сельскохозяйственными органами.

Были установлены серьезные нарушения прав колхозников. Нарушения выражались в незаконных, противоречащих ст. 17 Устава сельскохозяйственной артели штрафах, в произвольных денежных взысканиях,

в лишении колхозников заработанных трудодней. Правления колхозов налагали не предусмотренные законом денежные штрафы либо штрафы в трудоднях сверх установленного Уставом размера.

Проверкой в пяти (из 13) колхозах Тихорецкого района установлено, что в отношении ряда колхозников были вынесены незаконные решения о наложении на них штрафов. Правление колхоза «Красный партизан» Щербиновского района оштрафовало пастухов Шестакова и Головкино по 200 руб. каждого за плохой уход за скотом.

Правления некоторых колхозов устанавливали не предусмотренную Уставом материальную ответственность колхозников. Так, правление колхоза имени Сталина Тихорецкого района за отказ пасти телят списало с колхозника Антошина 105 трудодней; правление колхоза имени Калинина Красноармейского района за невыполнение решения правления списало с бригадира Шило 120 трудодней.

Получила распространение практика взыскания с колхозников без их согласия и без решения на то суда ущерба, который, по мнению правлений, причинен колхозам. Так, правление колхоза имени Сталина Тихорецкого района отнесло на лицевые счета шести птичников 50% стоимости уничтоженных крысами 800 цыплят. Между тем правление колхоза, несмотря на настояния птичников, не приняло мер к отравлению крыс ядами.

Некоторые руководители колхозов (как это установлено проверкой) вместо проведения необходимой политико-воспитательной работы, направленной на укрепление трудовой дисциплины, стали на путь голого администрирования, подменяли воспитательную работу штрафами и взысканиями.

Отдельные районные исполкомы после реорганизации отделов сельского хозяйства ослабили контроль за соблюдением Устава сельскохозяйственной артели.

Руководители некоторых машинно-тракторных станций не перестроили работы по осуществлению контроля за соблюдением Устава. Инструкторы-бухгалтеры МТС использовались на работах, не имеющих отношения к их прямой деятельности.

Проверкой в краевом управлении сельского хозяйства было установлено, что руководство управления целиком возложило контроль за соблюдением Устава сельскохозяйственной артели на организационно-колхозный отдел, а производственные управления устранились от этой работы.

Прокуратурой края была организована также проверка законности разрешения жалоб граждан в ряде организаций и учреждений. Такие проверки были проведены, в частности, в отделах исполкома краевого совета и Краснодарского городского совета. Проверки показали, что поступление жалоб в основном вызвано нарушениями законов, охраняющих права и интересы граждан.

Проверкой причин большого поступления жалоб в краевой отдел социального обеспечения было установлено, что только на плохую работу протезного завода в 1953 году поступило 609 жалоб, однако работники отдела не приняли зависящих от них мер по выправлению положения на протезном заводе и, по существу, попустительствовали грубым нарушениям прав инвалидов. При проверке на протезном заводе оказалось, что заказы на исполнение протезов в ряде случаев не исполнялись в течение шести-восьми месяцев.

Проверкой в краевом финансовом отделе было установлено, что поступление целого ряда жалоб было вызвано нарушением закона о сельскохозяйственном налоге. Нарушения выразились в незаконном обложе-

нии на
ном о

По
были е
актов

По
специа:
Яросла
КПСС
нумом
в райо

Пр
на сесс
По док
родов
ждали
родски

По
лов пр
ний ко
рые пр

О
рой пр
Краево
решени
ных ко
чить с
ков, в
ственн
праве

В
направ
ков. В
МТС
ревизи
начале
по кон

Сс
предст
ния жа

Н
наруш
ра Кр
лению
ского
эта ра
нов. Н
Пласт
ски ве
ми, а
Ч

вой пр
К
закон
конода

нии налогом, в непредоставлении льгот и скидок, установленных законом о сельскохозяйственном налоге.

По результатам проверок городскими и районными прокурорами были внесены представления в руководящие органы. Ряд незаконных актов был опротестован органами прокуратуры.

По представлению прокуроров вопрос о соблюдении прав граждан специально рассматривался на пленумах горкомов КПСС. Прокурор Ярославского района Краснодара т. Нобицкий на пленуме райкома КПСС сделал специальный доклад о социалистической законности, и пленумом было принято решение, направленное на укрепление законности в районе.

Прокурор Кировского района Краснодара т. Шумский выступил на сессии районного совета с докладом о состоянии законности в районе. По докладу сессия приняла развернутое решение. В ряде районов и городов края вопросы соблюдения конституционных прав граждан обсуждались на бюро горкомов и райкомов КПСС либо на заседаниях городских и районных исполкомов.

После обобщения всех имеющихся в нашем распоряжении материалов прокуратурой края было внесено представление по поводу нарушений конституционных прав граждан в руководящие органы края, которые приняли соответствующие меры.

О нарушениях прав колхозников было внесено краевой прокуратурой представление в исполком краевого совета депутатов трудящихся. Краевой исполком принял по представлению прокуратуры специальное решение «О фактах ущемления прав колхозников правлениями отдельных колхозов края». Исполком обязал местные советские органы покончить с неправильной практикой ущемления прав и интересов колхозников, в месячный срок проверить соблюдение ст. 17 Устава сельскохозяйственной артели во всех колхозах и отменить все незаконные решения правлений колхозов о наложении штрафов на колхозников.

В своем решении краевой исполком наметил ряд других мероприятий, направленных на обеспечение гарантированных законом прав колхозников. В частности, обязал направить работу инструкторов-бухгалтеров МТС в основном на проверку состояния учета в колхозах, проведение ревизий и оказание помощи ревизионным комиссиям колхозов; обязал начальника краевого управления сельского хозяйства улучшить работу по контролю за соблюдением Устава сельскохозяйственной артели.

Соответствующими директивными органами рассмотрены и другие представления краевой прокуратуры, в частности, по вопросам разрешения жалоб в отделах краевого и Краснодарского городского советов.

Наряду с проведением работы по непосредственному устранению нарушений законов, охраняющих права и интересы граждан, прокуратура Краснодарского края уделяет серьезное внимание разъяснению населению постановлений сентябрьского, февральско-мартовского и июньского Пленумов ЦК КПСС, а также пропаганде советских законов. Вся эта работа проводится под руководством и контролем партийных органов. Некоторые городские и районные прокуроры (Усть-Лабинского и Пластуновского районов, Новороссийска, Армавира и др.) систематически выступают перед рабочими и колхозниками с лекциями и докладами, а также помещают статьи на правовые темы в местной печати.

Часто выступают с докладами, а также в печати и работники краевой прокуратуры.

Краевой прокуратурой разработаны две лекции: «Социалистическая законность на страже интересов трудящихся» и «Советское трудовое законодательство». Лекции прочитаны населению некоторыми городскими

и районными прокурорами. В ближайшее время эти лекции будут разосланы всем прокурорам.

Готовятся лекции по вопросам, связанным с соблюдением законности в колхозах.

Вместе с тем в работе органов прокуратуры края по надзору за исполнением законов, охраняющих права и интересы граждан, имеются еще серьезные недостатки, отрицательно сказывающиеся на эффективности этой работы.

Самый существенный недостаток тот, что не все городские и районные прокуроры постоянно и систематически занимались надзором за соблюдением конституционных прав граждан. Прокурор Кагановичского района т. Штепа в 1953 году не сделал ни одной проверки соблюдения прав граждан. Однако в районе, как это установлено работником краевой прокуратуры, только административной комиссией при райисполкоме незаконно оштрафован ряд граждан. Прокурор Тимашевского района т. Сидоров не вел надзора за соблюдением конституционных прав граждан. При ревизии работы прокуратуры Тимашевского района выявлено много фактов ущемления прав колхозников.

Целый ряд городских и районных прокуроров ограничивается лишь внесением протестов и представлений, не интересуясь, устранены ли нарушения закона в действительности.

Не изжито формальное отношение к делу: приносились протесты и представления по фактам, не имеющим сколько-нибудь серьезного значения.

Многие районные и городские прокуроры (а в некоторых случаях и прокуратура края) в своих представлениях не ставили остро вопросов о строгом наказании нарушителей советских законов.

Плохо еще организован обмен положительным опытом работы.

До сих пор не искоренены такие нетерпимые факты, как неосновательное привлечение к уголовной ответственности отдельных граждан.

В ряде случаев работники прокуратуры выступают перед населением с докладами без учета местных условий и поэтому не вызывают критики работы органов прокуратуры.

Пр
литерат
далась
являющ
юриста

Пр
вильно
эксперт
но-след
ми. Нег
отражен
ненном
ного пр
и Лени
А. А. У
адвока

Дл
Центра
1954 г.
но-псих
на сво
рифери

Уча
что ря
сионны
ском У
летней
вильно
сивных
В. Х. 1

В
невмен
психиа

П
на воп

Хс
психиа
вят эт
психи
ниях с
гаются
отвеча
суда
этому

ПОНЯТИЕ НЕВМЕНЯЕМОСТИ И ПРАКТИКА СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Проф. А. Бунеев

Проблеме невменяемости не повезло в советской юридической литературе. В то время как проблема вины широко обсуждалась в печати и многочисленных дискуссиях, понятие вменяемости, являющейся предпосылкой вины, почти не привлекло внимания юристов.

Пренебрежение к вопросам вменяемости повлекло за собой неправильное толкование пределов компетенции судебно-психиатрической экспертизы и в ряде случаев неправильную постановку вопросов судебно-следственными органами перед судебно-психиатрическими экспертами. Неправильные точки зрения некоторых юристов и психиатров нашли отражение в дискуссии (15 января 1953 г.), развернувшейся на объединенном заседании кафедр криминалистики, уголовного права и уголовного процесса Ленинградского юридического института имени Калинина и Ленинградского Государственного ордена Ленина университета имени А. А. Жданова с участием практических работников суда, прокуратуры, адвокатуры и врачей судебно-психиатрической экспертизы.

Для выработки единых точек зрения на вопросы невменяемости Центральный институт судебной психиатрии имени Сербского 18 мая 1954 г. поставил доклад о проблеме невменяемости в практике судебно-психиатрической экспертизы (научного сотрудника Д. Р. Лунца) на своем расширенном пленуме с широким участием врачей периферии.

Участники пленума легко пришли к единой точке зрения, тем более что ряд вопросов, выдвигавшихся некоторыми психиатрами как дискуссионные, по существу таковыми не являются и давно решены в советском Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах, а также многолетней практикой советской судебно-психиатрической экспертизы. Правильное решение этих вопросов было намечено еще в работах прогрессивных дореволюционных русских психиатров В. П. Сербского и В. Х. Кандинского.

В данной статье мы коснемся лишь некоторых положений проблемы невменяемости, которые наиболее тесно связаны с практикой судебно-психиатрической экспертизы.

Прежде всего мы коснемся права судебного психиатра отвечать на вопрос о вменяемости обвиняемого.

Хотя в течение всего периода существования советской судебно-психиатрической экспертизы суд и следственные органы неизменно ставят этот вопрос перед экспертами и получают на него ответ, некоторые психиатры и юристы время от времени в печатных и устных выступлениях ставят это право эксперта под сомнение. При этом обычно выдвигаются одни и те же доводы, сводящиеся к тому, что эксперт-психиатр, отвечая на вопрос о вменяемости, будто бы вмешивается в функции суда и что вопрос о вменяемости есть вопрос чисто юридический и поэтому решение его лежит вне компетенции психиатра.

Эти доводы отражают влияние идеалистических теорий буржуазного права. Как известно, в уголовном процессе различных буржуазных стран эксперт-психиатр не имеет права отвечать на вопрос о вменяемости. Против такого положения энергично боролись еще передовые русские дореволюционные психиатры. В. П. Сербский резко возражал против схоластической трактовки буржуазным уголовным правом понятия вменяемости. По выражению В. П. Сербского, «термины вменяемость, невменяемость принадлежат всецело юристам, ... но как бы они ни были изменены, те понятия, которые ими обозначаются, все-таки останутся... Способность ко вменению есть не что иное, как известное душевное состояние данного лица». Это душевное состояние и должен определить психиатр-эксперт на основе тщательного клинического анализа. При этом нет никаких оснований видеть в этом вторжение психиатра в функции суда.

В советском уголовном праве очень четко определил задачи судебно-психиатрической экспертизы А. Я. Вышинский. Наука, говорит он, может установить вменяемость или невменяемость обвиняемого. Далее он указывает, что при такого рода заключениях экспертов для суда остается огромный простор для оценки установленных фактов. Известно, что по советскому закону заключение экспертизы является для суда необязательным. Это ясное разграничение функций судебно-психиатрической экспертизы и суда нашло свое отражение и в Положении о производстве судебно-психиатрической экспертизы в СССР, где в качестве основной ее задачи выдвигается решение вопроса о вменяемости того или иного обвиняемого в момент совершения преступления. Мы особенно подчеркиваем это положение, так как в ряде случаев судебные и следственные органы ставят перед экспертизой совершенно незаконный вопрос — о вменяемости в настоящее время.

Понятие вменяемости или невменяемости относится только к моменту совершения преступления. Формулировка ст. 11 УК РСФСР показывает, что так называемый юридический или психологический критерий вменяемости (способность отдавать отчет в своих действиях или руководить ими) относится только к периоду совершения преступления и имеет в виду конкретное действие. Этот критерий приобретает неопределенный, расплывчатый характер, как только ставится вопрос о способности человека отдавать ответ в своих действиях или руководить ими вообще. Статья 322 УПК РСФСР строго разграничивает состояние невменяемости, обусловленное психическим расстройством во время совершения преступления, и болезненное расстройство, наступающее после совершения преступления. Статья различает временные психические заболевания и неизлечимые заболевания, наступившие после совершения преступления. При наличии неизлечимого заболевания уголовное дело подлежит прекращению.

Постановка вопроса о вменяемости в настоящее время основана на смешении различных понятий: вменяемости и возможности осуществить акт вменения (приговор) в силу психического расстройства, наступившего после совершения преступления. Понятно, что психическое заболевание, наступившее после совершения преступления, может препятствовать участию обвиняемого в следственном или судебном процессе и, в конечном счете, вынесению приговора. Однако в этом случае эксперт не должен говорить о невменяемости, а только о наличии временного или хронического расстройства психической деятельности. Это, конечно, не снимает с эксперта обязанности дать тщательный клинический анализ психического расстройства, наступившего после совершения преступления.

В э
ного ил
ное дел
пной ме
струкци
мер мед
шивших
стройст
ческих
шие хрс
принуди

Поэ
ческого
предста
вопроса
что в с
расстро
новится
диагноз
меняем
о даль
ное наб
нара, н
ния, во
вания, л
вание з
такого
венные,
тензии
спертиз

Не
дящихс
да еще
психиат
двигает
лем ра
этой пр
нию ка

Рес
и следс
атричес
ступлен
он явл
наступи
заться
том, до
цессе п
мерах

В зависимости от характера наступившего заболевания (временного или хронического) суд приостанавливает или прекращает уголовное дело. От характера же заболевания зависит и применение той или иной медицинской меры социальной защиты. Согласно действующей инструкции «О порядке применения принудительного лечения и других мер медицинского характера в отношении психически больных, совершивших преступление» лица, заболевшие временным психическим расстройством после совершения преступления, содержатся в психиатрических больницах на положении испытуемых, в то время как заболевшие хроническим психическим расстройством могут быть направлены на принудительное лечение.

Пожалуй, можно даже сказать, что определение характера психического расстройства, наступившего после совершения преступления, представляет для эксперта-психиатра большие трудности, чем решение вопроса о вменяемости в момент совершения преступления. Дело в том, что в связи с прогрессом наших знаний в области терапии психических расстройств само понятие хронического (неизлечимого) состояния становится менее определенным. Исход заболевания зависит не только от диагноза, но и от целого ряда факторов, в том числе и от характера применяемых терапевтических мероприятий. Поэтому для предсказания о дальнейшем течении заболевания иногда требуется очень длительное наблюдение. Иногда в условиях судебно-психиатрического стационара, например при наличии затяжного и глубоко реактивного состояния, вообще невозможно решить вопрос о дальнейшем течении заболевания, и для этого требуется более или менее продолжительное пребывание заболевшего в обычной психо-неврологической больнице. Правда, такого рода случаи сравнительно редки. Обычно они вызывают естественные, но с точки зрения психиатров недостаточно обоснованные претензии со стороны суда или следствия к судебно-психиатрической экспертизе.

Нетрудно понять, что лечение больных, заболевших до суда и находящихся постоянно под влиянием неблагоприятной для них ситуации, да еще в условиях содержания под стражей (в специальных судебно-психиатрических стационарах), является делом очень трудным. Это выдвигает перед судебной психиатрией в качестве одной из ведущих проблем разработку проблемы терапии реактивных состояний. Разрешение этой проблемы, несомненно, будет способствовать дальнейшему повышению качества судебно-психиатрической экспертизы.

Резюмируя вкратце вышеизложенное, следует сказать, что суд и следственные органы могут и должны ставить перед судебно-психиатрической экспертизой вопрос о вменяемости в момент совершения преступления. Что касается вопроса о вменяемости в настоящее время, то он является неправомерным. При наличии психического заболевания, наступившего после совершения преступления, эксперт должен высказаться о характере этого заболевания (хроническом или временном) и о том, допускает ли наличие этого заболевания участие обвиняемого в процессе предварительного следствия или на суде, а также о необходимых мерах медицинского характера.

ЗАМЕТКИ ОБ ОБВИНИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ ПРОКУРОРА

М. Савицкий

Кандидат юридических наук

Перед прокурором, поддерживающим обвинение на суде, всегда стоит задача: обосновать перед судом виновность подсудимого в совершении преступления.

Существуют, конечно, общие требования, применимые к любой обвинительной речи прокурора: в ней должны найти место и оценка доказательств, и оценка общественной опасности преступления и преступника, и юридическая оценка (квалификация) деяния, и требование определенной меры наказания. Обвинительная речь прокурора имеет большое политическое значение, призвана играть большую роль в изобличении и наказании преступника и в осуществлении воспитательных задач советского правосудия. Но прокурору, которому предстоит выступать с обвинительной речью, важно знать, как применить эти общие положения в данном, сегодняшнем деле, по которому предстоит произнести обвинительную речь.

Каждое дело имеет свое лицо, свои индивидуальные черты, свои, только ему присущие, особенности. Только та речь достигает цели, которая выражает правильное понимание своеобразия данного дела, в которой верно схвачено все основное, решающее его исход.

Покажем на примерах, как меняется задача прокурора на суде в зависимости от обстоятельств дела.

В январе текущего года было опубликовано определение транспортной коллегии Верховного суда СССР по делу Лимаренко¹. Работавший штурвальным комбайна Мечетинской МТС Лимаренко похитил ночью из ящика, стоявшего на открытой грузовой площадке ст. Мечетинская Северо-Кавказской ж. д., инструменты и запасные части к комбайну общей стоимостью в 420 руб. Лимаренко признал свою вину и объяснил, что хотел обеспечить комбайн, на котором работал, запасными частями и инструментами. Свидетель Бабенко, работавший на том же комбайне, показал, что Лимаренко принес новую камеру, которую поставил вместо неисправной, и инструменты, которыми они пользовались до изъятия их работниками милиции. Лимаренко был признан виновным в хищении государственного имущества и осужден линейным транспортным судом.

Виновность Лимаренко не вызвала сомнений. Но Верховный суд заменил ему безусловное наказание, назначенное судом, наказанием условным, учитывая, что Лимаренко ранее ни в чем предосудительном замечен не был, похитил имущество на сравнительно небольшую сумму и признал полностью свою вину.

Такова несложная фабула дела. Найдутся люди, которые скажут, что по такому «мелкому» делу прокурору вовсе незачем выступать в суде, что у него есть дела поважнее, а с таким ясным и несложным делом суд в состоянии справиться и без помощи прокурора. Предубеж-

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1954 г. № 1.

дение п
ков про
мелким,

В се
ный чел
корысти,
о нужда
преднази
мо, сказ
сознател
нодушнс
вещам к
исхожде
ле — не
призвани
ки капи

Не
обвинени
строенна
действие
точка пр
должно
нельзя г

В де
ка доказ
ние мер
является
ственног
нительнс
ности и
поступок
казания.
тории. Д
не тольк
бы сам
в резуль
бы ясно
хозяйств

Еще
ным обви
сти подс
нием пос
сударств
го, его о
ведения
дарствен
последни
на общес
маренко
быть, хо
умеренна
тельство.

По-д
Нерубени
вместе с

дение против «мелких» дел — вообще нередкое явление среди работников прокуратуры. Но нам дело Лимаренко представляется отнюдь не мелким, а имеющим большой общественный интерес.

В самом деле, как могло случиться, что специалист-комбайнер, честный человек, «болеющий» за свой комбайн, не преследовавший никакой корысти, пошел на воровство у государства? Почему Лимаренко забыл о нуждах других МТС, других комбайнеров, других колхозов, которым предназначались похищенные им запасные части и инструменты? Видимо, сказались узость кругозора, столь несвойственная нашим людям, неосознанность, недостаток воспитания. Должно быть, повлияло и равнодушное, а может быть, и молчаливо-поощрительное отношение к таким вещам кое-кого из окружающих (едва ли Бабенко не догадывался о происхождении принесенных Лимаренко предметов). Так разве в этом деле — не широкое поле деятельности для государственного обвинителя, призванного вместе с судом разоблачать и бичевать отсталость, пережитки капитализма, когда они перерастают в преступление?

Не может быть сомнения в том, что поддержание государственного обвинения на суде по такому делу крайне желательно, что правильно построенная обвинительная речь имела бы огромное воспитательное воздействие на самого подсудимого и на судебную аудиторию. Но где тут точка приложения основных усилий обвинителя, к чему в этом деле должно быть приковано все его внимание? Без ответа на этот вопрос нельзя правильно построить обвинение.

В деле Лимаренко, как в любом другом деле, важно многое: и оценка доказательств, и квалификация преступления, и правильное определение меры наказания. Но душой этого дела, как нам представляется, является осуждение — уголовно-правовое и моральное — противообщественного явления, опасность которого не для всех еще ясна. Осью обвинительной речи прокурора должно быть обоснование общественной опасности и противоправности поступка Лимаренко, разъяснение того, что поступок этот, несмотря на «благие намерения», требует осуждения и наказания. Надо это показать убедительно и для суда и для судебной аудитории. Для обвинителя важно добиться осуждения поступка Лимаренко не только судом, но и всеми присутствующими в зале суда. Важно, чтобы сам Лимаренко, человек не потерянный, прочувствовал и осознал в результате судебного процесса позорность своего поведения, увидел бы ясно вред, причиняемый такими делами социалистическому сельскому хозяйству.

Еще одна серьезная задача стоит в этом деле перед государственным обвинителем: помочь суду разобраться в мере общественной опасности подсудимого и правильно определить наказание. За суровым осуждением поступка вовсе не всегда должно следовать суровое наказание. Государственный обвинитель не может отвлекаться от личности подсудимого, его общественного лица, от его прошлого, трудовой деятельности, поведения в быту. Рекомендуя суду избрать то или иное наказание, государственный обвинитель руководствуется многими соображениями. И не последним из них является законное желание сохранить полезность члена общества, не нуждающегося в изоляции. Мы видели, что по делу Лимаренко понадобилось вмешательство Верховного суда СССР. Может быть, хорошая обвинительная речь, беспощадно бичующая поступок, но умеренная в требовании наказания, сделала бы излишним такое вмешательство.

По-другому выглядит задача государственного обвинителя по делу Нерубенко, обвинявшегося в том, что в ночь на 17 мая 1950 г. он вместе с другими лицами, не установленными следствием, совершил

вооруженное ограбление квартиры своей родственницы Жучковой, похитив у нее 4700 руб., облигации и другие ценности¹.

По делу имелись следующие доказательства:

а) Показания самого Нерубенко. Он отрицал свое участие в ограблении. Вначале он объяснил, что с 15 по 24 мая был в пути, разъезжая по железной дороге между Киевом и Харьковом. Затем он заявил, что 15 мая ночевал у Жучковой, спрашивал у нее, когда будут на работе ее муж и дочь. Далее он добавил, что 16 мая проверял вместе с Жучковой облигации по таблице выигрышей, знал, что у нее есть деньги. На суде Нерубенко отказался от этих показаний и снова заявил, что не мог участвовать в ограблении, так как 17 мая был в пути, следуя в Харьков устраиваться на работу.

б) Показания потерпевшей Жучковой. По ее словам, когда несколько грабителей ворвались в комнату, она пыталась выскочить в окно, но в это время снаружи к окну подбежал Нерубенко с зажженным фонарем и захлопнул ставню. Жучкова в этот момент узнала его по лицу. Она показала также, что грабители требовали от нее золотые часы, о которых знал Нерубенко. Когда Жучкова указала им на другие часы и грабители вынесли их на улицу, то находившийся там грабитель сказал, что это не те часы. После этого грабители вернулись и потребовали у нее другие часы. Когда грабители забирали облигации, то один из них сказал, что, возможно, они выиграют, так как «одна облигация не сошлась на один номер». Жучкова добавила в показаниях, что за день до ограбления она проверяла облигации вместе с Нерубенко и что номер ее облигации только на единицу не совпал с номером, на который пал выигрыш.

в) Показания свидетелей Решетняка и Нерубенко (однофамильца обвиняемого). Они показали, что 16 мая видели обвиняемого Нерубенко в селе Красном, где проживала Жучкова.

Нетрудно заметить, что в деле Нерубенко центр тяжести переносится на доказывание обвинения, на оперирование доказательствами. Основная задача государственного обвинителя по делу, и задача нелегкая, доказать, что Нерубенко действительно совершил приписываемое ему деяние. Но это, конечно, не единственная задача обвинителя. Справившись с доказательствами, он должен будет заняться вопросами квалификации деяния и меры наказания. Заметим при этом, что вопрос о мере наказания здесь должен решаться иначе, чем по делу Лимаренко. Но и в отличие от дела Лимаренко стержневым вопросом в деле Нерубенко является вопрос о доказанности обвинения.

Общепризнано, что использование доказательств, их анализ и оценка, построение на их основе вывода о виновности — наиболее сложная и трудная часть деятельности государственного обвинителя. Опытный обвинитель стремится прежде всего привести имеющиеся по делу доказательства в систему: какими источниками доказательств он располагает, каково качество этих источников, можно ли их считать надежными, какие факты ими устанавливаются, каково значение этих фактов, их связь между собой и с предъявленным обвинением, нет ли в них противоречий, их значение и как их устранить. Во всех этих вопросах обвинитель должен сначала тщательно разобраться сам, а потом уже говорить о них в обвинительной речи.

Важнейшим средством выяснения всех указанных вопросов является также активное участие государственного обвинителя в судебном следствии. Материальной основой обвинительной речи прокурора являются

¹ „Судебная практика Верховного суда СССР“ 1951 г. № 8.

объек
ная р
ные, т
зом, о
ей су
стием

В
рубени
отвеча
грабит
мое о
в его
точно
присут
участ
Жучко
и убед
вает, г
судебно
риться
будут
показа

Но
под влн
другое
потерял
вание
предме
нителы

Он
быть п
дения
доказат
(ст. 319
но и др

По
только
важно
прокуро
ном сле
ния, о
и специ
ходимо
телей в
Судебно
Нерубен
места
верить
К тому
выше до
он, опир
ства по

Гол
Нерубен
15 мая

объективные факты, установленные на судебном следствии. Обвинительная речь опирается на данные судебного следствия, использует эти данные, толкует и разъясняет их, подкрепляет ими обвинение. Таким образом, обвинительная речь теснейшим образом связана с предшествующим ей судебным следствием, она подготовляется активным и умелым участием прокурора в судебном следствии.

В деле Нерубенко основной вопрос заключается в том, был ли Нерубенко в ночь на 17 мая на месте преступления. Потерпевшая Жучкова отвечает на этот вопрос утвердительно: да, она узнала Нерубенко в том грабителе, который находился снаружи и захлопнул ставню. Это — прямое обвинительное доказательство. Если устранить всякое сомнение в его правдивости и безошибочности, оно само по себе было бы достаточно для обоснования обвинения, так как неоспоримо устанавливало бы присутствие Нерубенко в числе ночных грабителей, а значит, и его участие в преступлении. Но, чтобы твердо опереться на показание Жучковой, обвинителю необходимо прежде всего убедиться самому и убедить суд в том, что она добросовестная свидетельница, не обманывает, говорит правду. С этой целью обвинитель должен выяснить на судебном следствии взаимоотношения Жучковой и Нерубенко, удостовериться в отсутствии у нее мотивов для ложных показаний. Эти данные будут использованы затем в обвинительной речи для характеристики показаний Жучковой как правдивых.

Но этого мало. При всей своей добросовестности Жучкова могла под влиянием ночных переживаний ошибиться и принять за Нерубенко другое лицо. Тогда ее показание, оставаясь субъективно добросовестным, потеряло бы значение объективно достоверного доказательства. Исследование этой стороны вопроса, более сложной и трудной, должно быть предметом особого внимания прокурора на судебном следствии и в обвинительной речи.

Оценка объективной достоверности показания Жучковой должна быть произведена на основе исследования обстановки разбойного нападения на ее квартиру и путем сопоставления с ее показанием других доказательств по делу, причем принцип свободной оценки доказательств (ст. 319 УПК РСФСР) имеет руководящее значение не только для суда, но и для государственного обвинителя.

Показания обвиняемого Нерубенко, как мы видели, являются не только противоречивыми, но и исключающими одно другое. Поэтому важно выяснить, какое из показаний заслуживает доверия. С этой целью прокурор должен во всех подробностях допросить Нерубенко на судебном следствии о его образе жизни, занятиях и источниках существования, о постоянном месте жительства, местопребывании в дни 15—17 мая и специально о причинах неоднократного изменения им показаний. Необходимо при этом выяснить, не может ли Нерубенко сослаться на свидетелей в подтверждение своих показаний. Как видно из определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Нерубенко, он с января по май нигде не работал и не имел постоянного места жительства, курсируя по разным городам. «Следовательно, проверить его заявление, что 15 мая он ехал в Киев, невозможно. К тому же это его утверждение голословно и опровергается указанными выше доказательствами». Будет большим достижением обвинителя, если он, опираясь на результаты допроса Нерубенко и на другие доказательства по делу, сумеет в обвинительной речи обосновать это положение.

Голословному утверждению об алиби противостоят другие показания Нерубенко на предварительном следствии, в которых он утверждал, что 15 мая ночевал у Жучковой, а 16 мая проверял вместе с ней облигации.

Именно это показание представляется по обстоятельствам дела заслуживающим доверия, так как оно совпадает с утверждением потерпевшей Жучковой о том, что за день до ограбления она вместе с Нерубенко проверяла облигации. Такое совпадение в показаниях обвиняемого и потерпевшей создает доказательство большой обвинительной силы.

Версия об алиби опровергается и показаниями свидетелей Решетняка и Нерубенко. Обвинитель должен убедиться на судебном следствии в надежности этих источников и в обвинительной речи показать суду, что у свидетелей нет никаких мотивов для лжи, а возможность их ошибки исключается. Таким образом будет полностью разоблачена версия Нерубенко о его алиби как заведомо ложная.

На данном этапе анализа доказательств обвинитель вправе сформулировать два важных, хотя и неокончательных вывода: 1) 16 мая Нерубенко был у Жучковой и вместе с ней проверял облигации; 2) по меньшей мере не исключается, а с учетом опознания его Жучковой представляется вполне вероятным присутствие Нерубенко на месте преступления в ночь на 17 мая.

Теперь обвинителю остается подкрепить и со всей убедительностью сформулировать конечный вывод об участии Нерубенко в разбойном нападении. Для этого придется обратиться к двум эпизодам, по словам Жучковой, имевшим место в момент ограбления, — эпизоду с отобранием у нее облигаций и эпизоду с часами.

Когда у Жучковой отбирали облигации, один из грабителей выразил надежду на возможность выигрыша, так как при проверке облигаций одна из них не сошлась по таблице выигрышей на один номер. Эта внушающая доверие деталь является серьезной уликой против Нерубенко, поскольку установлено, что накануне ограбления он был у Жучковой и проверял с ней облигации, из чего можно заключить, что источником, осведомленности орудовавших в квартире грабителей о результатах проверки облигаций был Нерубенко. Еще большее значение имеет рассказанный Жучковой эпизод с золотыми часами, о существовании которых Нерубенко знал. Это же знал и находившийся снаружи грабитель, заставивший других грабителей вернуться в дом и потребовать именно золотые часы. В свете этого факта опознание Жучковой Нерубенко в находившемся снаружи грабителе приобретает силу неопровержимого доказательства.

Так слились в один поток прямые и косвенные доказательства по делу Нерубенко и привели к непреложному выводу: он был на месте преступления и принимал в нем участие.

Дело Лимаренко и дело Нерубенко лишь в малой степени характеризуют огромное разнообразие жизненных случаев, с которыми сталкивается государственный обвинитель, многообразие возникающих перед ним задач. К тому же оба дела не относятся к числу наиболее сложных. Задача государственного обвинителя серьезно усложняется, если по делу обвиняется несколько человек, когда обвиняемому или обвиняемым вменяется не одно, а несколько преступлений, в случаях, когда важно и доказать обвинение, и обосновать наличие состава преступления, и аргументировать необходимость определенной юридической квалификации, и т. д.

Представим себе, что прокурор поддерживает на суде обвинение по делу о выпуске недоброкачественной продукции промышленным предприятием. Сложность этих дел общеизвестна. Для вынесения обвинительного приговора должно быть достоверно установлено, что продукция действительно недоброкачественна, что она была выпущена данным предприятием, что виновны в этом занимающие скамью подсудимых

директо
контрол
каждук
и в реч
индиви
преступ
них, ка
недобро
каждог
ства, го
речи ог
ния о м
кретиза

Осс
по дел
Кос
нии свя
обоснов
обвинит
показыв
стачи, с
на недо
дов, обе
случае,
не своб
стачи, т
а обяза

Дал
недостат
формы
не остае
сам созд
кое прес
сосредот
нии дейс
тивной с
преступл

По
сложным
ции дея
сомнени

Не с
материал
должен
обвинени

Ита
и правил
ясны за
встречу
полный

В об
ния о ме
оно выр

директор предприятия, главный инженер и начальник отдела технического контроля. Государственный обвинитель должен последовательно отстоять каждую из этих позиций вначале на судебном следствии, а затем и в речи. Он не может обвинять всех подсудимых огулом, а должен индивидуализировать обвинение, т. е. выяснить и показать, какое именно преступное действие или бездействие подлежит вменению каждому из них, какова связь между этими действиями (бездействием) и выпуском недоброкачественной продукции, какова степень вины и ответственности каждого из подсудимых. Основываясь на решениях партии и правительства, государственный обвинитель должен разъяснить в обвинительной речи опасность преступления и сформулировать определенные требования о мерах наказания. Разумеется, и эти положения нуждаются в конкретизации применительно к обстоятельствам каждого дела.

Особое значение имеет поддержание государственного обвинения по делам о хищениях государственного и общественного имущества.

Коснемся теперь той разновидности этих дел, где обвинение в хищении связано с обнаружением недостачи материальных ценностей. Чтобы обосновать перед судом обвинение по такому делу, государственный обвинитель должен прежде всего доказать реальность недостачи. Как показывает практика, обвиняемые часто оспаривают самый факт недостачи, ссылаясь на неучтенные при ревизии оправдательные документы, на недостатки учета и отчетности и т. д. Не опровергнув подобных доводов, обвинитель не может создать прочного обвинения. Но даже в том случае, когда обвиняемые не делают подобных ссылок, обвинитель не свободен от обязанности доказать действительное существование недостачи, так как факт недостачи является необходимым звеном обвинения, а обязанность доказать обвинение лежит на прокуроре.

Далее предстоит решить более сложную задачу: вскрыть причины недостачи и доказать, что она явилась результатом присвоения или иной формы хищения. Причиной недостачи могла быть халатность, но тогда не остается места для обвинения в хищении. Иной обвиняемый готов сам создать такую версию, чтобы уйти от ответственности за более тяжкое преступление. Усилия государственного обвинителя должны быть сосредоточены на выяснении истинных причин недостачи, на разоблачении действительных расхитителей. Этой цели и служит анализ субъективной стороны преступления, так как хищение является умышленным преступлением, совершенным из корысти.

По делам о хищениях государственного и общественного имущества сложным и трудным является порой вопрос о юридической квалификации деяния. Обвинительная речь прокурора не должна оставить никаких сомнений и в этой части.

Не следует забывать, что дела о хищениях, связанных с недостачами материальных ценностей, также не похожи одно на другое. Прокурор должен разобраться в каждом деле и уяснить себе, где основное звено обвинения.

Итак, залог успеха в поддержании обвинения — в глубоком знании и правильном понимании дела, когда во всей конкретности становятся ясны задачи обвинения, когда отчетливо обрисуются трудности, на встречу которым должен идти прокурор — государственный обвинитель, полный решимости преодолеть их.

* *

*

В обвинительной речи прокурор не может не высказать своего мнения о мере наказания. Но каким должно быть это мнение? Должно ли оно выразить твердое и определенное требование относительно вида

и размера наказания или можно обойтись общими фразами, полагаясь целиком на усмотрение суда?

Лежит ли на государственном обвинителе доля ответственности за правильность наказания, должен ли он помочь суду в выборе меры наказания, может ли и должен ли он по этому поводу «свое суждение иметь», принадлежит ли ему, наконец, надзор за соответствием меры наказания содеянному?

Советский закон редко пользуется абсолютно определенными санкциями. Наиболее часто закон предоставляет суду большую или меньшую свободу выбора при назначении меры наказания. Закон допускает в исключительных случаях неприменение вовсе наказания к лицу, признанному виновным, а также назначение наказания ниже низшего предела, предусмотренного санкцией закона (ст. 8 и 51 УК РСФСР). В необходимых случаях суд может назначить условное наказание (ст. 53 УК РСФСР). Государственный обвинитель должен помочь суду разобраться во всех этих вопросах. Ни один из них не устраняется из сферы процессуальных интересов государственного обвинителя, поскольку в их правильном разрешении заинтересовано Советское государство.

Все, что в состоянии и обязан обосновать суд в приговоре, может и должен обосновать и прокурор в обвинительной речи. Все доступное суждению суда доступно и суждению прокурора. Разумное, соответствующее обстоятельствам дела требование всегда может быть аргументировано. Другой вопрос, что задача эта нелегкая. Но трудность задачи не снимает ее обязанности с государственного обвинителя. Имея перед собой такую задачу, государственный обвинитель должен специально продумать требование о мере наказания, он должен, следовательно, еще глубже вникнуть в обстоятельства дела, в оценку личности подсудимого, дифференцировать требование, если скамью подсудимых занимает несколько человек.

Прокурор осуществляет надзор не только за соответствием назначенного судом наказания закону, но и за соответствием наказания содеянному. Он может принести протест на приговор по мотивам чрезмерной мягкости или чрезмерной суровости наказания, хотя бы оно и не выходило за рамки санкции закона. Прокурор, следовательно, вправе и обязан входить в оценку справедливости наказания, его соразмерности тяжести преступления и общественной опасности преступника. Прокурору, следовательно, доступны доводы в пользу того или иного требования.

Иногда говорят, что требование государственного обвинителя о применении конкретной меры наказания может быть воспринято судебной аудиторией как давление на суд, как посягательство на независимость судей. Легко увидеть несерьезность такого возражения. Ведь никто не усматривает посягательства на независимость судей в требовании государственного обвинителя о признании подсудимого виновным или в требовании защитника о вынесении справедливого приговора. Ни одно требование сторон не имеет для суда обязательной силы. Суд самостоятелен и независим в решениях и подчиняется только закону.

ПС

В с
смотрен
судебно
Этот во
пов Заг

Пр
состоял
Ростов
в поряд
и порче
полните
в 4000
лобой в
но личн
прекрат
опись и
дела мк

На
обоснов
нено су
суда на
о суду
интеля
родным
датель

На
в Судеб
на том
СССР с
заседан
сущест
судьи
вопросу
единол

Суд
не согл
Ростов
судебно
ве, про

1 С

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ ЖАЛОБ НА ДЕЙСТВИЯ СУДЕБНОГО ИСПОЛНИТЕЛЯ¹

М. Красногорский

Член Верховного суда РСФСР

В судебной практике возник вопрос: возможно ли единоличное рассмотрение народным судьей в судебном заседании жалоб на действия судебного исполнителя, подаваемых согласно ст. 270 ГПК РСФСР? Этот вопрос представляет несомненный интерес в свете общих принципов Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик.

Проиллюстрируем это на конкретном примере. В июле 1953 года состоялось решение народного суда 1-го участка Целинского района Ростовской области, по которому с Д. взыскано в пользу С. 850 руб. в порядке возмещения ущерба, причиненного порубкой шести деревьев и порчей посадки картофеля. На основании этого решения судебным исполнителем произведена опись саманного дома с оценкой строения в 4000 руб. 10 сентября 1953 г. Д. обратился в народный суд с жалобой на неправильные действия судебного исполнителя, так как описано лично ему принадлежащее имущество за долги жены, с которой он прекратил совместную жизнь в 1945 году и общего имущества не имеет; опись имущества произведена без истребования от коммунального отдела местного совета необходимых документов.

Народный судья, рассмотрев единолично жалобу Д., признал ее необоснованной. По частной жалобе Д. определение народного судьи отменено судебной коллегией по гражданским делам Ростовского областного суда на том основании, что оно вынесено с нарушением ст. 14 Закона о судостроительстве, в силу которой жалоба на действия судебного исполнителя подлежала рассмотрению не народным судьей единолично, а народным судом в коллегиальном составе — с участием народных заседателей.

На определение Ростовского областного суда был принесен протест в Судебную коллегию по гражданским делам Верховного суда РСФСР на том основании, что в силу постановления Пленума Верховного суда СССР от 3 июля 1940 г. коллегиальное рассмотрение дел в судебном заседании имеет место лишь тогда, когда суд выносит решение по существу спора, что же касается распорядительных действий народного судьи по исполнению судебного решения, то определение по этому вопросу, как сказано в протесте, выносится народным судьей единолично.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР не согласилась с доводами протеста и, указав в своем определении, что Ростовский областной суд правильно признал, что жалобы на действия судебного исполнителя подлежат рассмотрению в коллегиальном составе, протест отклонила.

¹ Статья печатается в порядке обсуждения.

По нашему мнению, протест отклонен правильно. Однако в юридической литературе этот вопрос разрешается некоторыми юристами иначе. Так, С. Абрамов в учебнике «Советский гражданский процесс» (Госюриздат, 1952, стр. 362) пишет, что «судебный надзор за деятельностью судебного исполнителя осуществляет народный суд в коллегиальном или единоличном составе». Указывая, что лица, считающие незаконными процессуальные действия судебного исполнителя либо неправильным применение тех или иных законов, могут приносить жалобы в суд, — автор ссылается на ст. 270 ГПК и приходит к выводу, что «жалобы и протесты в этих случаях хотя и рассматривает единолично народный судья, но не как администратор, а как суд, т. е. в судебном заседании с вызовом сторон, если это необходимо».

Приведенные рассуждения автора противоречивы и по существу неправильны. Указание в учебнике, что судебный надзор за деятельностью судебного исполнителя народный суд осуществляет коллегиально либо единолично, следует, повидимому, понимать в том смысле, что выбор этого порядка принадлежит судье. Такое утверждение не соответствует ни тексту ст. 270 ГПК, которой установлен лишь единоличный порядок рассмотрения жалоб, ни Закону о судостроительстве, который вообще не знает единоличного рассмотрения дел народным судьей. Нельзя не отметить и противоречивость рассуждений автора, так как далее он на той же странице говорит уже о том, что жалобы и протесты в этих случаях рассматривает единолично народный судья. Более чем странным является утверждение, что народный судья рассматривает эти жалобы «не как администратор, а как суд».

Авторы девятой книги «Библиотеки народного суда» — «Исполнение судебных решений» Б. Лисковец и Г. Чугунов в той же степени неправильно разрешают этот вопрос, когда указывают, что жалобы на действия судебного исполнителя рассматриваются единолично народным судьей (Госюриздат, 1952, стр. 129).

Для подтверждения неправильности этих положений обратимся к закону. Статья 103 Конституции СССР гласит, что рассмотрение дел во всех судах осуществляется с участием народных заседателей, кроме случаев, специально предусмотренных законом. Это конституционное положение и выражено в ст. ст. 9 и 14 Закона о судостроительстве, где сказано, что дела во всех судах рассматриваются в составе народного судьи и двух народных заседателей, за исключением тех, специально предусмотренных законом случаев, когда такое разбирательство осуществляется в составе трех членов суда.

28 июля 1939 г. был издан утвержденный постановлением СНК СССР приказ НКЮ СССР № 62 «О прекращении рассмотрения судебных дел народными судьями единолично и о порядке выдачи судебных приказов». В этом приказе подчеркнута, что Закон о судостроительстве не предусматривает порядка единоличного рассмотрения уголовных и гражданских дел народным судьей без участия народных заседателей, и поэтому все без исключения уголовные и гражданские дела в народных судах должны рассматриваться в составе судьи и двух народных заседателей — в полном соответствии с Законом о судостроительстве. Все это с полной очевидностью показывает, что действующее законодательство не знает единоличного рассмотрения какой-либо категории уголовных и гражданских дел.

Не может быть поэтому принято во внимание правило ст. 270 ГПК РСФСР, предусматривающей, что жалобы на действия судебного исполнителя рассматриваются единолично народным судьей, так как с изда-

нием 3:
ло не д

Ст
судебн
носится
роль за
к той о
ными д
по опис
ховного
нума с
зания,
по наз.

Что
теля, т
админи
относя
дение
страти
тельны
ние за
нитель
низац

В
водств
процес
провед
новлен
колле
датель

У:
судей
устрой
дебног
ривает
выше
действи
собой
имеюг
ваний
испол.

В
полне
1939 г
струк
ного
стоят
судьи
едино
полни

нием Закона о судоустройстве, как закона более позднего, — это правило не действует.

Сторонники единоличного рассмотрения дел по жалобам на действия судебного исполнителя утверждают, что коллегиальное рассмотрение относится лишь к делам, по коим разрешается спор по существу, а контроль за деятельностью судебных исполнителей следует отнести лишь к той области деятельности судьи, которая связана с его распорядительными действиями. В подтверждение этой точки зрения сделана ссылка по описанному выше делу по жалобе Д. на постановление Пленума Верховного суда СССР от 3 июля 1940 г. Между тем в постановлении Пленума сказано, что Закон о судоустройстве дает совершенно точные указания, по каким именно вопросам судья действует единолично, а именно: по назначению дел к слушанию и председательствование в суде.

Что же касается наблюдения за деятельностью судебного исполнителя, то надзор в этой области осуществляется в двух направлениях — административный и судебный надзор. К административному надзору относятся вопросы организации исполнительного производства и наблюдение за своевременным исполнением судебных решений. Этот административный надзор предусматривает проверку неоконченных исполнительных производств, состояния денежной отчетности, а также наблюдение за тем, как судебный исполнитель контролирует взыскание по исполнительным документам, переданным в предприятия, учреждения и организации.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что исполнительное производство представляет собою самостоятельную стадию гражданского процесса, которая предусмотрена пятой частью ГПК. За правильным проведением этой стадии в смысле выполнения требований закона установлен судебный надзор (ст. 270 ГПК). Такой надзор и осуществляется коллегиально — в составе народного судьи и двух народных заседателей.

Утверждения сторонников единоличного рассмотрения народным судьей жалоб на действия судебного исполнителя, что Закон о судоустройстве устанавливает коллегиальное рассмотрение дел только в судебном заседании, в котором суд выносит решение по существу рассматриваемого им дела, — не может поколебать правильность высказанных выше положений о коллегиальном рассмотрении дела по жалобам на действия судебного исполнителя. Жалобы на эти действия представляют собою самостоятельное производство, т. е. конкретное гражданское дело, имеющее свое определенное существо, связанное с выполнением требований норм гражданского процесса, предусмотренных самим порядком исполнения судебных решений.

В заключение необходимо сослаться и на инструкцию о порядке исполнения судебных решений, утвержденную НКЮ СССР 28 сентября 1939 г., после издания Закона о судоустройстве. В п. 113 означенной инструкции сказано, что определение суда по жалобам на действия судебного исполнителя может быть обжаловано в вышестоящий суд. То обстоятельство, что здесь говорится об определении суда, а не народного судьи — свидетельствует о том, что инструкция также не предусматривает единоличного порядка рассмотрения жалоб на действия судебного исполнителя.

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НА АВТОТРАНСПОРТЕ

В. Василец

В настоящей статье я хочу остановиться на вопросе квалификации преступлений, связанных с нарушением трудовой дисциплины на автотранспорте.

Правильное применение материального закона означает прежде всего, что преступные действия виновного будут правильно квалифицированы.

Как известно, многие из статей Уголовного кодекса РСФСР и других уголовных законов, помимо признаков, присущих каждому составу преступления, содержат и дополнительные, так называемые отягчающие признаки. Как правило, этот признак, содержащийся в той или иной статье уголовного закона, не раскрывается законодателем. Закон лишь называет этот признак, но не раскрывает его содержания.

Так п. «а» ст. 59², ст. ст. 59³, 59^{3б}, 59⁶, ч. 2 ст. 59⁷, 59⁹ УК РСФСР содержат квалифицирующий признак — совершение преступления «при особо отягчающих обстоятельствах», а ч. 2 ст. 59^{3а} УК говорит о явно злостном характере преступных действий на транспорте. Закон не устанавливает, что следует понимать под особо отягчающими обстоятельствами или в каких случаях преступные действия работника транспорта носят явно злостный характер. Однако иногда факт по-разному расценивается каждым из судей в отдельности: одни считают, что такие-то преступные действия содержат в себе особо отягчающие обстоятельства, а другие не усматривают таковых. Между тем известно, что нельзя говорить о правильном применении уголовного закона, если отсутствует единое понимание и толкование этого закона. Это означает, что в каждом отдельном случае органы следствия и суда должны исходить при квалификации преступления не из одного какого-либо постоянного, общего и годного для всех случаев критерия, а брать преступление в целом (время, место, обстановка, мотивы, личность, последствия, отношение виновного к последствиям и т. д.).

Для квалификации преступления, связанного с нарушением трудовой дисциплины на транспорте, немаловажное значение имеет установление мотивов преступления. Известны случаи, когда преступник из корысти, ревности или иных низменных побуждений убивал свою жертву машиной. В таких случаях налицо нарушение дисциплины на транспорте, носящее явно злостный характер, и убийство при отягчающих обстоятельствах, налицо совокупность.

Судебная практика, однако, показывает, что основными причинами преступлений, совершаемых на автотранспорте, являются случаи вождения автомобиля в нетрезвом виде и превышение установленной скорости вождения. Таким образом, вождение автомобиля в нетрезвом виде, значительное превышение установленной скорости, так называемое лихачество, должны рассматриваться как квалифицирующие признаки, поскольку такие действия объективно создают реальную угрозу окружающим. Пленум Верховного суда СССР в руководящем указании от

15 сентября
нием пр
рассмот
вать по
няя стр
ном, к
транспо

Для
виновн
чаях во
ленно о
шемся
нет дру
вия, не
замести
отягча
ступил
УК. Б
в нетре
жайши
поворот
машин
певшим
утоули
новного
так как
ного н
в упра
скорос

Не
ния р
ступле

Д
ективн
факта
нии по

По
может
не к
к посл
осторо
трудое
действи
плени
злосте
т. е. е
же ис
К

нию
умысл
ские
в фо
действи
стоят
счита

15 сентября 1950 г. «О квалификации преступлений, связанных с нарушением правил движения на автотранспорте» указал судам на то, что «при рассмотрении дел указанной категории судебные органы должны учитывать повышенную общественную опасность этих преступлений, применяя строго и последовательно меры наказания, предусмотренные законом, к лицам, виновным в нарушениях правил движения на автотранспорте».

Для квалификации имеет также значение и вопрос, как отнесся виновный к наступившим последствиям. При авариях и несчастных случаях водитель обязан, говорится в правилах уличного движения, немедленно остановиться, оказать помощь пострадавшему, сообщить о случившемся представителю власти, доставить пострадавшего в больницу, если нет другого транспорта, и т. д. Стремление скрыться с места происшествия, неоказание помощи потерпевшему, стремление любыми способами замести следы должно расцениваться как совершение преступления при отягчающих обстоятельствах. Так, в один из судов второй инстанции поступил протест прокурора по делу водителя автомашины по ч. 1 ст. 59^{3в} УК. Было установлено, что водитель легковой автомашины, будучи в нетрезвом виде, посадил женщину с ребенком, чтобы отвезти в ближайший населенный пункт. Проезжая на большой скорости, водитель на повороте не справился с управлением автомашиной, в результате чего машина свалилась в реку. Вместо того, чтобы оказать помощь потерпевшим, водитель бросил автомашину и скрылся. Женщина и ребенок утонули. Вышестоящий суд отменил приговор и указал, что действия виновного надлежит квалифицировать не по ч. 1, а по ч. 2 ст. 59^{3в} УК, так как наступление тяжких последствий явилось следствием явно злого нарушения трудовой дисциплины на транспорте, выразившегося в управлении автомашиной в пьяном виде, в значительном превышении скорости, в неоказании помощи потерпевшим.

Несомненно, как при квалификации, так и при назначении наказания решающее значение имеет субъективная сторона состава преступления.

Диспозиция ст. 59^{3в} УК сконструирована таким образом, что субъективная сторона должна быть установлена как в отношении самого факта нарушения трудовой дисциплины на транспорте, так и в отношении последствий такого нарушения.

По отношению к самому нарушению дисциплины на транспорте вина может выражаться в форме умысла (прямого и косвенного) или в форме неосторожности (самонадеянности и небрежности). По отношению к последствиям нарушения вина, как правило, проявляется в форме неосторожности или косвенного умысла. Если установлено, что нарушение трудовой дисциплины на транспорте явилось следствием неосторожных действий, то в таких случаях, несмотря на тяжелые последствия, преступление нельзя квалифицировать по ч. 2 ст. 59^{3в} УК, так как явная злостность предполагает наличие вины умышленной в обоих случаях, т. е. в отношении и к нарушению и к его последствиям; неосторожность же исключает явную злостность.

Как должен решаться вопрос в случаях, когда виновный по отношению к нарушению дисциплины на автотранспорте действует с прямым умыслом (например, вождение в нетрезвом виде, лихачество, хулиганские побуждения), а по отношению к последствиям вина выражается в форме косвенного умысла? Можно ли в таких случаях преступные действия виновного рассматривать как совершенные при отягчающих обстоятельствах? Мы полагаем, что можно. Правда, некоторые из судей считают, что явная злостность предполагает наличие прямого умысла

у виновного как к факту нарушения дисциплины на транспорте, так и к последствиям. Однако такая точка зрения не может быть признана правильной: сознательное допущение вредных последствий, безразличное отношение виновного к их возможному наступлению, расчет на «авось», на какую-то случайность и т. п. являются не менее опасными как при прямом, так и при косвенном умысле, разграничение же умысла на прямой и косвенный имеет значение лишь для определения меры наказания, но не для квалификации.

По делу Сажина, осужденного за убийство, Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 26 сентября 1946 г. указал: «для того, чтобы квалифицировать действие лица как умышленное, не требуется обязательно желание с его стороны наступления тех последствий, которые повлекли его действия. Поэтому для того, чтобы квалифицировать действия Сажина как умышленные действия, не требуется обязательно, чтобы Сажин действительно желал кого-либо убить».

Водитель, управляя автомашиной в пьяном виде или сознательно превысив установленную скорость, может и не желать наступления вредных последствий. Вместе с тем его действия мы должны рассматривать как умышленные.

Уголовная ответственность за нарушения трудовой дисциплины на транспорте, по смыслу закона, должна наступать не только в том случае, когда в результате нарушения дисциплины наступили вредные последствия, но и тогда, когда эти последствия могли наступить. Наступление вредных последствий имеет значение лишь при определении меры наказания, но не для квалификации. Тем более неправилен взгляд тех, которые полагают, что явная злость мыслима лишь при наличии вины в форме прямого умысла как к самому факту нарушения дисциплины на транспорте, так и к наступившим последствиям. Необоснованным является и критерий, по которому для квалификации преступных действий водителя автомашины, кроме вины в форме прямого умысла, необходимо наступление каких-то особо тяжких последствий (как, например, смерть нескольких лиц и т. д.). Закон таких признаков не содержит. Такое понимание ведет к ослаблению борьбы с такими чрезвычайно опасными преступлениями.

В одном из определений по делу осужденного Шириева Верховный суд СССР указал: «шофер Шириев в состоянии опьянения стал управлять автомашиной, превышая нормальную скорость. Постовой милиционер Мамадалиев, видя, что автомашина следует с грубым нарушением правил уличного движения, подал сигнал об остановке, но Шириев не подчинился, увеличил скорость и пытался скрыться. Милиционер Мамадалиев успел вскочить на крыло автомашины и настойчиво требовал остановки. Шофер Шириев, потеряв управление, свернул машину в кювет, в результате чего пассажиры были выброшены, а Мамадалиев попал под заднее колесо автомашины, получил тяжелые ушибы и в тот же день скончался» («Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 7, стр. 25). Верховный суд СССР в своем определении указал, что Шириев правильно осужден по ч. 2 ст. 59^{3а} УК.

Шириев по отношению к нарушению дисциплины на автотранспорте действовал с прямым умыслом (сознательное нарушение правил уличного движения), по отношению же к последствиям (гибель Мамадалиева) действовал с косвенным умыслом.

Встречаются, однако, случаи, когда некоторые суды усматривают явную злость нарушения трудовой дисциплины на транспорте лишь при наличии вины в форме прямого умысла как к действиям, так и к последствиям и при условии наступления особо тяжких последст-

вий. Так
ков в но
тиру свс
дучи в 1
ции; пр
(вместо
чего пер
удара б
шины, а
не оказ
Ащепко
ч. 1 ст.
делении,
стику и
второй 1
не носят
вой инс
должен
в основ
может с
суда вт
жестоян

Пл
устране
онном 1
суд обя
пригово
вырази.
приговс

По
рakterн
нения 1
определ
указани
знаков
виде, з
нено су
с цель
трое м
помощ
преступ

Кс
для то
зажитс
делает
говори
являют

Лп
социал
Презид
стии»
ство. С
Совета
Совета
к изм

вий. Так шофер Ащепков был осужден по ч. 2 ст. 59^{3в} УК. Ащепков в ночное время выехал с целью наживы из гаража, заехал на квартиру своего знакомого, где «привел себя в состояние опьянения; будучи в нетрезвом виде, посадил двух пассажиров и направился к станции; проезжая по улице города, он значительно превысил скорость (вместо 20 км следовал со скоростью свыше 50 км в час), в результате чего передней частью своего автомобиля сбил прохожего, причем сила удара была так велика, что потерпевшего забросило на капот автомашины, а затем — на трамвайную линию; Ащепков не остановил машину, не оказал помощи потерпевшему, а скрылся. По жалобе осужденного Ащепкова преступные действия его были переквалифицированы на ч. 1 ст. 59^{3в} УК. Доводами для переквалификации, как указано в определении, явилось то, что осужденный имеет положительную характеристику и ряд поощрений за отличное содержание машины. При этом суд второй инстанции ни слова не сказал о том, почему действия Ащепкова не носят явно злого характера, о чем записано в приговоре суда первой инстанции. Между тем, изменяя квалификацию, вышестоящий суд должен опровергнуть доводы суда первой инстанции, положенные им в основу приговора, указать, почему именно наличие таких доводов не может служить основанием для такой квалификации, и т. д. Определение суда второй инстанции должно помочь понять ошибку, допущенную нижестоящим судом.

Пленум Верховного суда СССР в своем руководящем указании «Об устранении недостатков в работе судов по рассмотрению дел в кассационном порядке» указал, что «в случае отмены или изменения приговора суд обязан указать в определении, в чем заключается неправильность приговора, какие законы нарушены по делу, в чем именно это нарушение выразилось и чем опорочиваются мотивы, положенные судом в основу приговора».

По делу Ащепкова доводы вышестоящего суда (положительная характеристика, наличие поощрений) не являются достаточными для изменения квалификации действий осужденного, а могут учитываться при определении меры наказания. Суд второй инстанции, рассматривая указанное дело в кассационном порядке, не учел всех отягчающих признаков в их совокупности, а именно: вождение автомобиля в нетрезвом виде, значительное превышение установленной скорости, которое расценено судом первой инстанции как лихачество, выезд самовольно в рейс с целью извлечения выгоды, смерть потерпевшего, у которого осталось трое малолетних детей, место, где совершено преступление, неоказание помощи пострадавшему, стремление любыми средствами скрыть следы преступления и т. д.

Коммунистическая партия и Советское правительство делают все для того, чтобы жизнь каждого человека с каждым днем становилась зажиточнее, радостнее и счастливее. Все, что делается в нашей стране, делается во имя человека. Из всех ценных капиталов, имеющих в мире, говорил И. В. Сталин, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры.

Лишение жизни человека — тягчайшее преступление. В условиях социалистического государства оно карается особо строго. Недаром указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» не распространяется на лиц, осужденных за умышленное убийство. Об этом же свидетельствует и тот факт, что Президиум Верховного Совета СССР распространил действие указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 г. «О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам» на лиц,

совершивших умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. При квалификации преступления, связанного с нарушением дисциплины на автотранспорте, повлекшего за собой смерть потерпевшего, если преступные действия явились результатом вины умышленной (вождение в нетрезвом виде, лихачество, хулиганские побуждения, неоказание помощи пострадавшему и т. д.), должны расцениваться как явно злостное нарушение дисциплины и квалифицироваться по ч. 2 ст. 59^в УК. Неосторожные же действия виновного исключают явную злостность, независимо от наступивших последствий. Чтобы правильно квалифицировать преступления, совершаемые на автотранспорте, необходимо исходить из всех обстоятельств таких преступлений, уяснить мотивы, которыми руководствовался виновный, что явилось причиной нарушения трудовой дисциплины на транспорте, отношение виновного к последствиям, форму виновности, личность виновного, время, место и обстановку совершения преступления, характер наступивших или могущих наступить последствий и т. д. Только такой подход к каждому делу — залог правильного применения закона.

С

В
Кодек
тей ко
во на
и на
ства,

Е
что с
даром
стави
его л
торое
новле
имуц
брак
Зако
нако
детей
на п
супр
общ

из с
сти,
сти
в го
тоци
для
пру
Инс
о гс
вае
знач
дати
оби
вии
тик
пер
о б
обр
нот
над
сти

УСТАНОВЛЕНИЕ ПЕРЕЖИВШИМ СУПРУГОМ СВОЕГО ПРАВА НА ДОЛЮ В ОБЩЕМ ИМУЩЕСТВЕ

В. Крылова

Верховный суд СССР неоднократно указывал, что согласно ст. 10 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР и соответствующих статей кодексов других союзных республик переживший супруг имеет право на долю в совместно нажитом в браке с наследодателем имуществе и на равную с другими наследниками долю в остальной части имущества, переходящей по наследству.

В соответствии с указанной статьей судебная практика установила, что супруги могут иметь свое личное имущество, полученное ими в подарок, по наследству, в качестве награды, премии и т. п. Имущество, ставшее собственностью супруга по указанным основаниям, является его личной собственностью в отличие от нажитого во время брака, которое признается общей собственностью супругов. При этом для установления права общей собственности на приобретенное во время брака имущество достаточно самого факта состояния в зарегистрированном браке и приобретения этого имущества во время пребывания в браке. Закон не требует, чтобы работали оба супруга или зарабатывали одинаково, так как труд по ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей приравнивается по своему значению к труду одного из супругов на производстве. Все имущество, нажитое в браке, принадлежит обоим супругам в равной мере и считается при жизни их и на случай смерти общим имуществом.

Применение ст. 10 при открытии наследства после смерти одного из супругов вызывает ряд вопросов. Затруднения возникают, в частности, в тех случаях, когда супруги владели на праве личной собственности в жилом доме или иным имуществом, подлежащим регистрации в государственных органах (автомобиль, телевизор, радиоприемник, мотоцикл и др.) и зарегистрированным на имя умершего супруга, так как для надлежащего переоформления имущества на имя пережившего супруга требуется представление свидетельства о праве наследования. Инструкция Министерства юстиции РСФСР по применению Положения о государственном нотариате от 2 февраля 1948 г. в § 144 предусматривает, что если в составе наследственного имущества имеется строение, значащееся по документам, принадлежащим умершему супругу-наследодателю, то нотариус вправе выделить пережившему супругу долю из общего имущества, нажитого в браке с наследодателем, лишь при условии, если переживший супруг представит исполнительный лист или копию судебного решения, вступившего в законную силу, по которому за пережившим супругом признано на основании ст. 10 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР право на долю в этом строении. Таким образом, только после представления одного из указанных документов нотариус вправе исключить из состава наследственной массы долю, принадлежащую на праве собственности пережившему супругу, и произвести между наследниками раздел остальной части наследства.

По этому же пути пошли некоторые другие учреждения, производящие регистрацию имущественных прав граждан. Так, Московское жилищное управление разъяснило, что правление жилищно-строительного кооператива не вправе без судебного решения перевести на имя пережившего супруга половину паенакоплений, числящихся на счете умершего супруга, хотя документально установлено, что супруги внесли пай, когда находились в браке. Такое требование предъявляется даже в том случае, когда остальные наследники против осуществления законного права супруга не возражают, поскольку не имеют права на этот пай. Следовательно, создается фикция спора, создается фиктивный ответчик, который в судебном заседании признает предъявленные к нему иски, но никогда им и не отрицавшиеся. И все это для того, чтобы получить судебное решение. Неслучайно, что в суде при рассмотрении таких споров возникают различные недоразумения. Гр-ка М. обратилась в народный суд Свердловского района Москвы с просьбой признать за ней право на половину пая, числящегося на имя ее умершего мужа. Народный судья отказался принять заявление, мотивируя тем, что такое дело суду неподведомственно, поскольку между сторонами нет спора. Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда отменила постановление народного судьи, исходя из того, что после смерти гр-на М. на наследство претендуют его мать и сын, гр-ка же М. просит выделить ей половину имущества, оставшегося после смерти мужа, а такой иск согласно ст. 2 ГК РСФСР подлежит разрешению в судебном порядке. Поэтому Московский городской суд обязал народного судью в порядке ст. 80 ГПК РСФСР предложить гр-ке М. оформить искомое заявление в соответствии с требованиями ст. 76 ГПК РСФСР (т. е. указать в заявлении место жительства лиц, претендующих на наследство, оплатить государственную пошлину с суммы предъявленного иска) и по выполнении правил, указанных в ст. 8 ГПК РСФСР, назначить дело к слушанию.

Такое решение вопроса нельзя признать правильным: городской суд, чтобы упростить дело, искусственно создал подобие спора и предложил рассмотреть дело в порядке общеискового производства. Из материалов дела, однако, видно, что сонаследники по общему согласию, без обращения в суд, разделили наследственное имущество и не возражают против выделения доли пережившего супруга.

Требование об уплате госпошлины с суммы иска тоже неправильно, поскольку речь идет о признании права собственности на имущество, нажитое личным трудом, никем не оспариваемое, никем не изъятое и не арестованное, иначе говоря, речь идет о признании права собственности, никем не нарушенного. Другое дело, если бы остальные наследники по тем или иным основаниям хотели оспорить право пережившего супруга на долю имущества, т. е. оспаривали бы его право собственности на часть имущества, — такой иск подлежал бы рассмотрению в общеисковом порядке, подлежал бы оформлению в порядке, установленном ст. 76 ГПК, и оплате судебной пошлиной.

Согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 29 июня 1945 г. «О порядке судебного установления фактов, от которых зависит возникновение, изменение или прекращение личных или имущественных прав граждан» факт владения строением на праве личной собственности в случае утраты документов устанавливается судом в порядке особого производства. Закон не требует в случае утраты документов создавать фиктивный спор с коммунальным отделом, не требует внесения судебной пошлины и вынесения судебного решения в порядке общеискового производства, — суд выносит определение о подтвержде-

нии ф
и спр
факт
и
собств

В
следов
обрете
ком в
выдел
в опр
ным
семье
гам в
варян
между
рян Е
Грузи

И
добны
имуш
супру
сы, а

К
объем
в том
Е

закон
ской
лежи
конов
супру
супру
Эти с
поло
порог

1
ний
масс
следс
стерс
нота

нии факта владения строением на праве собственности. Не проще ли и справедливее бы было и в рассматриваемом случае устанавливать факт владения строением, паем или иным имуществом на праве личной собственности в порядке особого производства?

Верховный суд СССР в определении по иску Алварян о праве наследования¹ указал: «После смерти одного из супругов имущество, приобретенное в период совместной жизни супругов, не может быть целиком включено в наследственную массу, так как из него должна быть выделена доля, принадлежащая пережившему супругу». При этом в определении указывается: «Имущество, нажитое супругами совместным трудом во время брака, в силу ст. 17 Кодекса законов о браке, семье и опеке Грузинской ССР считается принадлежащим обоим супругам в равной доле. Следовательно, наследство после смерти гр-на Алваряна открылось лишь на половину дома, которая подлежит разделу между всеми наследниками. Вторая половина дома принадлежит Алварян Е. С. на основании ст. 17 Кодекса законов о браке, семье и опеке Грузинской ССР и в наследственную массу входить не может».

Из сказанного следует, что Верховный суд СССР при решении подобных дел исходит из того, что половинная доля совместно нажитого имущества супругов на основании закона принадлежит пережившему супругу и что ее само собою следует исключать из наследственной массы, а наследование открывается только на вторую половину имущества.

Кто же, как не нотариус, должен исполнять закон и, определяя объем наследственной массы, отделить ее от всякого иного имущества, в том числе и от имущества пережившего супруга!

Возражение может вызвать то обстоятельство, что в ст. 10 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР в отличие от кодексов Грузинской ССР и Украинской ССР прямо не указано, что имущество принадлежит обоим супругам в равных долях. Но по смыслу ст. 10 Кодекса законов о браке, семье и опеке размер доли, принадлежащей каждому супругу, определяется судом лишь в случае спора. По общему согласию супруги могут разделить между собою имущество и в неравных долях. Эти случаи предусмотрены ст. 10, однако они не исключают общего предположения о том, что совместно нажитое супругами имущество делится поровну.

Поэтому следует признать, что при отсутствии спора или возражений других наследников нотариус вправе выделить в наследственную массу лишь половину совместно нажитого имущества. Это положение следовало бы отразить в соответствующих разделах инструкции Министерства юстиции РСФСР о применении Положения о государственном нотариате.

¹ „Судебная практика Верховного суда СССР“ 1951 г. № 11, стр. 39—40.

ПОВЫШАТЬ МАСТЕРСТВО СОВЕТСКОГО СЛЕДОВАТЕЛЯ

М. Кулик

Прокурор Харьковской области

В. Колмаков

Кандидат юридических наук

Коммунистическая партия и Советское правительство уделяют большое внимание подготовке высококвалифицированных специалистов-юристов для органов следствия, прокуратуры и суда. Ответственные задачи, стоящие перед этими органами по укреплению социалистической законности, требуют от каждого следователя, прокурора и судьи систематического повышения своих идейно-политических и специальных знаний, профессионального мастерства. В работе всех названных органов по искоренению преступности в нашей стране особенно важную роль имеет следственная работа. Каждый следственный работник должен овладеть современными научными приемами, методами и средствами советской криминалистики. Только в этом случае он с честью выполнит свой долг перед Родиной.

Прокуратура Харьковской области проделала определенную работу и накопила некоторый опыт организации занятий со следователями по программе, утвержденной Прокуратурой СССР.

Прокуратурой области совместно с Харьковским научно-исследовательским институтом судебной экспертизы и кафедрой криминалистики Харьковского юридического института в конце октября 1953 года был разработан план занятий со следователями. План занятий и программа со списками рекомендуемой литературы по каждой теме доведены до сведения каждого следователя, которым предложено изучить литературу и практически осваивать применение технических средств, сосредоточенных в следственном чемодане. Указано, когда и какие будут прочитаны установочные лекции и проведены практические и лабораторные занятия, когда будет созван учебный семинар и приняты от каждого зачеты.

Изучение методики расследования преступлений было построено отдельно для следователей прокуратур г. Харькова и для следователей сельских, районных прокуратур области. С 1 ноября 1953 г. начались занятия со следователями города. В занятия активно включились квалифицированные научные сотрудники Харьковского научно-исследовательского института судебной экспертизы и преподаватели кафедры криминалистики Харьковского юридического института.

Они тщательно готовились к лекциям и практическим занятиям, используя в них материалы, взятые из практики участников семинара. При этом подвергались критическому разбору как положительные случаи, так и недостатки в следственной работе. О заинтересованности следователей занятиями при прокуратуре области свидетельствует то, что не было ни одного случая пропуска этих занятий без уважительной причины.

Занятия со следователями прокуратур города были построены так. Вначале были прочитаны лекции: «Расследование убийств», «Расследование разбойных нападений», «Осмотр места убийства»,

«Планирование следственной работы», «Повышение квалификации следователя», «Использование технических средств в следственной работе», «Использование специальных знаний в следственной работе».

Особое внимание уделяется изучению постановлений о применении технических средств в следственной работе.

Следователи должны не только знать, но и уметь применять на практике такие технические средства, как фотоаппарат, киноаппарат, микрофон, диктофон, измерительные приборы и т. д.

Каждый следователь должен уметь пользоваться этими средствами в работе. Для этого необходимо, чтобы он был ознакомлен с устройством и принципом действия каждого из этих средств, а также с правилами их применения.

При этом особое внимание должно быть уделено изучению методики расследования преступлений, в которой применяются технические средства.

Важное значение имеет изучение постановлений о применении технических средств в следственной работе.

Опыт работы следователей, применяющих технические средства, должен быть использован для повышения мастерства следователей.

«Планирование расследования убийств», «Следы и вещественные доказательства, приемы их обнаружения и фиксации», «Судебно-медицинская экспертиза по делам об убийствах». После лекций по всем темам были проведены практические занятия (семинары). Участники семинара были разделены на группы по пять-семь человек. Каждая группа имела квалифицированного преподавателя. Народные и старшие следователи являлись на занятия со своими следственными чемоданами и применяли научно-технические средства по заданию и под руководством преподавателя: производили в специально созданной обстановке осмотр места происшествия, фотографирование, изготовляли ориентирующие, обзорные, узловые и детальные снимки, закрепляли и изымали следы транспортных средств, ног, пальцев рук и т. д. Все участники семинара с большим интересом выполняли эту работу. Были составлены также планы мест происшествий и протоколы осмотра, разбору которых было посвящено специальное занятие. На занятиях выяснилось, в каком состоянии находятся следственные чемоданы, кто обращается с ними хорошо и кто небрежно.

Особенно большой интерес у следователей вызвали лекция «Судебно-медицинская экспертиза по делам об убийствах» и проведенные практические занятия по изъятию пятен крови. Следователи составляли постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы, которые затем подвергались критическому разбору. В таком же плане проведены занятия по опознанию.

Следователи сельских районных прокуратур были созваны на учебно-методический семинар с 20 по 29 января 1954 г. Им тоже были прочитаны установочные лекции по указанной выше тематике, проведены такие же практические занятия. 29 января от всех участников семинара были приняты зачеты. Прием зачетов показал хорошее усвоение изученного материала подавляющим большинством следователей.

Как показали учебно-методические занятия и семинары, те следователи, которые полностью и глубоко усвоили методические пособия, овладели следственным чемоданом, проявляли на занятиях активность и любознательность, выявили высокие знания при зачетах, сдав их на хорошо и отлично. Именно эти следователи и в своей практической деятельности имеют высокие показатели следственной работы. К таким товарищам относится молодой следователь т. Макашов, работающий в органах прокуратуры второй год (прокуратура Кагановичского района г. Харькова). Еще будучи студентом Харьковского юридического института, он много работал в научно-студенческом кружке криминалистики. Придя на работу в прокуратуру, он вскоре успешно расследовал ряд серьезных уголовных дел. Ныне т. Макашов работает так, что не имеет ни одного дела, возвращенного к доследованию, расследование заканчивает в установленные сроки.

На областном совещании следователей т. Макашов, делясь опытом своей работы, отметил, что районный прокурор т. Белоус, в прошлом сам следователь, оказывает большую помощь в планировании следствия, принимает участие в следственных действиях.

Хорошее усвоение научно-технических приемов и методов расследования и образцовое применение их на практике показали народные следователи т.т. Трускинов (прокуратура Коломакского района), Черкасова (прокуратура Золочевского района), Барвенко и Палант (прокуратура Орджоникидзевого района г. Харькова), Шабленко (прокуратура Изюмского района). Они имеют хорошие показатели следственной работы.

Семинары и зачеты показали, что глубокое изучение и освоение опыта работы лучших следователей, овладение практическими навыками

применения следственной техники содействуют повышению мастерства следственных кадров и качества следствия.

Но проведенная работа является только началом в повышении профессионального мастерства следователей. Даже те следователи, которые успешно выполнили первую часть учебной программы, еще не полностью освоили применение оперативной фотографии, не используют всех ее возможностей в своей работе.

Необходимо отметить, что Прокуратура СССР не организовала систематического и планомерного снабжения следователей теми материалами следственного чемодана, которые быстро расходуются (дактилоскопическая пленка, порошки, фотоматериалы и т. д.) и приобретение которых на месте невозможно.

Кроме того, литература, указанная к темам программы, как единодушно заявили все участники семинара, отсутствует в прокуратурах.

Возникает законный вопрос: где же следователь может получить рекомендуемые литературные источники? Возможно, что некоторые из них следует переиздать. Институт криминалистики Прокуратуры СССР должен рассмотреть вопрос о переиздании некоторых работ по криминалистике.

Наконец, на семинарах и при зачетах выявилось еще одно важное обстоятельство: оказалось, что многие молодые следователи, закончившие юридические школы или заочный юридический институт или даже стационарные юридические вузы, крайне слабо знают следственную технику. Некоторые выпускники Харьковского юридического института, придя на работу в качестве следователей, впервые увидели здесь следственный чемодан, так как существует явно ненормальное положение: Харьковский юридический институт, один из известных юридических вузов страны, до настоящего времени не имеет ни одного следственного чемодана! Фотолаборатория этого института, где студенты получают навыки судебной фотографии, крайне неудовлетворительна и не обеспечивает нормального процесса. Кафедра криминалистики института не имеет многих других технических средств, получает мизерное количество фотоматериалов и т. п.

Харьковская юридическая школа тоже выпускает недостаточно подготовленные кадры. Да и как она может подготовить хорошего следователя, если по учебному плану на все практические занятия по курсу советской криминалистики отведено всего 28 часов? Школа никакой базы (кроме одного следственного чемодана) для занятий по следственной технике не имеет.

По нашему мнению, воспитание будущих следователей, сообщение им глубоких теоретических знаний и практических навыков научного следствия требует серьезной перестройки подготовки специалистов в юридических учебных заведениях.

В
опубли
тики пр
ной пр
порядк
коном
дебном
ски пр
на вос
Аз
ности
как бы
суда С
для п
Н
прос,
практи
устанк
ном б
торым
случа
стоит
ссыла
СССР
скани
ного
ся от
обсто
отцом
выски
мент:
за 19
суд
пруж
не м

де в
указ
этого
с ис
ребе
гист
торь
вооб

ческ

НЕПРАВИЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ СПОРНОГО ВОПРОСА

Я. Яновский

В № 7 журнала «Социалистическая законность» за 1954 год была опубликована статья т. Карапетяна «Спорные вопросы судебной практики по семейному праву». В статье правильно отмечается, что в судебной практике долгое время не было ясности, возможен ли в судебном порядке раздел имущества между супругами, если в установленном законом порядке не расторгнут их брак, и возможно ли разрешение в судебном порядке спора между неразведенными супругами (но фактически прекратившими совместную жизнь) о том, у кого из них оставить на воспитание детей.

Анализируя законодательство, автор приходит к выводу о возможности разрешения указанных исков в судебном порядке и тем самым как бы подводит итог сложившейся руководящей практике Верховного суда СССР. В этом смысле статья т. Карапетяна может быть полезной для практических работников суда и прокуратуры.

Наряду с этим т. Карапетян сделал попытку разрешить частный вопрос, редко встречающийся в жизни, а следовательно, и в судебной практике: с кого должны быть взысканы алименты на детей, когда установлено (по признанию матери), состоящей в зарегистрированном браке с ответчиком, что ребенок родился от другого лица, с которым она не состояла в браке. Автор приходит к выводу, что в этом случае алименты должны взыскиваться с того лица, с кем истица состоит в зарегистрированном браке. В обоснование своего вывода автор ссылается на то, что с изданием указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. оспаривание отцовства не допускается и взыскание алиментов связано исключительно с наличием зарегистрированного брака. Таким образом, получается, что если гражданин не является отцом ребенка, но поскольку он состоит в браке, то суд при всех обстоятельствах должен обязать его к уплате алиментов на ребенка, отцом которого фактически является другое лицо (такой же взгляд был высказан т. Хохловым в статье «Судебная практика по делам об алиментах», помещенной в журнале «Социалистическая законность» № 5 за 1952 г.). В этой статье т. Хохлов на поставленный вопрос, может ли суд вынести решение об отказе в иске матери об алиментах, если супруги состоят в зарегистрированном браке, — решительно ответил: нет, не может и не должен.

С этими рассуждениями нельзя согласиться.

Как же следует разрешать поставленный в статье вопрос? Прежде всего, неправильно утверждение т. Карапетяна о том, что с изданием указа от 8 июля 1944 г. оспаривание отцовства недопустимо. Статьей 20 этого указа отменено существовавшее право обращения матери в суд с иском об установлении отцовства и о взыскании алиментов на ребенка, родившегося от лица, с которым она не состоит в зарегистрированном браке. Из этого правильного положения указанные авторы делают неправильный вывод, исключая оспаривание отцовства вообще.

Между тем судебные споры об отцовстве не исключаются. Практически такие споры — явление крайне редкое, так как в подавляющем

большинстве случаев лицо, состоящее в браке, является действительным отцом ребенка. Если ребенок родился в течение брака супругов, муж считается отцом ребенка, и это законное предположение ни у кого не вызывает сомнений. Эта презумпция подобно любой другой презумпции признается юридически достоверной, пока не будет доказано обратное.

Например, супруга Иванова родила сына. Мы, естественно, делаем законное предположение, что отец этого ребенка — ее муж, Иванов. Впоследствии, однако, выясняется, что за год до рождения ребенка ее муж находился в служебной командировке за границей, на фронте в период Великой Отечественной войны и т. д. Спрашивается: может ли супруг при таких обстоятельствах оспаривать в судебном порядке запись его отцом в свидетельстве о рождении ребенка? Конечно, может, — и это ни в какой степени не противоречит указу от 8 июля 1944 г., ибо указ не внес никаких изменений в части оспаривания отцовства в отношении детей, рожденных матерью, состоящей в зарегистрированном браке. Это подтверждается ст. 25 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР (и соответствующими статьями кодексов законов о браке, семье и опеке других союзных республик), которая устанавливает, что запись о рождении в книге записи актов гражданского состояния является доказательством происхождения ребенка от указанных в ней родителей, но эта запись может быть оспорена в судебном порядке.

В п. 6 постановления Пленума Верховного суда СССР от 4 августа 1950 г. «О судебной практике по делам о взыскании средств на содержание детей» указано, что иски о признании неправильных записей отцовства органами загса (ст. 25 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР) могут быть предъявлены в суде по месту жительства ответчика в пределах общего срока давности, установленной гражданскими кодексами союзных республик и исчисляемой с того момента, когда истцу стало известно о записи на его имя ребенка, рожденного не от него.

Ряд определений по спорам такого характера был опубликован в «Судебной практике Верховного суда СССР». Так в № 2 этого журнала за 1952 год приводится определение по делу № 36/998, из которого усматривается, что Десницкая, состоящая в зарегистрированном браке, обратилась в суд с иском к своему мужу Десницкому о взыскании алиментов на ребенка, и народный суд Бронницкого района удовлетворил иск Десницкой (Московский областной суд решение суда оставил в силе). Судебная же коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР по протесту Генерального Прокурора СССР отменила решение и определение по этому делу и указала, что ответчик категорически отрицает свое отцовство и утверждает, что в период, относящийся к зачатию ребенка, он с истицей не проживал и проживать не мог, так как находился в отдаленной местности. Эти показания ответчика подтверждаются имеющимися в деле доказательствами, которые суду следовало проверить в связи с рассмотрением предъявленного Десницкой иска.

Таким образом, при разрешении дел по искам о взыскании алиментов при наличии зарегистрированного брака при отсутствии спора об отцовстве суд выносит решение об удовлетворении иска. В тех же случаях, когда по данному делу ответчик в своих возражениях против иска оспаривает отцовство или заявил встречный иск о признании неправильной записи отцовства, суд обязан проверить обоснованность возражений ответчика или встречного иска и в зависимости от обстоятельств дела вынести решение об удовлетворении или об отказе в иске.

ОБ

По
бинска
рой Н.
Гр
имушек
на пра
На
тавлен
го обл.
Су
рядке
менил
кратил
усмотр
риальн
Кл
или Вы
Чл
и юри
ной кс
П
РСФС
охран
сах го
имуше
и т. п.
вымор
О
его на
лении
ного г
подле
СССР
изъят
Н
ства,
ства,
имуше
ходов,
сумм
шей,
шать
И
риальн
имуше
описа

ОБ ОДНОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВЕРХОВНОГО СУДА РСФСР

Доцент С. Абрамов

По заявлению матери умершего Н. нотариальная контора г. Челябинска произвела опись имущества, находившегося у гр-ки Ш., с которой Н. проживал совместно с 1947 года.

Гр-ка Ш. обратилась в суд с иском об исключении из описи части имущества, утверждая, что эта часть имущества принадлежит лично ей на праве собственности.

Народный суд удовлетворил иск. Решение народного суда было оставлено в силе судебной коллегией по гражданским делам Челябинского областного суда.

Судебная коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев дело в порядке надзора по протесту Председателя Верховного суда РСФСР, отменила решение народного суда и определение областного суда и прекратила дело производством на том основании, что законом не предусмотрен иск об исключении имущества из описи, произведенной нотариальной конторой.

Кто же прав: народный суд, — и вместе с ним областной суд, — или Верховный суд РСФСР?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить значение и юридические последствия описи имущества, произведенной нотариальной конторой.

По закону (ст.ст. 35 и 36 Положения о государственном нотариате РСФСР) опись имущества производится нотариальной конторой для охраны имущества, оставшегося после умершего гражданина, в интересах государства или наследников, иначе говоря, в целях сохранения имущества и предотвращения возможности его расхищения, присвоения и т. п. впредь до принятия его наследниками или до признания его выморочным.

Опись имущества нотариальной конторой сопровождается сдачей его на хранение, а если наследственное имущество нуждается в управлении (например управление домом), то нотариус назначает ответственного попечителя (ст. 432 ГК). Денежные суммы и валютные ценности подлежат сдаче на хранение в учреждения Государственного банка СССР. Оружие (кроме охотничьего) и взрывчатые вещества подлежат изъятию и сдаче органам милиции.

Нотариальная контора, произведшая опись наследственного имущества, пользуется и правом распоряжения (отчуждения) части имущества, ибо она вправе дать распоряжение о выдаче из наследственного имущества денежных сумм на покрытие предусмотренных законом расходов, а при отсутствии в составе наследственного имущества денежных сумм нотариальная контора может сделать распоряжение о выдаче вещей, оставшихся после умершего, стоимость которых не должна превышать суммы необходимых расходов.

Изложенное показывает, что опись имущества, произведенная нотариальной конторой, имеет целью предотвратить не только расхищение имущества, но и возможность распоряжения (отчуждения, уничтожения) описанным имуществом кем бы то ни было.

Производя опись наследственного имущества, нотариус не вправе и фактически лишен возможности решать вопросы о принадлежности той или иной части описываемого имущества другим лицам, а не умершему. Нотариус вправе и обязан внести в опись всякое имущество, если имеется основание предполагать, что оно принадлежало на праве собственности умершему.

В связи с изложенным возникает вопрос: каким образом может защитить свои права лицо, считающее, что его права нарушены описью имущества, произведенной нотариусом?

Если исходить из позиции, занятой в вышеизложенном деле Верховным судом РСФСР, можно сделать два вывода.

Первый вывод заключается в том, что лицо, считающее имущество, внесенное нотариусом в опись, своей собственностью, может не считаться с этой описью и распоряжаться этим имуществом по своему усмотрению. Такой вывод противоречит смыслу закона об охране имущества, оставшегося после умершего гражданина.

Второй вывод, который можно сделать из определения Верховного суда РСФСР, заключается в том, что лицо, считающее свои права нарушенными, может их защищать не в судебном, а в каком-то ином порядке, хотя этот «иной» порядок тоже не указан в законе.

Оба вывода являются неправильными, и мы не склонны приписывать их Верховному суду РСФСР. Но где же тогда выход — каков способ защиты прав лиц, считающих нарушенными свои права описью имущества, произведенной нотариусом?

Безвыходность положения вытекает, по нашему мнению, из неправильной позиции Верховного суда РСФСР.

Исходя из того, что в законе (ст. 29 ГПК) прямо говорится об исках об освобождении имущества от описи и продажи и что опись имущества нотариусом не имеет целью последующей продажи или иного принудительного отчуждения описанного имущества, делается вывод, что иск об исключении из описи, произведенной нотариусом, недопустим или неизвестен закону. Такой вывод основан на неправильном понимании закона.

Иск об освобождении имущества от описи и продажи есть не что иное, как иск о праве собственности, предусмотренном ст. 59 ГК и при том независимо от того, произведены ли изъятия и реализация описанного имущества, что подтверждается законом и судебной практикой.

Так, еще в правилах производства описи, ареста и продажи с публичного торга имущества недоимщика по государственным и местным налогам, сборам и пошлинам, утвержденных постановлением СНК РСФСР от 24 апреля 1929 г. (СУ РСФСР 1929 г. № 36, ст. 373), было сказано: «При наличии заявлений со стороны третьих лиц о праве собственности на включаемое в опись имущество, заявления эти вместе с документами, с заключением лица, составляющего опись, прикладываются к описи. Вопрос о праве собственности на имущество разрешается в судебном порядке».

Верховный суд СССР в циркулярном письме от 9 июля 1936 г. № 39 писал: «Иск третьего лица об освобождении имущества от описи является иском о праве собственности, предусмотренном ст. 59 ГК РСФСР и соответствующими статьями ГК других союзных республик» («Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного суда СССР 1924—1944 гг.», Юриздат, 1945, стр. 192).

Следовательно, поскольку опись имущества нотариусом может привести к нарушению права собственности, хотя эта опись и не имеет целью продажи или иного принудительного отчуждения описанного иму-

щества,
сто тол
имущес
данском

Ит
ляется
являетс
на опи

В
нял к
правил

Не
имущес

Пр

чика п

19 ма

искам

го прс

зиям

К

си, ко

может

дел, е

являю

они о

нение

сле см

не из

не ис

Е

нения

теля

ст. 19

нару

откр

удов

чем

но, т

явле

мож

ном

опис

ми н

сро

кст

щества, защита права собственности и в этом случае может иметь место только в судебном порядке путем предъявления иска об исключении имущества из описи, так как и здесь имеет место спор о праве гражданском (ст. 2 ГК).

Итак, иск об исключении имущества из описи во всех случаях является иском о праве собственности, исключение же имущества из описи является только следствием признания за истцом права собственности на описанное имущество.

В силу изложенного мы считаем, что народный суд правильно принял к своему производству иск гр-ки Ш., а Верховный суд РСФСР неправильно прекратил производство по этому делу.

Необходимо отметить некоторые особенности исков об исключении имущества из описи, произведенной нотариусом.

Прежде всего, особенность эта заключается в установлении ответчика по делу. В постановлении Пленума Верховного суда СССР от 19 марта 1948 г. № 6/5/у указано, что надлежащими ответчиками по искам об исключении имущества из описи являются должник, у которого произведена опись имущества, и те организации и лица, по претензиям которых было описано у должника имущество.

Кто является ответчиком по иску об исключении имущества из описи, когда опись произведена нотариусом? Ответчиком по такому иску может быть только наследник (или наследники) либо финансовый отдел, если наследственное имущество признано выморочным. Наследники являются ответчиками по такому иску независимо от того, получили ли они от нотариуса свидетельство о праве наследования или нет. Затруднение может вызвать только тот редкий случай, когда наследников после смерти гражданина нет, либо когда о наличии наследников ничего не известно, а для признания наследственного имущества выморочным не истек еще срок, установленный законом.

Выход из такого положения может быть найден либо путем применения по аналогии ст. 432 ГК, т. е. назначения ответственного попечителя над наследственным имуществом, либо применения по аналогии ст. 198 ГПК, т. е. до предъявления иска лицо, считающее свои права нарушенными, может обратиться к народному суду, в районе которого открылось наследство, с просьбой о принятии мер, обеспечивающих удовлетворение его требований. Принятие судом таких мер является не чем иным, как обеспечением еще не предъявленного иска. Следовательно, такое обращение к суду в порядке ст. 198 ГПК предполагает предъявление иска впоследствии, когда будет решен вопрос о наследниках.

Следует иметь в виду, что к этим требованиям ни в коем случае не может быть применено правило примечания к ст. 434 ГК о шестимесячном сроке давности: так как лица, считающие свои права нарушенными описью имущества, произведенной нотариусом, не являются кредиторами наследодателя, то к этим требованиям применим общий трехлетний срок исковой давности, исчисляемый со дня совершения описи имущества.

ДОГОВОР КОМИССИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРОДУКТОВ

Совет Министров СССР и ЦК КПСС в постановлениях «О мерах увеличения производства и заготовок картофеля и овощей в колхозах и совхозах в 1953—1955 гг.» и «О мерах дальнейшего развития советской торговли» наряду с развертыванием торговли сельскохозяйственными продуктами непосредственно колхозами и колхозниками предусматривают также организацию потребительской кооперацией торговли сельскохозяйственными продуктами колхозов и колхозников на комиссионных началах. Колхозам и колхозникам предоставлено право сдавать на комиссию организациям потребительской кооперации картофель после выполнения плана по сдаче картофеля государству и засыпке семенных фондов и овощи — после выполнения месячных планов сдачи овощей государству, независимо от выполнения плана заготовок картофеля и овощей в целом по району. Потребсоюз обязан принимать от колхозов и колхозников на комиссию картофель и овощи для продажи их по ценам согласно договоренности и с оплатой организациям потребительской кооперации комиссионного вознаграждения. Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития советской торговли» распространило возможность такой продажи на комиссионных началах на все сельскохозяйственные продукты колхозов и колхозников.

Этот вид договора комиссии до последнего времени у нас не применялся, и поэтому ряд возникающих в связи с ним вопросов не нашел пока разрешения ни в нормативных материалах, ни в судебной практике.

Реализация потребительской кооперацией сельскохозяйственных продуктов колхозов и колхозников на комиссионных началах юридически оформляется путем заключения договора комиссии. Перед советскими юристами стоит неотложная задача: наряду с исследованием таких форм правового регулирования экономического оборота между городом и деревней, как договор контрактиции, договор государственной закупки, дать юридический анализ и договора комиссии.

Примерный договор комиссии сельскохозяйственных продуктов был утвержден постановлением правления Центросоюза.

Правление Центросоюза утвердило «Инструкцию об условиях и порядке приема от колхозов (колхозников) сельскохозяйственных продуктов организациями потребительской кооперации для продажи на комиссионных началах» (которая затем была утверждена и Министерством торговли СССР). Размер комиссионного вознаграждения, получаемого организациями потребительской кооперации с колхозов и колхозников за продажу картофеля, овощей и фруктов, указан в ст. 67 постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС «О мерах увеличения производства и заготовках картофеля и овощей в колхозах и совхозах в 1953—1955 гг.». Размер же комиссионного вознаграждения за продажу остальных сельскохозяйственных продуктов был установлен постановлением правления Центросоюза 8 декабря 1953 г. В указанных актах содержатся основные положения, относящиеся к правовому регулированию договора комиссии сельскохозяйственных продуктов.

Субъектами указанного договора являются, с одной стороны, организации потребительской кооперации, осуществляющие продажу сельскохозяйственных продуктов, и, с другой стороны, колхозы и отдельные колхозники.

В качестве комиссионеров могут выступать сельские потребительские общества и районные и областные потребительские союзы, реализующие сельскохозяйственные продукты. На практике в качестве комиссионеров выступают районные потребительские союзы, поэтому и в примерном договоре в качестве организаций потребительской кооперации, принимающих сельскохозяйственные продукты на комиссию, указывается районный потребительский союз.

Комитентами в рассматриваемом договоре выступают как колхозы, так и отдельные колхозники. Однако в примерном договоре в качестве комитента указывается только колхоз. Это объясняется самим характером примерного договора, рассчитанного на длительное отношение сторон, в то время как сдача отдельными колхозниками излишков своих продуктов на комиссию всегда носит характер разовой сделки и оформляется не договором комиссии, а выдачей колхознику соответствующей накладной с указанием количества и качества

сданной на и общей сум

Инструкции сельскохозяйственных продуктов могут быть жи: скот, м: молоко, мол: ные и рас: в свежем и свежие, сух: культуры, му: масляничные ской вырабо: бы, орехи и вывод, что продаваться продукты, у граждан в ответствии с на комисси: ссельскохозяй: лен, копопл: сдаются кол: контрактици: зованы на продукты с: ства, как м: меховое сы: ции по дог:

Инструкц: колхозов с: для реализ: лах должен занием кол: комиссию с: сроков их с: мерном дог: ся, что пр: подписывае: основании

Исходя, ч: к выводу, ч: говоры ком: дуктов, за: собрания, : на комисси: тств, не офс: рания, не: комиссию д: сдаваемых: сроки их: делдно.

Сдаваемо: ственная п: ми в торг: отправке : или водны: стань назн: жет по сог: также ор: в свою тог: специальн: ния и вс: с доставко: ветствующ: за свой с: говоре ук: случаях

сланной на комиссию продукции, ее цены и общей суммы.

Инструкция дает примерный перечень сельскохозяйственных продуктов, которые могут быть сданы на комиссию для продажи: скот, мясо, птица, дичь, рыба, яйца, молоко, молочные продукты, жиры животные и растительные, картофель, овощи в свежем и переработанном виде, фрукты свежие, сухофрукты, виноград, бахчевые культуры, мука, крупа, бобовые культуры, маслянистые семена, мед, вино крестьянской выработки, дикорастущие плоды, грибы, орехи и др. Из перечня можно сделать вывод, что по договору комиссии могут продаваться любые сельскохозяйственные продукты, удовлетворяющие потребности граждан в предметах продовольствия. В соответствии с этим не подлежат реализации на комиссионных началах технические сельскохозяйственные культуры (хлопок, лен, конопля и т. д.), которые полностью сдаются колхозами государству по договору контрактации. Не могут быть также реализованы на комиссионных началах такие продукты сельскохозяйственного производства, как шерсть, кожевенное и пушно-меховое сырье, которые подлежат реализации по договору государственной закупки.

Инструкция подчеркивает, что прием от колхозов сельскохозяйственных продуктов для реализации их на комиссионных началах должен оформляться договором с указанием количества и вида сдаваемых на комиссию сельскохозяйственных продуктов, сроков их сдачи и порядка расчета. В примерном договоре специально подчеркивается, что председатель правления колхоза, подписывающий договор, действует на основании решения общего собрания.

Исходя из изложенного, следует прийти к выводу, что суды должны признавать договоры комиссии сельскохозяйственных продуктов, заключенные без решения общего собрания, а также разовые сделки сдачи на комиссию сельскохозяйственных продуктов, не оформленные решением общего собрания, недействительными. В договоре комиссии должно быть указано количество сдаваемых для реализации продуктов и сроки их сдачи по каждому виду отдельно.

Сдаваемая на комиссию сельскохозяйственная продукция доставляется колхозами в торговые точки комиссионера, а при отправке продукции по железной дороге или водным путем — на станцию или пристань назначения. Однако комиссионер может по соглашению сторон принять на себя также организацию доставки продукции в свою торговую сеть с оплатой ему за это специального комиссионного вознаграждения и возмещения расходов, связанных с доставкой. Если продукция требует соответствующей упаковки, то она производится за свой счет колхозом. В примерном договоре указывается, что в необходимых случаях комиссионер должен оказывать

колхозу помощь в приобретении тары. Сдаваемая продукция должна быть доброкачественной и вполне пригодной для реализации. Качество и сорт продукции указываются в счете или накладной колхоза.

Если по вине транспорта будет допущена порча или ухудшение качества продукции, комиссионер обязан составить об этом соответствующий коммерческий акт. Хотя в примерном договоре указывается на обязанность составления коммерческого акта только в этом случае, но совершенно бесспорной является также обязанность комиссионера составить коммерческий акт и в случае количественной недостачи или утраты груза. Поэтому при дальнейшей разработке примерного договора этот пункт его должен быть соответственно дополнен. Это положение прямо вытекает из правила ст. 275³ ГК РСФСР, обязывающего комиссионера в случае повреждения или недостачи товара, которые могут быть замечены при его наружном осмотре, принять меры к охране прав комитента.

Приемка каждой партии сельскохозяйственной продукции по количеству и качеству оформляется специальной накладной. Для колхозников накладная является одновременно доказательством заключения договора комиссии, для колхозов же накладная составляется на основании заключенного с ними договора комиссии. В накладной указывается и цена, по которой реализуется указанная в ней продукция.

Вопрос о порядке установления цены на реализуемую продукцию является одним из наиболее сложных и важных в рассматриваемом договоре. Как в инструкции, так и в примерном договоре указывается, что цена, по которой должна продаваться на комиссионных началах продукция, принятая от колхоза, устанавливается по договоренности колхоза с райпотребсоюзом или его предприятием. Этот пункт в таком виде обычно включается и в договоры комиссии, заключаемые организациями потребительской кооперации с колхозами.

Примерный договор специально предусматривает право комиссионера продать продукцию по цене ниже обусловленной, в случае снижения рыночных цен на нее, а также при необходимости быстрой реализации продукции во избежание ее порчи. Доказательством более низкой цены, установившейся на колхозном рынке к моменту продажи продукции, является соответствующая справка о ценах администрации колхозного рынка. Необходимость же срочной продажи продукции во избежание ее порчи подтверждается актом, составленным комиссионером с участием представителя местного отдела торговли или, по поручению последнего, представителя рынка.

Расчеты за принятые на комиссию сельскохозяйственные продукты производятся в соответствии с инструкцией и примерным договором в следующем порядке. Колхозам,

сдающим продукцию на комиссию непосредственно торговым предприятиям комиссионера, при ее приемке авансом выплачивается до 50% ее стоимости. Для выплаты аванса колхозам Государственный банк открывает комиссионеру специальные кредиты. Окончательный расчет производится не позднее трех дней после ее реализации или путем перечисления соответствующей суммы на счет колхоза или же, по требованию колхоза, наличными деньгами. Колхозам, отгружающим продукцию в адрес комиссионеров, аванс в пределах до 50% стоимости этой продукции перечисляется не позднее чем через два дня после получения соответствующих отгрузочных документов, расходной накладной и счета. Окончательный же расчет за эту продукцию производится не позднее трех дней после ее реализации путем перечисления соответствующей суммы на счет колхоза. С колхозниками расчет за сданную на комиссию продукцию производится наличными деньгами не позднее трех дней после ее реализации.

Указанный порядок расчета за сдаваемую колхозами на комиссию продукцию является чрезвычайно выгодным для последних, гарантируя им получение 50% стоимости этой продукции еще до фактической ее реализации. Этот порядок значительно отличается от порядка расчетов по договору комиссии, предусмотренного ст. 275^с п. «в», ГК РСФСР, согласно которому расчеты по договору между сторонами производятся по выполнении поручения комиссионером, равно как и от общего порядка расчетов между социалистическими организациями, по которому выплата авансов и расчет наличными деньгами не допускаются.

Ни в инструкции, ни в типовом договоре нет указаний, в каком порядке выплачивается комиссионеру его вознаграждение. Поэтому следует считать, что указанное вознаграждение в соответствии со ст. 275^с ГК РСФСР может быть удержано с сумм, следующих комитенту за реализованную продукцию. Однако, так как часть стоимости продукции оплачивается колхозам авансом, то следовало бы уточнить вопрос о том, учитывается ли при исчислении суммы аванса комиссионное вознаграждение или же оно удерживается только при окончательном расчете с комитентом.

Основные права и обязанности сторон по рассматриваемому виду договора сводятся, таким образом, к следующему: комитент обязан в установленные договором сроки передать комиссионеру товар для продажи его через торговую сеть и обусловленное комиссионное вознаграждение; комиссионер обязан без задержки принять сдаваемую продукцию и обеспечить сохранение ее качества; в случае поступления продукции по железнодорожному или водному транспорту оформить в надлежащих случаях коммерческим актом выявленную недостачу или порчу продукции; реализовать приня-

тую продукцию через свою торговую сеть по обусловленной цене, а в случае ее снижения на рынке, по новой установившейся там цене; своевременно перечислить комитенту аванс в установленном договором размере и произвести с ним окончательный расчет за реализованную продукцию.

В отдельных случаях, при наличии об этом специального соглашения, обязанности комиссионера могут быть дополнены обязательством произвести переработку сданной на комиссию продукции, а также обязанностью предъявления претензий и исков к органам транспорта по составленным комиссионером коммерческим актам. Юридическая природа каждой из этих дополнительных обязанностей совершенно различна.

В примерном договоре указывается, что по желанию колхоза потребительская кооперация может произвести переработку принятой на комиссию продукции на условиях по договоренности сторон. На практике такое соглашение о переработке чаще всего имеет место при сдаче на комиссию мяса, овощей и фруктов. Переработанная продукция поступает затем в торговую сеть комиссионера, где и реализуется. В таких случаях комитент уплачивает комиссионное вознаграждение, исходя из цен за сданное на переработку сырье, а не из цен на получившуюся в результате переработки новую продукцию, что, безусловно, является серьезным стимулом для заключения дополнительного соглашения о переработке. Стоимость переработки устанавливается, исходя из утвержденных расценок и калькуляций на израсходованные на переработку дополнительные виды сырья.

Совершенно иной характер носит принимаемая на себя комиссионером дополнительная обязанность предъявления претензий и исков по составленным им коммерческим актам на прибывшую в его адрес продукцию комитента. Возможность предъявления таких претензий от своего имени, но за счет комитента прямо вытекает из указания ст. 275^а ГК РСФСР, согласно которой предметом договора комиссии могут быть всякие, не запрещенные законом сделки.

Важнейшим условием любого договора между социалистическими организациями является установление санкций на случай его нарушения. Однако в договоре комиссии не предусматривается никаких санкций за невыполнение или ненадлежащее выполнение сторонами своих обязательств. Если в отношениях, связанных с расчетами между сторонами, отсутствие договорных санкций не исключает обязанности комиссионеров при задержке платежей платить комитенту пеню в размере 0,05% с суммы долга за каждый день просрочки, то в случае нарушения других договорных обязательств возможность побудить нарушителя к их надлежащему исполнению путем взыскания санкций у сторон отсутствует. Конечно, ни-

что не по договору и санкции в практике заключения текстов в нем отсутствуют в случае взыскания ГК РСФСР о возмещении убытков в предельном размере, этому следуют примечаниями, ную ответ выполнен

Особенно хозяйствен к нему не ГК РСФСР время отк поручения. это право и может соглашения ре комисс тов прием и реализа миссионера женной на и партии, (будет ли ник) являет отсутствия вопросу.

Поскольку излишки с средством по договору дует остан говором продуктов закупки. Г нником реа оставаться по поруче через свои ные проду государств дается в с товительно государств нейшем в

Из этого и все ост эти догово

что не мешает сторонам при заключении договора включить в него соответствующие санкции на случай его неисполнения, но практика показывает, что стороны при заключении договора точно придерживаются текста примерного договора и новых условий в него не включают. Между тем при отсутствии в договоре санкций стороны могут в случае неисполнения договора взыскивать только в соответствии со ст. 117 ГК РСФСР причиненные его неисполнением убытки, но доказывание таких убытков представляет большие трудности. Поэтому следует считать необходимым дополнить примерный договор соответствующими пунктами, устанавливающими материальную ответственность сторон на случай невыполнения принятых на себя обязательств.

Особенностью договора комиссии сельскохозяйственных продуктов является то, что к нему неприменимо установленное ст. 275^а ГК РСФСР право комиссионера во всякое время отказаться от исполнения принятого поручения. Правда, в Гражданском кодексе это право носит диспозитивный характер и может быть изменено соответствующим соглашением сторон. Но так как в договоре комиссии сельскохозяйственных продуктов прием на комиссию этих продуктов и реализация их через торговую сеть комиссионера являются обязанностью, возложенной на него решениями правительства и партии, то отказ от исполнения договора (будет ли комитентом колхоз или колхозник) является недопустимым независимо от отсутствия соглашения сторон по данному вопросу.

Поскольку колхозы могут реализовать излишки своей продукции не только посредством колхозной торговли, но также и по договору государственной закупки, следует остановиться на различии между договором комиссии сельскохозяйственных продуктов и договором государственной их закупки. При договоре комиссии собственником реализуемых продуктов продолжает оставаться колхоз, комиссионер же только по поручению последнего, от своего имени, через свою торговую сеть продает указанные продукты населению. При договоре же государственной закупки продукция передается в собственность покупателю — заготовительной организации за установленную государством цену и реализуется в дальнейшем в плановом порядке.

Из этого основного различия вытекают и все остальные особенности, отличающие эти договоры друг от друга:

а) Договор комиссии сельскохозяйственных продуктов может быть заключен как на длительный срок, так и в виде разовой сделки, причем заключение его государственными планами не предусматривается. Договор государственной закупки заключается на весь текущий год, носит плановый характер и заключается во исполнение утвержденного правительством плана государственных закупок.

б) Субъектами договора комиссии в качестве комиссионера являются только органы потребительской кооперации, а в качестве комитента — как колхозы, так и отдельные колхозники. По договору государственной закупки в качестве покупателей выступают не только заготовительные организации потребительской кооперации, но также и заготовительные организации ряда министерств (Министерства промышленности продовольственных товаров, Министерства заготовок и т. д.). Продавцами по указанному договору могут выступать только колхозы, но не отдельные колхозники.

в) По договору комиссии сельскохозяйственные продукты реализуются по ценам, установленным соглашением сторон, исходя из конъюнктуры рынка. Цены на сельскохозяйственные продукты, продаваемые колхозами по договору государственной закупки, твердо установлены.

г) По договору комиссии никаких встречных обязательств по снабжению колхозов промышленными товарами на потребительскую кооперацию не возлагается. По договору государственной закупки колхозы приобретают право на покупку у потребительской кооперации по выданным справкам и закупочным квитанциям определенных промышленных товаров.

д) Предметом договора комиссии могут быть только сельскохозяйственные продукты, являющиеся предметами продовольствия. Предметом договора государственных закупок могут быть как сельскохозяйственные продукты, являющиеся предметом продовольствия, так и сельскохозяйственное сырье.

Договор комиссии сельскохозяйственных продуктов только начинает внедряться в колхозную торговлю. В судебной практике споры, связанные с его применением, как правило, еще не встречаются. Поэтому детальная разработка этого договора и юридический анализ его особенностей — дело будущего.

Е. Яковлева

Кандидат юридических наук

ДОПРОС ОБВИНЯЕМОГО НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

Показания обвиняемого являются согласно советскому процессуальному закону одним из видов доказательств наряду с показаниями свидетелей, вещественными доказательствами, заключениями экспертов, протоколами осмотров и письменными документами (ст. 58 УПК РСФСР). Закон не придает показаниям обвиняемого, в том числе и признанию им своей вины, никакого преимущественного значения перед другими доказательствами.

Однако нельзя отрицать особый характер этого вида доказательств, всегда привлекавший и привлекающий большое внимание. Это и понятно: если основная задача расследования заключается в том, чтобы установить факт преступления виновных лиц, цель и мотивы их действий, то обвиняемый, конечно, лучше, чем кто-либо другой, знает, совершил ли он действия, в которых обвиняется, а если совершил, то какие цели преследовал.

Это своеобразие показаний обвиняемого среди других доказательств порождает на практике серьезные ошибки, вытекающие из неправильного стремления некоторых следователей разрешить все вопросы расследования главным образом путем допроса обвиняемого.

Отсюда — важность обобщения опыта работы наших лучших следователей: необходимо помочь практическим работникам в правильном производстве этого следственного действия и предостеречь их от ошибок.

Для успешного проведения допроса обвиняемого необходимо: правильно представлять себе цель допроса обвиняемого, точно соблюдать процессуальный порядок допроса обвиняемого, тщательно готовиться к допросу, уметь применять тактические приемы допроса.

Цель допроса обвиняемого. — Допрос обвиняемого производится для того, чтобы: проверить достоверность данных, на которых основано обвинение; проверить правильность избранной следователем версии обвинения; получить сведения, освещающие событие преступления; предоставить обвиняемому возможность осуществить право на защиту.

Располагая определенными доказательствами, дающими основание для предъявления обвинения, и построив на этих доказательствах следственную версию о характере преступления и виновных лицах, следователь не должен забывать, что как версия в целом, так и отдельные доказа-

тельства нуждаются в тщательной проверке. Одним из важнейших средств проверки доказательств и версий обвинения является получение показаний обвиняемого.

Каждое обстоятельство, устанавливаемое следствием, каждое доказательство, подтверждающее, что события происходили именно так, а не иначе, и характер их именно таков, а не иной, должно получить оценку в показаниях обвиняемого.

Показания обвиняемого служат, кроме того, весьма важным источником сведений, освещающих событие преступления. Сведения эти могут освещать событие значительно шире пределов предъявляемого обвинения и тем самым помочь всестороннему исследованию всех обстоятельств дела.

На практике иногда не придается должного значения тому, что допрос обвиняемого есть также предоставление ему возможности осуществить право на защиту, гарантированное Конституцией. Это обязывает к особо ответственному отношению к проведению этого следственного действия, прежде всего к правильному отношению к нему — не как к соблюдению формальной обязанности выполнить обязательное процессуальное действие и не только как к источнику получения доказательств, а как к действию, имеющему в этом смысле политическое значение.

Процессуальный порядок допроса обвиняемого. — Допрос обвиняемого относится к той стадии следствия, когда следователем уже собрано достаточно доказательств для вывода о том, что именно данное лицо является виновником преступления. Следователь согласно ст. 128 УПК РСФСР составляет мотивированное постановление о привлечении этого лица в качестве обвиняемого и предъявляет ему постановление, а затем допрашивает по существу обвинения.

Постановление следователя о привлечении в качестве обвиняемого должно отражать основные обстоятельства события преступления, установленные к этому моменту, и конкретные факты, которые составляют содержание обвинения. Это значит, что в постановлении нельзя ограничиться общей характеристикой обвинения. Оно должно содержать четкое изложение каждого действия, признаваемого преступным, совершение которого инкриминируется обвиняемому. Каждое такое действие может являться в одних случаях самостоятельным эпизодом, в других — частью эпизода. Практика допускает в этом суммарное изложение

лишь мелких эпизод (на командировке с расписками общую сумму ными»).

Должно ли в качестве о каждого обав всех? Процес этого вопроса другое реше

Необходим на каждого да возмо более конкр дела, котор ко к данно

Следует л ни в качес доказательст нение? Если лось во все: зательным, бы иногда р в ряде случ обвинения в обвинения : раскрытия : этого вопр предоставля характера

В случае дополнить с влю, вынес ком замена случаях пр полнительн являющихся явлении об

После постановле стве обвин обвинения возможность по де няемый да бодного ра вопросы. I и противо весь допрос конца сост ка прат бокое, а и обвинитель

Свободн ству обви прерывать избегает существен обвиняемо сказать вс показаний ся обычн листке бу броскам : писать по необходи

лишь мелких действий, образующих один эпизод (например: «возвратившись из командировки, представил авансовый отчет с расписками, из которых пять расписок на общую сумму 1425 руб. оказались подложными»).

Должно ли постановление о привлечении в качестве обвиняемого, если привлекается несколько обвиняемых, составляться на каждого обвиняемого отдельно или одно на всех? Процессуальный закон не решает этого вопроса, а практика допускает и то и другое решение.

Необходимо составление постановлений на каждого обвиняемого в отдельности. Это дает возможность изложить обвинение более конкретно и отразить обстоятельства дела, которые могут иметь отношение только к данному лицу.

Следует ли в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого указывать все доказательства, на которых основано обвинение? Если бы такое перечисление являлось во всех без исключения случаях обязательным, то это, несомненно, затруднило бы иногда раскрытие преступления. Однако в ряде случаев перечисление доказательств обвинения в постановлении о предъявлении обвинения не нанесет ущерба интересам раскрытия преступления. Поэтому решение этого вопроса следует в каждом случае предоставлять следователю в зависимости от характера дела.

В случае необходимости изменить или дополнить обвинение должно быть, как правило, вынесено новое постановление, целиком заменяющее прежнее. Но в некоторых случаях практика допускает вынесение дополнительных постановлений, частично изменяющих прежнее постановление о предъявлении обвинения.

После ознакомления подозреваемого с постановлением о привлечении его в качестве обвиняемого и разъяснения сущности обвинения ему должна быть предоставлена возможность рассказать все, что ему известно по делу. Лишь после того как обвиняемый даст свои объяснения в виде свободного рассказа, ему могут быть заданы вопросы. Надо признать нецелесообразной и противоречащей закону практику, когда весь допрос обвиняемого с начала и до конца состоит из вопросов и ответов. Такая практика неизбежно порождает однобокое, а иногда и необъективное освещение обстоятельств дела.

Свободный рассказ обвиняемого по существу обвинения, как правило, не следует прерывать, кроме случаев, когда он явно избегает давать объяснения по наиболее существенным обстоятельствам. Надо дать обвиняемому возможность беспрепятственно сказать все, что он считает нужным. Запись показаний в это время следователем ведется обычно в виде черновых набросков на листке бумаги с тем, чтобы по этим наброскам по окончании рассказа связно записать показания в протокол уточняя, если необходимо, отдельные фразы и слова.

Дополнение и уточнение показаний производится главным образом в стадии вопросов и ответов. Формулировка вопросов, заносимые в протокол, не следует засорять ненужными обращениями к обвиняемому. Если следователь при допросе знакомит обвиняемого с каким-либо документом, это должно быть зафиксировано (например: «Вам предъявляется акт судебно-бухгалтерской экспертизы, которая сделала вывод, что... Какие вы можете дать объяснения?»).

Обвиняемый имеет право собственноручно написать показания. Следователь не может отказать в этом обвиняемому. Однако нужно иметь в виду, что обвиняемый в некоторых случаях стремится в собственноручных показаниях избежать освещения отдельных обстоятельств, бездоказательно отвергать обвинение и т. д.

Поэтому рекомендуется сначала выслушать свободный рассказ обвиняемого, развить и уточнить его дополнительными вопросами, а затем предоставить обвиняемому возможность написать показания. Но к протоколу собственноручных показаний иногда бывает необходимо вносить соответствующие уточнения и дополнения.

По окончании допроса следователь должен зачитать вслух составленный протокол или дать возможность обвиняемому прочитать его самому. Если обвиняемый настаивает на внесении изменений, дополнений и поправок в запись его показаний, следователь обязан удовлетворить это требование. В конце протокола делается запись, примерно, следующего содержания: «Показания записаны с моих слов правильно (или: «написаны мною собственноручно», «зачитаны мне вслух», «мною лично прочитаны»), дополнений и изменений не имею». После этого должна стоять подпись обвиняемого и следователя.

Если после свободного рассказа следователь рассчитывает получить новые объяснения по некоторым моментам, то целесообразно дать обвиняемому отдельно на подпись ту часть протокола, где записан свободный рассказ; иногда имеет смысл давать обвиняемому на подпись каждый его ответ на вопрос. Последующие допросы обвиняемого после предъявления ему обвинения производятся с соблюдением этих же правил.

На практике бывают случаи, когда для предъявления обвинения тому или иному лицу еще не имеется достаточных оснований, но его необходимо допросить в интересах установления истины (задержан с похищенными вещами, опознан потерпевшим от разбойного нападения и т. п.). С тактической стороны допрос этих лиц ничем по существу не отличается от допроса обвиняемого. На практике они в этих случаях обычно допрашиваются в качестве свидетелей.

Подготовка к допросу обвиняемого. — Сюда относятся тщательное

ознакомление следователя с материалами дела, предварительное соби́рание сведений об обвиняемом и составление плана допроса.

Для допроса обвиняемого необходима не только общая осведомленность следователя о материалах дела, но и отличное знание, какие именно данные содержатся в деле по каждому факту, в каком именно протоколе допроса свидетеля, в каком документе, в каком акте экспертизы и т. д. содержатся те или иные данные, чтобы в любой момент при допросе обвиняемого иметь возможность быстро найти тот или иной источник и использовать его. Поэтому перед допросом обвиняемого следует еще раз просмотреть материалы дела, не полагаясь на память.

Если для допроса имеет значение расположение какого-либо помещения, производственный процесс предприятия, структура учреждения и т. п., то следователю необходимо, если он еще недостаточно ориентирован в этих вопросах, принять меры к соответствующему ознакомлению вплоть до выезда на место. В некоторых случаях, когда следователю бывает особенно трудно разбираться в сложной обстановке, с которой связано совершенное преступление, можно к участию в допросе привлечь специалиста (или эксперта, если по делу назначена экспертиза).

Допрос обвиняемого, преследующий цель получения правдивых показаний, требует правильного подхода. Для этого следователь должен располагать сведениями, характеризующими личность обвиняемого как с положительной, так и с отрицательной стороны. Следует обратить особое внимание на те обстоятельства, которые, вероятнее всего, обвиняемый будет стараться скрыть (например, о судимости, о компрометирующих связях, о неблагоприятных поступках и т. п.).

Сведения о личности обвиняемого могут быть получены путем ознакомления с личным делом в учреждении или предприятии (если обвиняемый работает), запросов по последнему и предыдущим местам работы и жительства, допросов соседей, сослуживцев, родных.

Конечно, весь этот арсенал средств применять по каждому делу нет необходимости. Характер конкретного дела подскажет следователю, какую роль могут сыграть сведения о личности обвиняемого и можно ли рассчитывать на получение данных существенного характера.

Создав себе представление об обвиняемом, о его моральном облике, следователь определяет подход к допросу и оценке показаний обвиняемого.

Следователь не должен считать себя достаточно подготовленным к допросу обвиняемого, если он не продумал ход допроса, его последовательность и не наметил заранее вопросы, которые должны быть заданы обвиняемому, иначе сказать, — если он не составил план допроса.

По небольшому, несложному делу составление плана допроса обвиняемого может оказаться излишним и ограничиться перечнем фактов, из которых состоит обвинение (этим перечнем может служить постановление о привлечении в качестве обвиняемого, и краткими записями о том, какие материалы и доказательства по каждому из этих фактов имеются в деле. Вопросы, которые необходимо задать обвиняемому, могут быть настолько ясными, вытекающими из содержания обвинения, что составление специального вопросника может не потребоваться. Однако по более сложным делам трудно обойтись без вопросника, а если обвинение состоит из ряда эпизодов, то следует рекомендовать составление особого плана допроса. Наиболее полным и, как нам представляется, наиболее полезным является план допроса, предусматривающий: обстоятельства, по которым следует получить показания, какие материалы имеются в деле, вопросы, которые должны быть заданы, и т. д. Если перечень вопросов велик или если имеют значение последовательность вопросов и их развитие, вопросник может быть составлен на отдельном листке. Если в свободном рассказе обвиняемый исчерпывающе ответит на те или иные намеченные следователем вопросы, то задавать их, конечно, уже не требуется.

По особо сложным делам план допроса обвиняемого может содержать указания на результаты допроса и на следственные действия, которые надо произвести дополнительно. Такой план будет служить следователю подспорьем и при подытоживании материалов следствия для составления обвинительного заключения.

Допрос обвиняемого. — Главная задача, стоящая перед следователем при допросе обвиняемого, — получить правдивые показания. Закон не предусматривает ответственности обвиняемого за отказ от дачи показаний и за ложные показания. Однако для следователя не может быть безразлично, дает обвиняемый показания или не дает. Показания обвиняемого есть доказательство, в добывании которого следователь должен быть не менее активен, чем в добывании любого другого доказательства.

Если некоторые процессуалисты в своих работах усиленно акцентируют внимание на том, что обвиняемые «не обязаны» давать показания, что «закон позволяет обвиняемому отказываться от дачи показаний», то нам представляется, что главное заключается в другом, а именно: следователь, строго соблюдая законность при допросе обвиняемого и памятуя, что обвиняемый не несет ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний, тем не менее должен принять все законные меры к получению полных и правдивых показаний обвиняемого и к изобличению лиц, действительно виновных в совершении преступления. Не надо забывать, что следователю приходится иметь дело с банди-

тами, убийц расхитителямущественного шенни престудать закон следование регает от овлечения к виновных листи не исклдимость и средств для ступников.

Получение заний обвинно в случая на практике) являются п средством п

Отказ обв редкое явле если в основоного таким то нетрудно достигнет эт объяснений привести к тересам, ист дейстий.

Гораздо стлкнваться обвиняемых, бражением обстоятельс следователя чить правду всем вопрос стительные следователя

Для уста будут такж объяснения, лого допрос гающие об существе л Разумеется, быть объект объяснения вергали по тельную ве допросе пр благоприятс показаний, го готовил вину.

Решенно ный следов допросу м ность обви ватель про ставление рактере и этого имет допроса — протокола. об образов димости, с подробно мый, каку

став-
ожет
реч-
ение
вле-
это),
ате-
из
ко-
ому,
щи-
вле-
по-
ым
ка,
изо-
ние
ым
ез-
ри-
ле-
лы
ны
во-
то-
не,
ь-
зе
те
о-
о-
са
та
те
и-
н-
я

тами, убийцами, разбойниками, ворами, расхищателями государственного и общественного имущества. Конечно, и в отношении преступников должна строго соблюдаться законность, тем более, что точное следование процессуальным законам оберегает от ошибок и неосновательного привлечения к уголовной ответственности невиновных лиц. Однако соблюдение законности не исключает, а подтверждает необходимость использования всех законных средств для разоблачения и наказания преступников.

Получение правдивых и полных показаний обвиняемого бывает особенно важно в случаях (а они нередко встречаются на практике), когда показания обвиняемого являются почти единственным реальным средством полного раскрытия преступления.

Отказ обвиняемых от дачи показаний — редкое явление. Это вполне понятно, ибо если в основе его лежит желание обвиняемого таким путем защитить свои интересы, то нетрудно убедить его, что он отнюдь не достигнет этим своей цели, что отсутствие объяснений обвиняемого, наоборот, может привести к неправильному, в ущерб его интересам, истолкованию мотивов и целей его действий.

Гораздо чаще следователю приходится сталкиваться с неправдивыми показаниями обвиняемых, с утаиванием и ложным изображением тех или иных существенных обстоятельств. И значительно труднее для следователя при допросе обвиняемого отличить правду от неправды и получить по всем вопросам показания, отражающие действительные факты. Это — дело мастерства следователя.

Для установления вины допрашиваемого будут также иметь большое значение его объяснения, полученные в результате умелого допроса, хотя бы формально опровергающие обвинение, но показывающие по существу ложность доводов обвиняемого. Разумеется, при этом следователь должен быть объективен и беспристрастно оценивать объяснения обвиняемого, хотя бы они опровергали полностью или частично обвинительную версию. Следователь должен при допросе прежде всего создать атмосферу, благоприятствующую получению правдивых показаний, вызвать со стороны обвиняемого готовность искренне признать свою вину.

Решению этой задачи помогает собранный следователем в процессе подготовки к допросу материал, характеризующий личность обвиняемого. В ходе допроса следователь проверяет и пополняет свое представление об облике обвиняемого, его характере и наклонностях. Возможности для этого имеются уже в начальной стадии допроса — при заполнении анкетной части протокола. Так, получая ответы на вопросы об образовании, месте работы, прошлой судимости, семейном положении, необходимо подробно выяснить: где учился обвиняемый, какую специальность приобрел, если

не окончил учебное заведение, то почему, в какой должности работает, в чем заключаются его обязанности, где и кем работал раньше, участвует ли в общественной жизни, из кого состоит его семья и т. д.

Если обвиняемый нервничает, горячится, выходит из равновесия, следователь должен противопоставить этому спокойствие и выдержку.

Нельзя давать обвиняемому ни малейшего повода сомневаться в беспристрастности следователя. Нельзя допускать какую-либо предвзятость в оценке показаний обвиняемого и пренебрежение к его объяснениям и ходатайствам. Если следователь будет выражать возмущение по поводу преступления, это приведет только к тому, что обвиняемый надолго замкнется.

Это, конечно, не значит, что следователь лишен вообще права принимать меры для получения от обвиняемого правдивых показаний, — речь идет о допустимости, о законности средств, применяемых следователем для этого.

Вполне допустимым является, например, обращение к обвиняемому, что его долг как советского гражданина — помочь своими правдивыми показаниями раскрыть преступление. Можно разъяснить обвиняемому, что его правдивые показания помогут быстрее закончить расследование.

Важным условием изобличения обвиняемого при допросе является установление правдивости или лживости его объяснений. Если следователь установил, что обвиняемый дает ложные объяснения, он может считать, что преодолел некоторую часть пути к получению правдивых показаний обвиняемого. Убеждение следователя в том, что обвиняемый дает ложные показания, должно основываться не на субъективном впечатлении, а на объективной недостоверности показаний — в частности, на очевидном их несоответствии действительным фактам или на противоречии этих показаний другим, заслуживающим доверия доказательствам. Так, если обвиняемый в хищении заявляет, что недостача продуктов образовалась в результате естественных потерь при хранении, а между тем эта недостача при нормальных условиях хранения во много раз превысила установленные нормы естественных потерь, можно считать очевидной неправдоподобность такого объяснения.

Значительно труднее установить неправильность объяснений обвиняемого путем их сопоставления с другими доказательствами. Для такого сопоставления необходимо добыть как можно больше доказательств, относящихся к различным обстоятельствам преступления. Эти доказательства должны быть достаточно достоверны, чтобы отдать им предпочтение при сопоставлении с объяснениями обвиняемого. Так, если обвиняемый в убийстве утверждает, что в день происшествия он не мог быть на месте преступления, так как находился от него на большом расстоянии, но следователь рас-

полагает справкой от правления колхоза и показаниями свидетелей, что обвиняемый в день преступления выполнял колхозную работу вблизи от места убийства, можно считать лживость объяснений обвиняемого установленной и учесть его в этом.

Правдивое признание обвиняемого удаётся в большинстве случаев получить благодаря силе доказательств, убеждающей обвиняемого в бесполезности заперательства. Однако следователь должен уметь правильно использовать добытые доказательства. Одни и те же доказательства в руках следователя, владеющего тактическими приемами допроса, могут убедительно изобличить обвиняемого, а в руках иного следователя — не произвести на обвиняемого никакого впечатления.

Положительные результаты может дать допрос по так называемому методу нарастающих доказательств: постепенно устанавливаются обстоятельства второстепенного значения, а затем доказанность этих отдельных обстоятельств дает основание учесть обвиняемого в главном доказываемом факте — преступном действии.

К. обвинялся в том, что убил свою жену и ребенка, чтобы избавиться от них и сойтись с другой женщиной, и инсценировал разбойное нападение на квартиру. Следователь выслушал свободный рассказ обвиняемого, который отрицал свою вину и, в частности, сослался на то, что во время убийства находился на ночном дежурстве. Затем следователь провел дальнейший допрос путем вопросов и с достоверностью установил следующее: а) обвиняемый находится в нормальных отношениях со свидетелями (следовательно, он не может сослаться на их намерение дать против него ложные показания); б) обвиняемый плохо относился к жене и ребенку, тяготился совместной жизнью с ними, писал письмо жене, когда она гостила в деревне у матери, чтобы она не возвращалась домой; в) сожительствовал с другой женщиной и обещал ей, что он скоро «избавится» от жены; г) действительно дежурил ночью как работник охраны на строительстве, но имел перерыв на два часа, т. е. на промежуток времени, достаточный для того, чтобы (как показали результаты следственного эксперимента) прийти домой, совершить преступление и вернуться на работу; д) дверь в дом была открыта без взлома благодаря тому, что преступнику оказался известен способ открывания запертой изнутри на крюк двери; е) вещей, якобы похищенных, не было на самом деле в квартире (даже самые близкие люди не знали, что обвиняемый будто бы имел такие вещи); ж) на снечодежде обвиняемого обнаружены капли крови, принадлежащей к группе крови его жены и отличной от группы крови обвиняемого. Для обвиняемого тоже стали ясны очевидность этих обстоятельств и значение их совокупности. В результате обвиняемый осознал в убийстве.

В более редких случаях возможен допрос по иному методу, когда первым предъявляется наиболее убедительное доказательство в расчете на то, что оно произведет достаточное впечатление на обвиняемого и вызовет в нем решимость встать на путь правдивых показаний. Например, может быть сразу предъявлено показание другого обвиняемого, признавшего свою вину и изобличающего данного обвиняемого.

Если обвинение состоит из нескольких эпизодов, целесообразно начать допрос обвиняемого в эпизодах, наиболее доказанных, с тем, чтобы убедить обвиняемого в бесполезности заперательства. При этом обвинение в остальных эпизодах обычно уже не встречает упорного отрицания со стороны обвиняемого.

В процессе допроса нужно внимательно оценивать каждый ответ обвиняемого и сопоставлять с другими ответами. По одному делу об исчезновении женщины допрашивался в качестве обвиняемого ее муж. Он категорически отрицал какую-либо причастность к этому случаю и заявлял, что исчезнувшая просто уехала от него неизвестно куда. Убедившись, что обвиняемый дает ложные объяснения, следователь сказал: — Лучше будет, если вы откровенно признаетесь. Обвиняемый ответил: — Покажите мне части ее тела, если вы их нашли, тогда я подумаю. Следователю стало ясно, что если обвиняемый заговорил о частях тела и об их возможном обнаружении, то, значит, не кто иной, как он, расчленил труп и спрятал части тела. Впоследствии это подтвердилось.

Оперировав доказательствами, следователь не имеет права обманывать обвиняемого и тем более использовать его неосведомленность в научных методах расследования. К сожалению, иногда это встречается в практике. Так, один из следователей, расследуя дело об убийстве и зная о распространности мнения, что будто бы в глазах убитого остается картина, запечатлевшаяся в последний момент его жизни, решил использовать это: он инсценировал приезд «эксперта», который в присутствии обвиняемого заявил, что в глазах убитой обнаружил его портрет. От подобного рода «тактических приемов», ничем по существу не отличающихся от запрещенных методов, необходимо решительно предостеречь.

Иногда получению правдивых показаний препятствует сговор между обвиняемыми, выгораживающими друг друга. В таких случаях целесообразно вскрыть и использовать противоречия между обвиняемыми. По одному делу обвиняемый в убийстве сознался в преступлении, но заявил, что совершил преступление один, хотя по обстановке происшествия было ясно, что преступников было не меньше двух. Возникло предположение, что соучастником является товарищ обвиняемого, сосед по общежитию. Когда этого соседа допрашивали в качестве свидетеля, он, видимо, же-

лая отвести повод бли что видел, ные признавал давал их ватель пре. свою очере соучастники: свои показ. нику ничего преступлен

Могут бы имеецца до ния в каче факты еше вания дока следует ли шивать так нять меры доказательс ствии доп ние?

Допрос обоснованн быть рассч зу же дае: обычно в эпизодам. всегда опр чувствует он свободн а его осве будут сое ему приня: ступления. тактическо: изводить д иному ин после того ства, какие по этому

Однако дует произ обнаружен вание для держания месте пре после прес когда у ти ваются ору шественны на его пр: даже подк нится от: обычно еи тельно пр ные объяс рое дается опровергну лжи, а эт двых пок Если о: самостоят по каждом

СТРОГО ВЫПОЛНЯТЬ ТРЕБОВАНИЯ ЗАКОНА

Какую бы норму закона мы ни стали рассматривать, мы видим, что законодатель требует объективного выяснения и исследования всех обстоятельств по делу, как усиливающих, так и оправдывающих обвиняемого, как усиливающих, так и смягчающих степень и характер его ответственности. Для достижения этой цели законодатель установил определенный порядок производства предварительного следствия и судебного рассмотрения дел и указал ряд условий, соблюдение которых должно обеспечить установление объективной истины.

Но полное, всестороннее и объективное расследование и рассмотрение дела достигается лишь при условии, если в процессе предварительного следствия и при судебном разбирательстве требование закона будет выполняться не формально, а по существу. При обобщении судебной практики Челябинского линейного транспортного суда мы установили, что в нашей работе еще имеются случаи формального отношения к выполнению закона. Формализм проявляется в том, что отдельные следственные работники при расследовании преступления иногда сводят выполнение требований закона к формальной ссылке на ту или иную статью УПК РСФСР и считают этим закон выполненным.

В постановлениях, протоколах допросов и других следственных документах этих работников с формальной стороны все правильно. На всех документах имеется ссылка на соответствующие статьи УПК РСФСР, вроде: «предъявление обвинения последовало с соблюдением ст.ст. 128 и 129 УПК РСФСР», «допрос обвиняемого произведен с соблюдением ст.ст. 135—139 УПК РСФСР», «следственный материал предъявлен обвиняемому в порядке ст. 206 УПК РСФСР» и т. д. Однако выполнение закона заключается не в формальной ссылке на него, а в раскрытии содержания закона при его применении. Но именно формализм глубоко укоренился в работе некоторых следователей Челябинской транспортной прокуратуры. На протяжении уже многих лет суды всех инстанций, начиная от народного и кончая Верховным судом СССР, рассматривают как смягчающие обстоятельства длительную и безупречную работу подсудимого. В подтверждение высказанного укажем на дело Скорубко-Филюриной, которой Судебная коллегия Верховного суда СССР на основании ст. 51 УК РСФСР назначила

наказание ниже низшего предела, предусмотренного в законе, сославшись в определении на ряд смягчающих обстоятельств, в том числе на длительную ее работу в должности агронома и положительную характеристику («Судебная практика Верховного суда СССР» 1953 г. № 12, стр. 10—11).

Таким образом, деятельность подсудимого в прошлом относится к обстоятельствам, влияющим на характер и размер наказания, и потому не должна выпадать из поля зрения судебно-следственных работников при расследовании и рассмотрении дела.

Между тем практика нашего суда свидетельствует о том, что в процессе предварительного следствия к исследованию обстоятельств, усиливающих или смягчающих степень ответственности обвиняемого, относятся формально. Приведем примеры. П. была предана суду по ст. 59³ в ч. 1, УК РСФСР. В процессе предварительного следствия на нее была истребована и приобщена к делу характеристика с места работы. П. характеризовалась с отрицательной стороны. Поскольку следователь в истребовании и приобщении к делу характеристики видел только формальную сторону — истребовать и приобщить, чтобы не упрекнули в необъективности, — он не проверил характеристику, не допросил о ней ни обвиняемую, ни лицо, подписавшее характеристику, вследствие чего и не установил, что характеристика не объективна. Подсудимая же представила в судебное заседание другую характеристику, где указывалось, что она является лучшей дежурной по станции, за хорошую работу имеет ряд денежных наград и почетных грамот, избрана в состав народных заседателей одного из народных судов города, избиралась депутатом областного совета депутатов трудящихся одного из созывов. Устраняя в суде существенные противоречия, касающиеся данных о личности подсудимой, суд установил, что первая, отрицательная характеристика не объективна.

Выводы вытекают сами собой: если бы суд не проверил данных, характеризующих личность подсудимой, и подошел к этому вопросу, как и следователь, формально, то имевшаяся в деле необъективная характеристика могла бы дезориентировать суд при избрании наказания в отношении П. Подобная дезориентация могла иметь место также у кассационной и надзорной инстанций.

Строительные за халатное занятием. В в которой Д тельно с отри недисциплини ми и т. д., х конкретное б чен в пьянст сти и наказан было указано ственной вой

Проверяя новил, что о допрошенных числе и лицо не указал к нированности характеристики где работал пьянстве Д. ненными, но

Выясняя пр теля организ ную отрицае установил, чт следствия об ни к уголов ководителя с ничились пр сти в дисци обстоятельс дачи на Д. руководител ня своей с вину в вози тельстве на шика Д.».

частное опр тивную хар И в этом формальных характеризую ограничивши обобщением х димо замет имел возмо: ку в данно: рил ее, но с чай, когда и суд для подсудимых нием.

Бывают и тривая дел сударственн что имеющ рактеристики проверки б тель органи смягчения зейство дал ристику, ук ный и ис было истре рого было дим за со имеет взы ность, заме

Я

Строительный мастер Д. был предан суду за халатное отношение к служебным обязанностям. В деле имелась характеристика, в которой Д. характеризовался исключительно с отрицательной стороны: пьяница, недисциплинированный, груб с подчиненными и т. д., хотя не указывалось ни одного конкретного факта, когда бы Д. был замечен в пьянстве или недисциплинированности и наказан за это. В характеристике не было указано, что Д. участвовал в Отечественной войне и имеет награды.

Проверяя эту характеристику, суд установил, что она не объективна. Никто из допрошенных по делу свидетелей, в том числе и лицо, подписавшее характеристику, не указал конкретно фактов недисциплинированности и пьянства Д. Подписавший характеристику руководитель организации, где работал Д., показал: «Я слышал о пьянстве Д. и грубом обращении с подчиненными, но от кого, не помню».

Выясняя причины, побудившие руководителя организации дать на Д. необъективную отрицательную характеристику, суд установил, что в процессе предварительного следствия обсуждался вопрос о привлечении к уголовной ответственности этого руководителя совместно с Д., но затем ограничили привлечением его к ответственности в дисциплинарном порядке. Вот это обстоятельство и послужило причиной выдачи на Д. необъективной характеристики: руководитель организации в целях смягчения своей ответственности переложил всю вину в возникновении пожара на строительство на «пьяницу, разгильдяя, прогульщика Д.». По этому вопросу суд вынес частное определение, и выдавший необъективную характеристику был наказан.

И в этом случае следователь подошел с формальных позиций к проверке данных, характеризующих личность обвиняемого, ограничившись лишь истребованием и приобщением характеристики к делу. Необходимо заметить, что в обоих случаях суд имел возможность проверить характеристику в данном судебном заседании и проверить ее, но судебной практике известны случаи, когда такой возможности не имеется и суд для проверки данных о личности подсудимых откладывает дела слушанием.

Бывают и другого рода случаи. Рассматривая дело К., обвиняемого в хищении государственного имущества, суд установил, что имеющаяся в деле положительная характеристика не объективна. В результате проверки было установлено, что руководитель организации, где работал К., в целях смягчения своей ответственности за ротозейство дал на К. положительную характеристику, указав в ней, что К. добросовестный и исполнительный работник. В суд было истребовано личное дело К., из которого было видно, что К. был дважды судим за совершение тяжких преступлений, имеет взыскания за недисциплинированность, замечался в пьяном виде на работе.

Встречаются факты, когда руководители выдавали на подчиненных необъективные характеристики в целях перестраховки. Такие руководители-перестраховщики рассуждают: «Раз характеристику требуют судебные следственные органы, что-то у этого лица есть темное», и — «как бы чего не вышло», — выдают на подчиненного необъективную отрицательную характеристику.

Судебная практика располагает и такими фактами, когда преступники-рецидивисты спекулируют на смягчающих обстоятельствах, используя формализм, проявляемый некоторыми следователями.

В суд поступило дело по обвинению Адеева в хулиганстве и в оказании сопротивления представителю власти. В протоколе допроса Адеева следователем было записано, что он несудим, является участником Великой Отечественной войны и имеет награды — два ордена Отечественной войны, два ордена Красной Звезды и семь медалей. Проверяя эти данные, суд установил, что Адеев никаких наград и документов об этом не имеет. Больше того, было установлено, что Адеев ранее судим и в целях сокрытия этого обстоятельства подделал на свое имя похищенную им трудовую книжку.

Этот пример ярко свидетельствует о формализме, допущенном следователем прокуратуры Челябинского участка Гусевым при установлении данных, характеризующих личность обвиняемого. А между тем, чтобы разоблачить Адеева во лжи о наградах и несудимости, следовало бы только подробно допросить его по этим вопросам, чего следователь Гусев не сделал, и оказалось, что закон выполнен формально, а не по существу.

В суд поступило дело по обвинению некоего Клыгина по ст. 2, ч. 1, указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан». По делу значилось, что преступник выдает себя за Клыгина, 1936 года рождения, в подтверждение чего к делу был приобщен без фотокарточки паспорт на имя Клыгина. Этот «несовершеннолетний» обвиняемый, не отрицая вины в предъявленном ему обвинении, показал о себе, что он ранее несудим, является воспитанником детского дома и совершил преступление под влиянием взрослых, которым удалось скрыться.

При обсуждении дела на подготовительном заседании у суда возникло сомнение в личности обвиняемого, и по этим основаниям дело было возвращено на дополнительное расследование, в процессе которого установлено следующее: действительная фамилия и возраст обвиняемого — не Клыгин, 1936 года рождения, а Абдулин, 1933 года рождения, паспорт на имя Клыгина он похитил (хозяин паспорта был установлен и это подтвердил). Абдулин ранее судим и после освобождения дли-

Цу-
де-
тв,
в
та-
в-
л).
ГО
М,
а-
тя
эви-
д-
ю
о-
о,
л.
1,
о
Г-
т-
в
с-
е
-
й

тельное время не занимается общественно-полезным трудом. Как видим, и в этом случае следователь прокуратуры Златоустовского участка Колтышев к выполнению ст. 135 УПК РСФСР подошел формально.

Можно было бы привести примеры и другого характера, когда обвиняемый по протоколу допроса и обвинительному заключению значится совершеннолетним, а в суде устанавливается, что он несовершеннолетний; когда в протоколе допроса обвиняемого не отражается, что он инвалид, не указывается состав семьи и т. д. и т. п.

Спрашивается, можно ли считать нормальным, когда в материалах дела не находишь ответа на такие вопросы: деятельность обвиняемого в прошлом, участие в Великой Отечественной войне, какие он имеет награды и поощрения, имеет ли он ранения и состояние его здоровья, каково его семейное положение, т. е. не находишь ответа на вопросы, характеризующие личность обвиняемого в прошлом. В лучшем случае в анкете мы встретим: «со слов не судим», «в Отечественной войне участвовал», «стаж работы столько-то лет» и другие лаконичные ответы, которые нельзя считать достаточными для суждения о личности и жизни обвиняемого. Нам представляется, что будет совершенно правильно, если следователь (перед допросом обвиняемого по существу дела или после этого) подробно допросит обвиняемого о его деятельности в прошлом, и если обвиняемый укажет на обстоятельства, которые могут влиять на характер и размер наказания, следователь обязан эти обстоятельства объективно и всесторонне проверить, памятуя,

что для суда не безразлично, кто стоит перед судом. Больше того, следователь обязан и по своей инициативе выяснить смягчающие обстоятельства, так как судебной практике известны случаи, когда обвиняемый вследствие юридической неосведомленности не указывает на обстоятельства, которые смягчают его вину, в суде же эти обстоятельства всплывают, что влечет отложение дела слушанием или объявление длительного перерыва для предоставления подсыдимому или его родственникам возможности представить в суд документы.

Отсутствие в деле объективных данных о личности обвиняемого и замене их лаконичными ответами в рамках анкеты, т. е. формальными анкетными данными без глубокого раскрытия существа этих данных, приводит также к тому, что адвокат представляет суду (чаще всего в момент выполнения судом ст. 303 УПК РСФСР) массу документов, характеризующих личность подсудимого. Часть из них адвокат просит приобщить к делу, а часть представляет для обозрения. Аналогичные документы представляются в кассационную и надзорную судебные инстанции.

При расследовании и рассмотрении уголовного дела каждый следователь, прокурор и судья обязаны глубоко и всесторонне проверять данные, характеризующие личность привлеченного к уголовной ответственности, проверять не формально, а по существу, ибо дух формализма чужд органам советской юстиции.

В. Кошельков
Председатель Челябинского
линейного транспортного суда

ЧТО ПОКАЗАЛО ОБОБЩЕНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

В современных условиях, когда наша партия осуществляет широкую программу по дальнейшему улучшению материального и культурного уровня жизни советского народа, факты нарушения социалистической законности являются особенно нетерпимыми и должны строго пресекаться.

К сожалению, в работе милиции и прокуратуры Липецкого района все еще имеют место серьезные нарушения закона. До сих пор не искоренены такие нетерпимые факты, как неосновательное привлечение к уголовной ответственности отдельных граждан и пренебрежительное отношение к соблюдению норм процессуального законодательства.

Обобщение судебной практики вскрыло прежде всего, что, несмотря на резкое

уменьшение поступления дел, качество их расследования заметно ухудшилось: судами возвращено к рассмотрению за нарушением ст.ст. 111 и 112 УПК РСФСР 26,3% общего числа следственных дел.

Увеличилось число случаев незаконного привлечения граждан к уголовной ответственности. Пример. Дело по обвинению Мещерякова и Пахомова по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» было возвращено к рассмотрению за неисследованностью, так как работники милиции проявили явную неосведомленность в расследовании, не провели ряда важных следственных действий, что не дало возможности найти преступников; когда лесником

были задержаны с двумя подприбывшими держанными, а лес был сгорел, где вскоре взором, в самом допущены и составлен акт личности за на изъятый

В судебном в личности и другие как отсутствовало к досудебной и п и преступны и безнаказно

Дело по ст. 1 указа ответственного и ло возвращено за

Наглядны отношения норм пред обвиняемых «Об уголов государственного», 1 районной п новления Г от 10 февр на опись и

Небезын и Затонски УК РСФС на дослед той же ст. представля дования. 1 уполномоч детелей со да, когда же не вы к направле дование дл телей и и тельства д

Эти (и что отдел не отреш дования де умелое со тельств, тп ных матер каждое уг пецкой раі суды. Из с оправдано нова Н. р из которог ров неизве представляе жи. Межд ла, что в

т пе-
бязан
чаю-
прак-
эмый
юсти
орые
стоя-
ение
ель-
дсу-
кно-

ных
ако-
е.
му-
ных,
мед-
юл-
ссу
сть
сит
яет
ты
ор-

го-
су-
не
ич-
ет-
по
а-

ов
то
да

к

были задержаны в лесу двое неизвестных с двумя подводами похищенного ими леса, прибывший работник милиции отпустил задержанных, не установив их личности, а лес был отправлен в ближайший колхоз, где вскоре был израсходован. Таким образом, в самом начале расследования были допущены непростительные ошибки: не был составлен акт задержания, не установлены личности задержанных, не наложен арест на изъятый лес и пр.

В судебном заседании лесник усомнился в личности обвиняемых и не опознал их, а другие какие-либо доказательства по делу отсутствовали. Поэтому дело было возвращено к доследованию, которым исправить ошибки и пробелы оказалось невозможным, и преступники остались неустановленными и безнаказанными.

Дело по обвинению Панфилова Н. А. по ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» было возвращено к доследованию из-за нарушения закона.

Наглядный пример пренебрежительного отношения к соблюдению процессуальных норм представляет дело Порядина и др., обвиняемых по ст. 4 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», когда народным следователем районной прокуратуры в нарушение постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 февраля 1948 г. не была произведена опись имущества обвиняемых.

Небезинтересно привести дело Жеребиова и Затонских, обвинявшихся по ст. 74, ч. 2, УК РСФСР, которое дважды возвращалось на доследование из-за нарушения одной и той же ст. III УПК РСФСР. Это дело не представлялось сложным в смысле расследования. Но мало того, что участковый уполномоченный милиции не допросил свидетелей со стороны подсудимых, он и тогда, когда суд обязал его это сделать, все же не выполнил указаний, что повлекло к направлению дела на вторичное расследование для установления личности свидетелей и их допроса, после чего обстоятельства дела резко изменились.

Эти (и другие) факты говорят о том, что отдельные работники следствия еще не отрешились от одностороннего расследования дел. Полное исследование фактов, умелое собирание и закрепление доказательств, тщательное оформление следственных материалов, характеризуют далеко не каждое уголовное дело, направленное Ленинградской районной прокуратурой в народные суды. Из общего числа обвиняемых судами оправдано 12,5%. Так, например, Зубанова Н. работала заведующей магазином, из которого была совершена кража товаров неизвестными лицами. Зубановой было предъявлено обвинение в симуляции кражи. Между тем сторож магазина пояснила, что в конце рабочего дня она приняла

от Зубановой магазин и склад под охрану, осмотрев все окна и замки, а когда ночью вышла проверить состояние замков, то увидела, что в складе замок сбит, дверь открыта и товары похищены. Зубанова была оправдана. По делу было составлено представление руководящим органам района о том, что в системе потребительской кооперации, сторожами магазинов подбираются, как правило, престарелые граждане и условий им в зимнее время для охраны не создается, что наносит огромный материальный ущерб.

За отсутствием улик для обвинения оправданы судами Панфилов по ст. 1, ч. 2, указа от 4 июня 1947 г., Голошубов по ст. 109 УК РСФСР, Смыков по ст. 59^{ав}, ч. 1, УК РСФСР, Шохин по ст. 19 УК РСФСР и ст. 4 указа от 4 июня 1947 г. и другие.

Указанные факты нарушения законности следственными и прокурорскими работниками говорят о том, что они упускают из виду то, что решительная борьба с преступностью должна сочетаться с проявлением глубокой заботы и чуткости к советским гражданам и что факты необоснованного предания суду, а также нарушения процессуального законодательства являются грубейшим извращением социалистической законности.

Безусловно, что суды каждый раз путем вынесения частных определений и посылки копий оправдательных приговоров сигнализировали вышестоящему прокурору о неправомерностях расследования, но там смирились с такими фактами, занимаются всевозможными разговорами, а улучшения в работе пока что нет.

В результате обобщения были вскрыты и ошибки, допущенные судами. Суды не имели за это полугодие отмены приговоров, но отдельные дела рассматривались с нарушением сроков, и нами были приняты организационные меры к своевременной доставке почтой судебных повесток.

Обобщение по гражданским колхозным делам показало, что прокурор района т. Карагодин относится формально к оказанию помощи колхозам по взысканию дебиторской задолженности и возмещению ущерба, материалы оформляются медленно, иски предъявляются в преобладающем большинстве случаев неосновательно, что вызывает недовольство у «ответчиков» и отнимает у них много полезного времени.

2 октября 1953 г. прокурором был предъявлен иск в интересах колхоза «Красный Октябрь» к восьми колхозникам о взыскании 12 253 руб. по тем основаниям, что якобы они продавали фрукты на базаре по повышенным ценам, а отчитались перед колхозом по низким ценам. Обвинение колхозников ничем не обосновано.

В феврале 1954 года прокурор предъявил иск к семнадцати гражданам о взыскании

15 552 руб. за потраву кормов на полях колхоза. При рассмотрении этого дела суд установил, что фамилии двух ответчиков вымышленные, а иск к остальным решительно ничем не подтвержден. Более того, объездчик полей показал, что он не задерживал скот ответчиков у скирдов сена, а по полю бродили лошади, принадлежащие этому же колхозу.

Безусловно, что от такой «помощи» прокурора колхозам мало пользы. Достаточно сказать, что по семи искам, предъявленным прокурором к 43 гражданам, в отношении 33 из них иски удовлетворены не были.

Такое положение дальше нетерпимо и пора бы областному прокурору вмешаться.

Нет сомнения в том, что работники органов милиции, суда и прокуратуры устроят отмеченные недостатки в работе.

Ф. Кузнецов

Народный судья 1-го участка
Липецкого района и области

Лобзев

Народный судья 2-го участка
Липецкого района и области

ПРОТИВОРЕЧИВАЯ ПРАКТИКА

В судебной практике возник вопрос: вправе ли лицо, понесшее судебные расходы по гражданскому делу, предъявить требование, основанное на ст. 46 ГПК РСФСР, в отдельном иске после рассмотрения судом гражданского дела в пределах общего срока исковой давности или такое требование, если оно не было разрешено судом при рассмотрении дела по существу, должно предъявляться в порядке ст. 181 ГПК РСФСР?

Этот вопрос в судебной практике разрешается по-разному: в одних случаях суды считают, что требование, основанное на ст. 46, должно разрешаться одновременно с рассмотрением дела по существу или путем вынесения дополнительного решения в порядке ст. 181, иначе сторона теряет право на возмещение судебных расходов; в других случаях суды считают, что требование о возмещении судебных расходов по гражданскому делу может быть предъявлено в порядке самостоятельного иска на основании ст. 46, если решением по делу не были возмещены эти расходы.

В качестве примера можно привести два дела, рассмотренные судебной коллегией по гражданским делам Московского областного суда по первой инстанции.

Поливанов в мае 1953 года предъявил иск к Жукаркиной о взыскании 885 руб. судебных расходов по гражданскому делу о разделе земельного участка между сторонами, рассмотренному судом 9 октября 1952 г. (исковая сумма складывалась из 685 руб. за составление кассационных жалоб и выступления адвокатов и 200 руб. расходов на экспертизу), Московский областной суд в иске Поливанову отказал. 24 июня 1953 г. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР (председательствующий т. Фомина

и члены суда тт. Кухтино и Зорина), рассматривая это дело по жалобе истца Поливанова, отменила решение Московского областного суда и прекратила дело производством, указав в определении, что в силу ст. 176 ГПК РСФСР вопрос о судебных издержках должен был быть разрешен при вынесении решения или же в соответствии со ст. 181 ГПК РСФСР истец Поливанов должен был в течение пяти дней с момента вынесения решения обратиться в суд с просьбой разрешить вопрос о взыскании судебных издержек, поскольку же истец не сделал этого, а предъявил самостоятельный иск лишь 4 мая 1953 г., он при таких обстоятельствах потерял право на взыскание судебных издержек по делу, рассмотренному 9 октября 1952 г., так что Московский областной суд и не должен был принимать исковое заявление и рассматривать дело.

Таким образом, Верховный суд РСФСР по этому делу исходил из того, что вопрос о судебных издержках должен разрешаться при вынесении решения или путем вынесения дополнительного решения в установленном законом пятидневный срок с момента вынесения решения.

По другому, аналогичному делу Верховный суд РСФСР занял иную позицию. Цуканов в мае 1953 года обратился в Московский областной суд с заявлением о взыскании с Павловой 1156 руб. в возмещение государственной пошлины, уплаченной им при предъявлении иска к Павловой о праве собственности на строение. Цуканов сослался на то, что решением областного суда по этому делу, вынесенным 23 октября 1952 г., вопрос о судебных издержках не разрешался. Московский областной суд 6 июня 1953 г. вынес решение об удовлетворении требований Цуканова. Судебная

коллегия по делу суда Р. т. Фомина, Филиппов) (делу Павло что областного решение о в по оплате сколько ранее расходы чны Павл РСФСР. Се пропуск Цу установленн дебная колл указала, что решения в с просьбой решения, ка торый был нии, но в с вало решен

В настоя рассмотрен данских дел родных суд дела сдать постоянное архивных городов.

Единстве народных ными коми

На осн струкции Сталинско архива за ловные дел скам сдать тате этого ко освободе категории нения.

Но в очень бо дел, кото выделить так как н уничтожеи срока их

Нам дудимости родных с рассмотря 1937 по заявл (за безб админист

ИСТОРИЯ ОДНОГО ДЕЛА

10 марта 1953 г. прокурор Выгоничского района т. Смирнов предъявил иск к семи членам правления колхоза имени Кирова о 31 500 руб. за падеж скота, допущенный якобы по их вине в период зимовки 1952/53 г. Народный судья Выгоничского района т. Чвиков завел 8 апреля 1953 г. по этому иску гражданское дело и назначил его к слушанию на 20 апреля, но по ряду обстоятельств дело в указанный срок судом рассмотрено не было. 13 мая 1953 г. иск прокурора судом был удовлетворен, и со всех ответчиков, признанных судом виновными, подлежало взыскать 31 500 руб.

Ответчики обжаловали решение суда в областной суд. 30 мая областной суд отменил решение народного суда, так как суд не разобрался в правильности и законности требований прокурора. Дело возвращается для нового рассмотрения в народный суд, где лежит без движения до 9 сентября.

9 сентября народный суд под председательством народного судьи т. Чwickова повторно разбирает дело, в отсутствие прокурора и представителя колхоза и отказывает в иске. На этот раз дело идет в областной суд по протесту районного прокурора и 22 октября получает вторичное разрешение: «Решение народного суда отменить и дело для нового рассмотрения возвратить в тот же суд». Это определение подписали члены областного суда тт. Толстикова, Михайлов, Стрепетилова.

Дело о падеже скота вновь (в третий раз!) вернулось в народный суд, где пролежало до 25 ноября 1953 г. и получило пятое по счету решение: «в иске прокурору отказать». Снова протест, снова судебное определение областного суда от 22 декабря 1953 г. по докладу члена суда Михайлова, — и дело направляется для нового (седьмого по счету!) судебного разбирательства, но уже в народный суд соседнего района.

Дело приняло поистине волокитный характер.

Как видно, ни по одному из трех судебных определений областного суда судебная коллегия не дала правильного и законного указания народному суду. Это обстоятельство и послужило мотивом к той неопределенности, которую проявлял народный суд при многократном рассмотрении дела. А казалось бы, чего проще областному суду рассмотреть данное дело с выездом на место в поселок Выгоничи, поручив это одному из наиболее квалифицированных членов суда, хорошо знающих сельское хозяйство и условия развития колхозного животноводства.

Об устранении волокиты в деятельности судов Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 5 сентября 1952 г. указал, что в тех случаях, когда на рассмотрение

кассационной или надзорной инстанции поступит уже однажды рассмотренное этой инстанцией дело, вторичное рассмотрение дела должно происходить под председательством председателя соответствующего суда или его заместителя. Если же при этом суд вновь отменяет приговор или решение с передачей дела на новое судебное рассмотрение, то оно обязательно должно быть принято этим судом к своему производству.

Вместо того чтобы в качестве вышестоящего суда направлять работу народных судов на быстрое и законное разрешение судебных дел, давать четкие и конкретные указания по каждому делу, областной суд сам стал на путь волокиты и прямого нарушения требований Пленума Верховного суда, направляя дела в суды для нового рассмотрения по три раза, не указывая судам, что же нужно сделать, чтобы правильно вынести судебное решение.

Такой случай в практике областного суда не единичен. Достаточно указать на волокиту с делом по спору сахарного комбината имени Ленина к колхозу «21-я годовщина Октября» Навлинского района. Это дело побывало дважды в Верховном суде РСФСР, пять раз в Брянском областном суде и в течение двух лет не может получить разрешения в народном суде. Несмотря на то, что истец в своих жалобах пишет о том, что не доверяет суду Навлинского района рассматривать дело, все же областной суд (председатель коллегии т. Чеславский) вопреки здравому смыслу направил дело в народный суд, тогда как дело могло быть рассмотрено областным судом в пятидневный срок.

Совершенно неправильную позицию занял прокурор района т. Смирнов. К возбуждению дела по иску его в интересах колхоза имени Кирова он подошел без души, формально и неправильно; он не собрал для суда веских и убедительных доказательств о виновниках причинения вреда колхозу, что и явилось причиной многократной отмены судебных решений. Усмотрев, что областной суд требует от народного суда полноты исследования, прокурор Смирнов счел возможным не являться в суд, а судебные решения опротестовывать из кабинета. Где же инициатива прокурора как борца за законность, за объективное и полное выяснение всех обстоятельств по делу? Такое безучастное поведение т. Смирнова привело к тому, что возбужденное им дело в суде не получило законного разрешения по существу в течение года.

И. Смагин

Заместитель начальника управления
Министерства юстиции РСФСР
по Брянской области

В журнале «Юридическая трибуна» № 10 за 1953 г. статья «Бол курорским районов». ляется при тябрьского, июньского неуклонного законности. курорам се ка что и директив заний.

Прежде куратуры квалифици прокуратур живаються листов, ко имеют опы родские ра дователя, направляют чальника справляют способны направлять оны, где не ко, несмотря тура област район след ную юрид опыта и тогда как использовал следовател

НЕ!

Тулубаев: овощным (муж Тул двух человек ники мага перерыва, на корзину сказала, пришли не мужчина платком и вернула и мочевой предмет» (

Будучи лубаева д но-медии освидетел ча, дал за насиллия

ч. 2, УК РСФСР и определить ей меру наказания — лишение свободы. Адвокат т. Михайлов, вместо того чтобы просить суд о вынесении оправдательного приговора, просил учесть личность Тулубаевой, учесть состав ее семьи и сделать снисхождение при избрании меры наказания.

Народный суд 11 ноября 1953 г. признал Тулубаеву виновной в том, что она создала инсценировку нападения на нее неизвестных лиц, и приговорил Тулубаеву по ст. 95, ч. 2, УК РСФСР к лишению свободы сроком на один год шесть месяцев. Определением судебной коллегии по уголовным делам Чкаловского областного суда (в составе гг. Лысенко, Кузнецова и Николаевой) приговор народного суда оставлен в силе.

Разберемся в действиях лиц, причастных к осуждению Тулубаевой. Судебно-медицинский эксперт, врач т. Айтсам, зная, что муж Тулубаевой осужден за убийство двух человек, должен был поставить вопрос, не повлияло ли это на психику Тулубаевой, не проявляются ли у нее бредовые явления, галлюцинации. Судебно-медицинский эксперт обязан был направить Тулубаеву для производства исследования ее психики. Специалистом-психиатром т. Айтсам не является, и он слишком много взял на себя, когда, бегло осмотрев Тулубаеву, дал официальное заключение, что она симулировала нападение на нее.

Народному следователю Акимову, помощнику прокурора Зарубину, народному судье Казакову и членам Чкаловского областного суда Лысенко, Кузнецову и Николаевой можно задать следующие вопросы: Знают ли они, что по советскому уголовному праву признается преступлением? Если знают, то почему ни в предъявлении обвинения, ни в обвинительном заключении, ни в приговоре не указали, какой умысел, какая цель была у Тулубаевой инсценировать, симулировать нападение на нее? Знают ли они, что ст. 95, ч. 2, УК РСФСР предусматривает заведомо ложный донос, заведомо ложное показание судебно-следственным органам, соединенные с обвинением в тяжком преступлении, или с корыстными мотивами, или с искусственным созданием доказательств обвинения. Из материалов дела видно, что Тулубаева никаких заявлений в судебно-следственные органы ни на кого не подавала, а давала объяснения лишь по требованию судебно-следственных органов. При таком положении какие же юридические основания имелись для признания виновности Тулубаевой по ст. 95, ч. 2, УК? Никаких.

Достоинство, честь, свобода советского человека охраняются Конституцией СССР, — и это обязан помнить каждый работник органов советской юстиции и прокуратуры.

Д. Карманов

ЧИТАТЕЛИ О ЖУРНАЛЕ

В Ростове-на-Дону проведена конференция читателей журнала «Социалистическая законность».

Хотя подготовка к конференции среди работников юстиции, суда, прокуратуры, адвокатуры и юридического факультета государственного университета проводилась недостаточно эффективно, все же конференция прошла оживленно.

Выступавшие, подчеркивая положительные стороны работы журнала по оказанию помощи практическим работникам и студентам, отмечали и недостатки в работе редакции журнала.

Прокурор отдела областной прокуратуры т. Кульчихин указал, что в журнале несвоевременно подводятся итоги по дискуссионным статьям и читатель иногда остается в неведении, кто же из авторов статей правильно освещает тот или иной вопрос. Так было по ряду опубликованных в 1953 году статей работников суда и прокуратуры Белорусской ССР о порядке истребования уголовных дел из суда до вступления приговора в законную силу. В этой полемике каждый из авторов доказывал свою точку зрения, но в конце концов осталось неясным, как же относится редакция к упомянутому спору двух органов. Тов. Кульчихин указал, что такое же положение было, когда в статьях некото-

рых авторов по-разному давалось понимание квалификации преступления лиц, занимающихся запрещенным промыслом: в одном случае за одни и те же действия суды квалифицируют это преступление только по ст. 107 УК, в другом — по ст.ст. 99 и 107 УК, а единого взгляда по этому вопросу на местах нет.

Начальник отдела по общему надзору областной прокуратуры т. Решетников отметил недостаточное освещение в журнале общенадзорной работы. В то же время выступавшие указывали как на положительную сторону помещенные в журнале статей передовых народных судей, обменивающихся опытом организации судебной работы и, в частности, опытом проведения работы среди населения.

Интересный и принципиальный вопрос поставили начальник управления юстиции т. Протасеня и народный судья г. Новочеркаска т. Кравчук. Они отметили, что существующий порядок разрешения некоторых гражданских споров между государственными организациями устарел.

Многие положения ГПК, приказы и инструкции нуждаются в изменении. Например, требование приказа Генерального Прокурора СССР за № 106 об обязательном участии прокурора в суде при рассмотрении дел по взысканию дебиторской

зadolженности ныне является парадоксом: как правило, эти иски колхозов не оспариваются ответчиками, но если иск на 50—100 руб., безусловно подлежащий удовлетворению, будет рассмотрен без прокурора, оценка показателей последнего по судебно-гражданскому надзору снижается. Таким образом, здесь участие прокурора превращается просто в формальность: присутствовать и сказать пять слов. А ведь у районного прокурора много другой, более серьезной работы, которую он не всегда может охватить. Этот вопрос также требует обсуждения.

Декаан юридического факультета Ростовского государственного университета т. Чулунов сделал упрек редакции в том, что в журнале печатают часто статьи одних

и тех же авторов из центра, но статей периферийных работников суда и прокуратуры помещается недостаточно.

Было высказано пожелание об улучшении работы с авторским коллективом.

В заключение представитель редакции, сделав замечания по некоторым выступлениям, признал правильными большинство претензий читателей журнала.

Желательно, чтобы такие конференции проводились периодически, что, несомненно, принесет пользу и укрепит связь журнала с читателями.

Р. Фирсов

Прокурор отдела по надзору за органами милиции Ростовской областной прокуратуры

О НЕДООЦЕНКЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Одним из важных условий повышения качества следствия является умение объективным способом закрепить доказательство.

Надзорная практика Прокуратуры РСФСР со всей очевидностью свидетельствует, что по ряду дел не проводится криминалистическая экспертиза, когда она необходима. В силу этого многие преступления остаются нераскрытыми, дела прекращаются в стадии следствия или судами выносятся оправдательные приговоры за недостаточностью доказательств.

Приведем ряд примеров. Горбылев обвинялся в том, что 22 июля 1953 г. покушался на убийство Сапрыковой, произведя в нее два выстрела из охотничьего ружья. В этот же день у Горбылева работником милиции Козульского района Красноярского края был произведен обыск и обнаружено гладкоствольное охотничье ружье «Берданка» 24 калибра с одним выстреленным патроном.

Элементарная обязанность лица, производившего расследование, в данном случае состояла в том, чтобы немедленно подвергнуть ружье экспертизе для установления наличия следов копоти с целью выяснения времени производства выстрела. Однако этого сделано не было, а показания допрошенных свидетелей носили столь противоречивый характер, что народный суд 9 сентября 1953 г. вынужден был по делу вынести оправдательный приговор за недостаточностью собранных по делу доказательств. Характерно, что народный следователь прокуратуры Козульского района в нарушение требований ст. 108 УПК вступил в дело лишь после того, как все следственные действия по делу были фактически закончены, и он лишь формально выполнил требования ст. 109 УПК.

Народным судом г. Боготола Красноярского края за разбойное нападение был осужден Серебряков. Последний признан виновным в том, что ночью напал на Андреева и при помощи насилия отнял у него 40 руб. денег и полулитровую бутылку с водкой. Невдалеке от места происшествия работниками милиции был задержан Серебряков, у которого в кармане были обнаружены полулитровая бутылка водки и 40 руб. денег. Обвиняемый категорически отрицал свою виновность, утверждая, что водку купил в ларьке райпотребсоюза, а деньги принадлежат ему лично.

Казалось бы, следовало произвести криминалистическую экспертизу бутылки с целью обнаружения отпечатков пальцев: при обнаружении на ней следов пальцев потерпевшего имелось бы доказательство виновности обвиняемого. Однако экспертиза произведена не была.

При этих условиях Прокуратура РСФСР внесла протест в Верховный суд РСФСР с целью отмены приговора и прекращения дела за недостаточностью доказательств.

Выводы напрашиваются сами собой: во-первых, необходимо решительно изжить нарушения ст. 108 УПК с тем, чтобы дела, подследственные следователям, немедленно принимались ими к своему производству, ибо вполне очевидно, что следователь прокуратуры, обладающий большей деловой квалификацией, нежели работники милиции, способен обеспечить расследование на более высоком уровне; во-вторых, по каждому делу, где возможно объективное закрепление доказательств путем криминалистической экспертизы, таковая должна быть немедленно произведена.

В. Гинцбург

Кандидат юридических наук

**ИЗ ДОКЛАДА НАРОДНОГО СУДЬИ 2-го УЧАСТКА
ПУШКИНСКОГО РАЙОНА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
т. КАЛЮКИНОЙ ПЕРЕД ИЗБИРАТЕЛЯМИ**

Народный суд избирается трудящимися, и в силу этого он, как и другие выборные органы в нашей стране, подотчетен своим избирателям. Поэтому и я, выполняя требования закона, отчитываюсь в своей работе и работе народного суда, который является важным органом Советского государства.

Советский суд является самым демократическим судом в мире, подлинно народным судом. В то время как суды в капиталистических странах защищают интересы господствующих классов — капиталистов и помещиков, советский суд охраняет права и интересы трудящихся.

Народный суд нашего участка в основу своей работы положил указания партии и правительства об укреплении социалистической законности, об охране прав советских людей, записанных в Конституции СССР, и об охране социалистической собственности.

Социалистическая собственность на орудия и средства производства и социалистическая система хозяйства являются экономической основой СССР. Конституция СССР объявляет врагами народа лиц, покушающихся на общественную социалистическую собственность. В. И. Ленин неоднократно указывал, что богачи и жулики — это две стороны одной медали, это паразиты, вскормленные на живом теле трудящихся.

Поступление дел о хищениях социалистической собственности в наш участок народного суда из года в год уменьшается. Однако до конца факты хищения общественного добра не ликвидированы.

Наш народный суд осуществляет неуклонную борьбу с расхитителями социалистической собственности, строго наказывает людей, не желающих честно трудиться, пытающихся пожить за счет других.

Так, народный суд приговорил к длительному сроку заключения в исправительно-трудовых лагерях Мартыничева и Бургантулнова, которые совершили ограбление магазина № 41 орска «Метростроя» и нанесли при этом тяжкие телесные повреждения сторожу магазина, пытавшемуся противодействовать преступникам.

К суровой мере наказания был приговорен также Федорович, который совместно с другими преступниками похитил с фабрики имени Дзержинского пять кип пряжи.

К сожалению, на фабриках г. Ивантеевки не ликвидированы еще факты мелких

краж с производства трикотажных и иных изделий. Это свидетельствует о том, что у некоторых лиц крайне живучи пережитки прошлого, а руководители фабрик и общественные организации недостаточно проводят воспитательную работу.

Дела о хищениях, поступающие в суд, немедленно назначаются к слушанию, иногда они рассматриваются на фабриках. При вынесении меры наказания суд учитывает как размер похищенного, так и личность подсудимого, помня при этом слова Ленина о том, что предупредительное значение наказания обуславливается не его жестокостью, а его неотвратимостью (см. Ленин, Соч., т. IV, стр. 373).

Народный суд строго карал и лиц, покушавшихся на честь и достоинство граждан и их личную собственность.

Так, суд осудил к длительному сроку заключения в исправительно-трудовых лагерях Никифорова (ранее имевшего судимость) и Филимонова, которые, встретив на дороге идущую на работу гр-ку К., изнасиловали ее, а затем сняли с нее ручные часы и скрылись.

Илюшина, которая, не желая честно трудиться и находясь без определенных занятий и места жительства, совершила хищение носильных вещей из квартир граждан, была осуждена народным судом к шести годам заключения в исправительно-трудовой лагерь.

Народный суд рассмотрел ряд дел о хулиганстве, являющемся опасным видом преступления, дезорганизующим общественный порядок и социалистическое общество.

Народный суд приговорил к трем годам лишения свободы Бабыкина, который ранее был осужден за хулиганство, но по амнистии был досрочно освобожден. Отбытого срока оказалось недостаточно для Бабыкина, — он не исправился и продолжал свои хулиганские действия в общежитии фабрики имени Лукина. Народный суд осудил также к суровой мере наказания Федотова, который терроризовал жителей общежития Ивантеевского строительного комбината треста «Центрозавотстрой».

Советский закон обязывает родителей содержать своих несовершеннолетних детей (как и взрослые трудоспособные дети должны доставлять содержание своим нетрудоспособным родителям). Но, к сожалению, попадают еще родители, которые

не только в но и в том алименты, с ниться от 1

Народный неплательщ деления о 1 ветственно надцать ле способы ук В течение 1 дился без 1 ленного ме мерами бы ловной отв говорил Пн ного заклк Лукашин, уклады али

Советски отношение ностям, сс и трудовой творением года нару предприяти тились.

Но, к со Это говори приятиях работа ср точно при сознательн дисциплине.

Требую 1 цiplinary 1 Советское страцию безопасны к сожалег г. Ивантее производст виноваты принимаю безопаснос

Борьба нас в рай новны и рая слаб сти, и пр ния этому я мало с ским и уг не ставил новных в ности.

В рабо долю зан Народный этой кате щем бол потерпеву и вы жду ним час еще циалисти

Я пров товку к с ры обе с

не только не хотят содержать своих детей, но и в том случае, когда суд присуждает алименты, стремятся любыми путями уклониться от их уплаты.

Народный суд выявляет всех злостных неплательщиков алиментов и выносит определения о привлечении их к уголовной ответственности. Так, Полегков почти шестнадцать лет занимался тем, что изобретал способы уклонения от уплаты алиментов. В течение последних пяти-семи лет он находился без определенных занятий и определенного места жительства, но принятыми мерами был разыскан и привлечен к уголовной ответственности. Народный суд приговорил Полегкова к двум годам тюремного заключения. Осужден был также и Лукашин, который злостно уклонялся от уплаты алиментов.

Советских людей характеризует честное отношение к своим общественным обязанностям, сознательное отношение к труду и трудовой дисциплине. Можно с удовлетворением отметить, что за последние два года нарушения трудовой дисциплины на предприятиях нашего города резко сократились.

Но, к сожалению, они еще имеют место. Это говорит о том, что в некоторых предприятиях слабо ведется разъяснительная работа среди молодых рабочих, недостаточно прививаются им трудовые навыки и сознательное отношение к трудовой дисциплине.

Требую от трудящихся сознательной дисциплины и честного отношения к труду, Советское государство обязывает администрацию обеспечить для трудящихся безопасные методы и условия труда, но, к сожалению, на некоторых предприятиях с. Ивантеевки до сих пор бывают случаи производственного травматизма, в котором виноваты руководители предприятий, не принимающие должных мер к обеспечению безопасности работы.

Борьба с подобными преступлениями у нас в районе плохо ведется. И в этом виновны и профсоюзная организация, которая слабо следит за техникой безопасности, и прокуратура, не уделяющая внимания этому вопросу, и народный суд. Так, я мало обобщала практику по гражданским и уголовным делам этой категории и не ставила вопроса о привлечении лиц, виновных в нарушении закона, к ответственности.

В работе народного суда значительную долю занимают дела частного обвинения. Народный суд придает большое значение этой категории дел, так как в подавляющем большинстве случаев обвиняемый и потерпевший — это жильцы одной квартиры и вынесением приговора конфликт между ними не кончается, а вызывает подчас еще большие нарушения правил социалистического общежития.

Я провожу большую досудебную подготовку к этим делам, вызываю на переговоры обе стороны и стараюсь выяснить при-

чину возникших между ними недоразумений. Поэтому у нас часты случаи, когда граждане, выяснив отношения между собой и поговорив в спокойной деловой обстановке, извиняются друг перед другом и обращаются с просьбой прекратить дело производством. И в практике суда не было еще ни одного случая, чтобы от этих лиц в суд вновь поступило заявление друг на друга.

Причиной того, что в суд поступает большое количество заявлений о возбуждении уголовных дел частного обвинения, является слабая еще разъяснительная работа среди населения.

Говоря о судебной практике народного суда по уголовным делам, я не могу не остановиться на некоторых недостатках в работе районной милиции и прокуратуры. В их работе имеют место факты неосновательного привлечения граждан к уголовной ответственности.

Народный суд стремился построить свою работу по уголовным делам таким образом, чтобы рассматривать их в установленный законом срок и как можно тщательнее соблюдать все процессуальные нормы, которые относятся к стадии судебного разбирательства дела, чтобы не допускать при разрешении дел ошибок, так как осуждение невиновного или оправдание виновного — тяжчайшее преступление перед народом, перед государством.

Строго соблюдая советские законы, суд стремится не допустить формализма в своей работе, бездушного отношения к судьбе советского человека, так как формализм, черствость к людям — это удел буржуазного суда.

Среди всех дел, которые рассматривает народный суд, — подавляющее число гражданских дел.

Правильное рассмотрение гражданских дел помогает укреплять социалистическую систему хозяйства и социалистическую ответственность, способствует охране личных и имущественных прав граждан, гарантированных Конституцией СССР.

В производство народного суда поступают гражданские дела различных категорий. Это дела о взыскании алиментов, о взыскании за причиненный ущерб имуществу из чужого незаконного владения, о возмещении материального ущерба и т. д. Все эти дела различны по своему содержанию и значению, и это требует от суда особо тщательной подготовки к ним, повседневного изучения законодательства.

Большинство дел, особенно дела о взыскании алиментов и трудовые дела, суд рассматривает строго в установленный законом срок.

При рассмотрении трудовых дел народный суд исходил из того, что право на труд — важнейшее завоевание советского народа, записанное в Конституции СССР, и поэтому принимал меры к строгой охране трудовых прав граждан.

Анализируя практику рассмотрения трудовых дел, можно сделать вывод, что руководители некоторых предприятий и учреждений нашего города иногда безответственно относятся к нормам трудового законодательства и правилам внутреннего трудового распорядка.

Так, совершенно неправильно была уволена с работы на фабрике имени Лукина гр-ка Орлова. Руководители фабрики не посчитались с тем, что она проработала на этом предприятии около двадцати лет. Народный суд восстановил Орлову на прежней работе и взыскал заработную плату за двадцать дней вынужденного прогула. Неправильно была переведена на нижеоплачиваемую должность в автоколонне № 80 и гр-ка Грибкова. Народный суд встал на ее защиту и восстановил ее в прежней должности.

Но иногда в народный суд обращаются за помощью люди, увольнение которых администрация произвела правильно, за грубое нарушение трудовой дисциплины. В этих случаях суд немедленно пресекает попытки нарушителей дисциплины добиться отмены правильных действий администрации.

Народному суду приходится рассматривать и дела о взыскании штрафов, наложенных на граждан за те или иные нарушения. К сожалению, бывают случаи, когда штраф накладывается незаконно.

Так, были наложены штрафы на гр-н Манина, Гусарову и др. за проживание без прописки, между тем виноваты в этом были не они, а администрация учреждения, в чьем ведении находились дома, в которых проживали эти лица, не желавшая прописать их. После принятых мер все эти люди были прописаны, а в иске районного отдела милиции о взыскании штрафов отказано.

Нельзя не обратить внимание на то, что руководители некоторых учреждений и предприятий не желают рассчитывать с трудящимися добровольно, без суда, по абсолютно бесспорным делам, а в целях перестраховки сами рекомендуют гражданам обратиться в народный суд. Это создает ненужное сутяжничество, вызывает большие, ничем не оправданные судебные расходы. Однако народный суд с фактами пе-

рестраховки и сутяжничества боролся слабо.

При рассмотрении гражданских дел по искам администрации о взыскании за недостачи выясняется, что на фабриках имени Дзержинского и имени Лукина очень плохо ведется учет товаро-материальных ценностей, особенно готовой продукции.

Очень много дел поступает в суд по искам о недостачах и пересортице товаров, отгружаемых фабрикой имени Дзержинского в торгующие и сбытовые организации. Это говорит о том, что на фабрике отсутствует должный контроль за правильностью отгрузки товаров.

Подчас предъявляются иски о взыскании недостач, в то время как эти недостачи искусственно создаются плохой работой бухгалтерии, а при детальном изучении дела выясняется, что никакой недостачи не существует. Так, фабрика имени Лукина предъявила иск к Попову о взыскании с него 14 968 руб. После того как суд назначил по делу судебно-бухгалтерскую экспертизу, выяснилось, что никакой недостачи нет. Народный суд отказал в иске, но фабрика потратила на судебные расходы более 1500 руб.

Администрация фабрики имени Дзержинского подчас предъявляет иски с пропуском срока исковой давности при отсутствии каких-либо уважительных к этому причин.

Таким образом, в деятельности народного суда 2-го участка Пушкинского района есть и положительные стороны, есть еще и крупные недостатки. Недавно работа народного суда была подвергнута ревизии. При ревизии был вскрыт тоже ряд недостатков в работе суда. Мне было указано на то, что я недостаточно остро реагировала на вскрываемые при рассмотрении дел факты нарушения закона в деятельности тех или иных граждан и должностных лиц, мало проводила занятий с народными заседателями, редко выступала с лекциями и докладами, недостаточно связана в работе с местными руководящими органами.

Все эти недостатки я учла и принимаю меры к их устранению.

Критические замечания избирателей могут мне и всем работникам суда улучшить свою работу.

Большинство серьезно о указании. Е были разр: ствующих (копии выс В конце 1954 года 1 при районн семинаров, работники ные судьи адвокаты.

Организа новном контак КПСС. В райкомов рах. Так в ганском ра районного рый проч Пленума 1 «О мерах хозяйства районе по на семина т. Сергеев.

Занятия новном ор планами. (ров была 1 пашево и Кожевникс онов. В 1 месяцев п (три-четыре проводилисьском уров лично про лектора к товится к циальный

Н

Судебно-уголовного вергается вся предп по расслед предварит ства окон на суде 1 тельности. щих в за дывается 1 новности ного суду.

В этой прокурора бирательст прокурор ступников, по делу,

ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩИЕ СЕМИНАРЫ В РАЙОНАХ

В ноябре 1953 года прокуратура Томской области совместно с областным управлением милиции и областным управлением министерства юстиции направила районным прокурорам, народным судьям и начальникам районных отделений милиции подробное указание об организации постоянно действующих семинаров в районах, а также

примерную тематику семинара. Основная ответственность за проведение семинаров была возложена на районных прокуроров, хотя и народные судьи и начальники районных отделений милиции были обязаны оказывать активную помощь в этой работе.

тся
по
не-
ни
го-
эн-
по
эв,
ю-
и.
т-
ь-
и
и
ий
е-
е
а
с
-
-
о
и

Большинство районных прокуроров серьезно отнеслись к выполнению данного указания. В четырнадцати районах области были разработаны планы постоянно действующих семинаров на весь 1954 год (копии высланы в областную прокуратуру). В конце декабря и в начале января 1954 года в этих районах были проведены при районных прокуратурах первые занятия семинаров, на которых присутствовали все работники милиции, прокуратуры, народные судьи и судебные исполнители, а также адвокаты.

Организация семинаров проходила в тесном контакте и под руководством райкомов КПСС. В большинстве районов секретари райкомов лично читали лекции на семинарах. Так первое занятие семинара в Тутанском районе проводил первый секретарь районного комитета КПСС т. Янин, который прочитал лекцию о постановлении Пленума ЦК КПСС от 7 сентября 1953 г. «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР». В Александровском районе по этой же теме проводил занятие на семинаре секретарь райкома КПСС т. Сергеев.

Занятия на семинарах проходили в основном организованно и в соответствии с планами. Особенно хорошо работа семинаров была поставлена в прокуратуре г. Колпашево и в прокуратурах Кривошеинского, Кожевниковского и некоторых других районов. В Кривошеинском районе за пять месяцев проведено восемнадцать занятий (три-четыре занятия в месяц). Занятия проводились на высоком идейно-политическом уровне. Прокурор района т. Нестеров лично проверяет степень подготовленности лектора к занятиям, сам добросовестно готовится к их проведению. Он имеет специальный журнал учета посещаемости за-

нятий, обеспечивает стопроцентную явку на них участников семинара. Они проявляют большую заинтересованность и активность. Не менее активно проводились занятия семинара и в других районах, хотя в большинстве районов проведено лишь по два семинара в месяц. Некоторые районные прокуроры из числа вновь назначенных не смогли самостоятельно организовать семинары. Отдел кадров областной прокуратуры оказал им необходимую помощь. Так, прокурор Тегульдетского района т. Федорчук не провел ни одного занятия семинара до февраля 1954 года. На месте оказана ему помощь в составлении плана семинара и в практической организации занятий, после чего семинар проводится т. Федорчуковым удовлетворительно.

Прокурор области т. Выпряхин все время держал под неослабным контролем работу семинаров, а отдел кадров систематически занимался проверкой их путем выезда работников областной прокуратуры в районы (была проверена работа семинаров в пяти районах области). Постоянно действующие семинары пробудили большой интерес у практических работников. В большинстве районов области занятия семинаров, кроме работников милиции, стали посещать и работники органов государственной безопасности.

В работе семинаров встретились и трудности. Так, в большинстве районов было трудно проводить по три занятия в месяц (как нам предписывалось), поэтому областная прокуратура разрешила проводить только по два занятия в месяц. Кроме того, мы не смогли добиться, чтобы постоянно действующие семинары работали во всех районах.

И. Усков

НА ПОСТУ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ В СУДЕ

Судебное следствие — важнейшая стадия уголовного процесса. В этой стадии подвергается всесторонней и строгой оценке вся предшествующая работа прокуратуры по расследованию преступления. Собранные предварительным следствием доказательства окончательно критически проверяются на суде в условиях гласности и состязательности. У суда, у сторон и присутствующих в зале суда граждан мысленно складывается отношение к делу, решение о виновности или невиновности лица, преданного суду.

В этой связи особенно значительна роль прокурора, участвующего в судебном разбирательстве дела. Выступающий в суде прокурор обязан активно изобличать преступников, добиваться установления истины по делу, точного и неуклонного приме-

нения советского закона. Он должен помнить, что судебная трибуна — ответственная политическая трибуна, ибо его выступления от имени и в интересах государства со вниманием выслушиваются не только судом, а и присутствующими в зале гражданами. Хорошо продуманное, политически острое, юридически грамотное, глубоко аргументированное выступление прокурора с судебной трибуны не только помогает суду в правильном разрешении конкретного дела о совершенном преступлении, но оно, безусловно, оказывает и необходимое воздействие на присутствующих в зале суда граждан, давая им возможность на конкретных, жизненных, доходчивых примерах постигать мудрость и целеустремленность наших законов, выражающих политику Советского государства и Коммунистической партии.

Прокурорские работники Сталинградской области отдают себе отчет в политической важности поддержания государственного обвинения в суде. Многие из них за последние годы достигли в работе неплохих качественных показателей. Об одном из них я и хочу рассказать.

Прокурор г. Камышина т. Боровицкий в результате правильной организации работы по надзору за соблюдением социалистической законности добился неплохих качественных показателей по всем отраслям прокурорской деятельности и особенно в работе по поддержанию государственного обвинения в судебных процессах. За прошлый год и первую половину нынешнего года т. Боровицкий участвовал в рассмотрении судом дел о крупных и групповых хищениях социалистической собственности, о разбойных нападениях, убийствах, хулиганстве, изнасиловании и других особо опасных преступлениях, а также по наиболее сложным с точки зрения доказательств делам.

Тов. Боровицкий тщательно готовится к выступлениям в суде, делает для себя необходимые записи и заметки, как правило, начиная подготовку к выступлению в суде еще при расследовании дела следователем. При изучении дела он составляет для себя примерный план проведения судебного следствия, намечает порядок исследования дела, порядок допроса подсудимого (при наличии нескольких подсудимых) и порядок допроса свидетелей, который затем в соответствии со ст. 281 УПК рекомендует суду. Все это помогает т. Боровицкому в судебном заседании быть активным в исследовании судом обстоятельств дела, в отыскании истины. Строго соблюдая законы сам, он осуществляет надзор за

законностью действий суда при рассмотрении дела, реагируя в ходе же судебного следствия соответствующими заявлениями на нарушения, допускаемые судом и другими лицами, участвующими в процессе.

Произносимые т. Боровицким с судебной трибуны речи отличаются политической заостренностью, юридически грамотны, глубоко аргументированы, основное внимание в них уделяется анализу доказательств.

По всем делам, в рассмотрении которых принимал участие т. Боровицкий, судом были постановлены обвинительные приговоры, мера наказания подсудимым определялась судом, за небольшим исключением, в соответствии с требованиями государственного обвинителя, которые были всегда конкретными, с учетом тяжести совершенного преступления и личности подсудимых.

Постановленные народным судом приговоры по делам, рассмотренным с участием т. Боровицкого, вышестоящими судебными инстанциями оставлены в силе.

Своими выступлениями в судебных процессах т. Боровицкий не только помогает суду в правильном разрешении дел, но и оказывает необходимое воздействие на присутствующих в зале суда граждан.

Поэтому неслучайно, что т. Боровицкий пользуется в городе среди трудящихся и в партийных и советских органах авторитетом, избран депутатом городского совета, членом бюро городского комитета КПСС, он действительный член Камышинского отделения Общества по распространению политических и научных знаний.

Ф. Орлов

Начальник уголовно-судебного отдела
Прокуратуры Сталинградской области

В № 3
«онность»
ция т. Пет
ние паспор

Прокура
цию, что г
лом Главн
СССР даны
Алтайского
проверить
денции т.
щиеся недс
а к лицам,
ка регистр
дан, приня

В № 4
статья т. 5
брака в пр
Управлен
сти сообще
суждалась
членов Оле
ны меропр
рассмотрен

В № 5 ж
конденция
некоторые

Министер
сообщило в
боте судов,
имели мест
боты народ
ство юстиц
требования
ведении р
шается вни
ми помощи
недостатков
лись в пер
ных судов,
проверялись
своей работ
судьи с п.
вызывались
ном совеща
которые н:
производств
ны кустовы
судебных и
тегориям д
кирской АС
ской АССР
ной практи
совещаниях
в народные
судьями пр
принималис
ного обуче!

ПО СЛЕДАМ ЗАМЕТОК И ПИСЕМ

тре-
ного
ями
уги-

ной
за-
убо-
ле в

рых
дом
эво-
ля-
т, в
зен-
он-
лого

при-
ча-
су-

ро-
ает
) и
ри-

ий
г в
те-
га,
,С,
гю-

ов
ла
ти

В № 3 журнала «Социалистическая законность» была напечатана корреспонденция т. Петровского «Упорядочить оформление паспортов и регистрацию браков».

Прокуратура СССР сообщила в редакцию, что паспортно-регистрационным отделом Главного управления милиции МВД СССР даны указания управлениям милиции Алтайского края и Челябинской области проверить факты, изложенные в корреспонденции т. Петровского, устранить имеющиеся недостатки в оформлении паспортов, а к лицам, виновным в нарушении порядка регистрации браков в паспортах граждан, принять соответствующие меры.

В № 4 журнала была опубликована статья т. Якименко «Дела о расторжении брака в практике судов Украинской ССР». Управление юстиции по Одесской области сообщило в редакцию, что статья обобщалась на производственном совещании членов Одесского областного суда, намечены мероприятия по улучшению качества рассмотрения дел этой категории.

В № 5 журнала была напечатана корреспонденция т. Юсупова «К чему приводят некоторые судебные ошибки».

Министерство юстиции Башкирской АССР сообщило в редакцию, что недостатки в работе судов, отмеченные в корреспонденции, имели место. Для улучшения качества работы народных судов республики Министерство юстиции Башкирской АССР повысило требования к ревизионной работе. При проведении ревизий народных судов обращается внимание на оказание проверяющими помощи работникам суда по устранению недостатков в работе. Ревизией охватывались в первую очередь те участки народных судов, которые длительное время не проверялись или отставали по качеству своей работы. По итогам ревизий народные судьи с плохими показателями в работе вызывались и заслушивались на оперативном совещании при министре юстиции, некоторые народные судьи вызывались на производственную практику. Были проведены кустовые совещания народных судей и судебных исполнителей. По некоторым категориям дел Министерство юстиции Башкирской АССР и Верховный суд Башкирской АССР производили обобщения судебной практики, которые использовались на совещаниях или посылались в виде обзоров в народные суды. В Уфе с народными судьями проводились семинарские занятия, принимались также меры улучшения заочного обучения. В результате таких меро-

приятий качество работы народных судов республики улучшилось. Принимаются меры к дальнейшему улучшению их работы.

В № 5 журнала была опубликована корреспонденция т. Капелюшника «Нужды нотариальных контор».

Министерство юстиции Украинской ССР сообщило в редакцию, что корреспонденция обсуждена на оперативном совещании при начальнике Днепропетровского областного управления юстиции. Разработаны мероприятия по улучшению работы нотариальных контор области. Бланки нотариально оформляемой документации изготавливаются типографским способом. Предложение т. Капелюшника об объединении двух нотариальных контор Днепродзержинска в одну нотариальную контору нецелесообразно, так как механическое объединение нотариальных контор создаст дополнительные трудности для граждан и не улучшит, а ухудшит их обслуживание.

В № 5 журнала были напечатаны корреспонденции: т. Галкина «Больше помощи прокурорам сельскохозяйственных районов» и т. Гольденберга «Критика снизу должна помочь».

Прокуратура СССР сообщила в редакцию, что критические замечания, указанные в корреспонденциях, учтены Отделом общего надзора Прокуратуры СССР. После всесоюзного совещания руководящих работников Прокуратуры, состоявшегося в 1948 году, была переработана инструкция по общему надзору, проект которой обсуждался Методическим советом Прокуратуры СССР, однако издание новой инструкции задерживается. Для оказания помощи прокурорам сельскохозяйственных районов по надзору за исполнением постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему улучшению работы машинно-тракторных станций» Отделом общего надзора составлен ряд программ по отдельным вопросам. Программы помещены в сборнике «Практика работы по общему надзору» (№ 18). Посланы письма в порядке обмена опытом в работе. В некоторые республики, края и области работники отдела выезжали для оказания помощи.

В № 5 журнала была опубликована статья тт. Яковлева и Баранова «Против формально-бюрократического отношения к разрешению жалоб».

Прокуратура Приморского края сообщила в редакцию, что факты, изложенные в статье, имели место. К устранению недо-

статков по разрешению жалоб приняты меры, недостатки устранены. Жалобы трудящихся рассматриваются и разрешаются сейчас в строгом соответствии с приказом Генерального Прокурора СССР № 112 от 3 июля 1946 г.

Прокуратура Карело-Финской ССР сообщила в редакцию, что факты, отмеченные в статье тт. Яковлева и Баранова, действительно имели место.

В целях устранения фактов формально-бюрократического отношения к жалобам и заявлениям граждан как в отделах самой прокуратуры республики, так и в городских и районных прокуратурах была произведена специальная проверка. Результаты произведенной глубокой проверки были обсуждены на совещании при прокуроре республики и на партийных собраниях.

Прокуратура Карело-Финской ССР установила порядок, при котором такие проверки будут проводиться систематически. Отделы прокуратуры республики периодически занимаются анализом характера поступающих и разрешаемых жалоб органами прокуратуры.

В № 5 журнала была напечатана статья т. Мальшакова «Дела частного обвинения требуют большего внимания».

Верховный суд СССР сообщил в редакцию, что факты нарушения закона при рассмотрении дел частного обвинения действительно имели место. Однако Верховный суд СССР не счел целесообразным издавать руководящее указание по этой категории дел, исходя из того, что отдельные нарушения, допускаемые судами при рассмотрении дел частного обвинения, не являются типичными.

В № 5 журнала была опубликована корреспонденция т. Гуковской «Об оценке прекращенных уголовных дел».

В статье отмечалось, что у некоторых работников органов прокуратуры и милиции сложилось совершенно неправильное мнение, что всякое прекращенное дело —

отрицательное явление. Далее автор указывал, что это мнение нашло поддержку в вышестоящих органах прокуратуры и милиции и что теперь уже стало правилом — при оценке работы той или иной прокуратуры в качестве недостатка в работе указывать количество прекращенных дел.

Прекращенные дела автоматически рассматриваются как дела необоснованно возбужденные. На практике это ведет к чрезвычайно опасным последствиям: прокурорские работники подчас не решаются возбуждать уголовные дела даже при наличии законных оснований.

В заключение автор указал, что для того, чтобы в корне пресечь эту незаконную практику отказа в возбуждении уголовных дел, необходимо совершенно иначе относиться к прекращенным делам. Нельзя опустительно считать их недостатком в работе. Браком в работе надо считать лишь необоснованно возбужденные дела, причем необоснованность возбуждения должна устанавливаться только вышестоящей организацией в специальном заключении. Такой порядок помог бы ликвидировать серьезные нарушения социалистической законности в практике возбуждения уголовных дел.

Казалось бы, что выступление низового работника с конкретными предложениями заслуживало серьезного рассмотрения и должного реагирования. Однако не так рассудила исполняющая обязанности начальника Следственного отдела Прокуратуры РСФСР т. Зуйкова. Она сообщила в редакцию буквально следующее: в связи с имеющимися указаниями о порядке разрешения первичных материалов и сообщений о совершенных преступлениях «точка зрения т. Гуковской, изложенная в корреспонденции «Об оценке прекращенных уголовных дел», устарела».

Нет необходимости доказывать формально-бюрократическое отношение т. Зуйковой к сигналам и предложениям, идущим от низовых работников. Такой подход не может быть расценен иначе, как нежелание чутко отнестись к предложениям. Редакция надеется, что Прокурор РСФСР т. Круглов заинтересуется статьей т. Гуковской и ответом на нее, данным т. Зуйковой.

Авторск
Академии
М. Каре
Г. Фельк
А. Федос
«Теория г
ческих вы

Макет :
суждению
истории г
и юридич
Для об
нистерств
Института
Государст
ской лит
совещани
ных рабо
но-исслед
и перифе
вещание,
стие бол
27 мая 1
мни наук

Макет
права» п
тельно о
сударств
В маки
шие па
внутри
государст
тии, пос
и др. В
которых
«Право,
социалис
и правот
стве».

Обязат
мым к
ление г
Определ
прежде
изучение
данную

Поэтом
марксист
и права,
ленную

Авторе
ление п
ва: «Ма
дарства
сущности
дарства
настрой
объекти
ния и р

ших средств укрепления пролетарской диктатуры, защиты интересов рабочих и трудящихся крестьян и борьбы с классовыми врагами трудящихся» (стр. 366).

Это определение было подвергнуто критике за отсутствие в нем указаний на специфические признаки социалистической законности, отличающие ее от других правовых явлений. Как указывали в своих выступлениях П. Недбайло и канд. юрид. наук В. Озеров (ВИЮН), определение социалистической законности как одного из важнейших средств укрепления пролетарской диктатуры и т. д. ничего не дает для понимания сущности и специфики социалистической законности, так как под такое определение можно подвести любую правовую категорию нашего общества.

Понятие социалистической законности, говорит П. Недбайло, — это самостоятельное понятие, которое не сводится к понятию закона и права. Оба эти понятия входят в понятие социалистической законности, но качественную ее особенность составляет прочный правовой режим, создаваемый применением правовых норм, характеризующийся устойчивостью правовых порядков и уверенностью всех советских граждан в своих правах и обязанностях.

Канд. юрид. наук В. Копейчиков (Харьковский юридический институт) считает, что в макете должна была получить свое отражение предложенная в последнее время некоторыми советскими юристами трактовка социалистической законности как метода осуществления диктатуры пролетариата, который (метод) заключается не только в обеспечении предписаний закона, но и в обеспечении предписаний всех остальных правовых актов.

По мнению В. Копейчикова, авторы макета неправильно отделили на откуп административному праву такие вопросы кодексов теории государства и права, как вопрос о гарантиях законности в нашей стране, вопросы о презумпции законности правовых актов и об условиях действительности их, о последствиях нарушения этих условий.

Г. Федькин, возражая критикам, в своем выступлении подчеркнул, что, определяя социалистическую законность как одно из важнейших средств укрепления пролетарской диктатуры, он исходил из известного постановления ЦИК СНК СССР «О революционной законности», где социалистическая законность характеризуется именно таким образом. Социалистическая законность, продолжал Г. Федькин, является средством укрепления диктатуры рабочего класса прежде всего потому, что социалистическая законность стоит на страже прав и интересов советских граждан и охраняет эти права и интересы, общественные и личные, потому что она способствует укреплению союза рабочего класса и крестьянства как основного, главного принципа диктатуры рабочего класса.

Серьезные возражения у многих участников совещания вызвало изложение вопроса

о правовых отношениях в социалистическом обществе, которым посвящена глава XVIII макета.

Анализируя элементы правоотношений, авторы макета пришли к выводу, что объектом социалистических правоотношений, по поводу которого у одних участников данного правового отношения возникают правомочия, а у других — обязанности, является поведение, деятельность участников этих правовых отношений.

Между тем, как указывает в своем выступлении доктор юридических наук Г. Матвеев (Киевский государственный университет), такое категорическое сведение всех возможных объектов правоотношений только к одним действиям людей совершенно справедливо оспаривается многими советскими юристами, которые утверждают, что, кроме действий людей, могут быть другие объекты правоотношений, например, вещи. Еще ни один советский цивилист из тех, кто отвергает за вещами качество объекта как элемента правоотношений, не доказал, что в праве собственности объектом являются действия, а не вещи. Хотя авторы макета правильно пишут, что объектом воздействия права в целом является деятельность людей, их поведение, но из этого, по мнению Г. Матвеева, совсем не вытекает, что объектом конкретных правоотношений могут быть только действия. Во всяком случае, в макете не доказано, что действия являются исключительным объектом всех правоотношений и особенно таких, как право собственности.

Доктор юрид. наук Н. Александров (Московский юридический институт) считает, что точка зрения авторов макета на объект правоотношений воспроизводит известную буржуазную теорию. Необходимо, говорит Н. Александров, придерживаться Конституции СССР, Гражданского кодекса и практики, так как только на этой основе можно найти объяснение тому, что такое государственная собственность, кооперативно-колхозная собственность и личная собственность, различие между которыми заключается и в объекте. Нельзя объекты отрывать от производственных отношений, являющихся, как известно, прежде всего отношениями по поводу средств производства. В юридических отношениях эти средства производства становятся объектами правоотношений.

С критикой понятия объекта правоотношений как действия поведения людей выступили также проф. П. Галанза (Московский государственный университет), В. Кравцов, С. Вильнянский. Объект права — это не поведение людей, так как такое определение объекта лишено всякого социально-классового содержания, указывает С. Вильнянский. В защиту точки зрения авторов макета на объект правоотношений выступили канд. юрид. наук О. Иоффе (Ленинградский государственный университет) и канд. юрид. наук В. Тадевосян (Институт права).

Касаюсь о том, что правоотношение о превращении человека. О. ство советского моноистического время приности объектом нематериальными признаками отношения права, то нельзя было отношений. же из чего должно присутствовать и сти, ибо и связан с что не место которого

Далее Сторонники знает объемируют кой важность институт г но к которому исключить отношений гораздо в жить под как на де взгляда. гают крит рассматри отношение все мы производскую воз класса в рая реали чужого ти шесоциолог спрашиваюность под дической

Д. Кетождеств правом уч делают а право — э того закото право а реализ: реализую субъектив шествова вой норм ного мом тов. при нормы.

На сое недостатк чительно

ПО ПОВОДУ „ТЕОРИИ“ ВОЕННО-УГОЛОВНОГО ПРАВА

До недавнего времени часть научно-педагогических юридических кадров отвлеклась от необходимой разработки актуальных вопросов советского права и обобщения практики органов военной юстиции и использовалась для написания негодных книг и учебников, по которым обучались несуществующим наукам, вроде таких искусственно надуманных учебных дисциплин, как «военно-уголовное право», «военно-уголовный процесс» и «военно-административное право». Практическая вредность такого обучения и воспитания юридических кадров состояла в том, что оно противоречило принципам единой социалистической законности.

Среди ряда книг, написанных на основе неправильной и ошибочной концепции самостоятельного существования так называемого военно-уголовного права, особо выделяется книга В. Чхиквадзе «Советское военно-уголовное право»¹.

Прежде чем приступить к разбору этой книги, необходимо отметить, что еще несколько лет тому назад на одной из теоретических дискуссий акад. А. Я. Вышинский подверг резкой и справедливой критике всю ошибочность взгляда, выдвинутого в то время В. Чхиквадзе, об особых отраслях военно-уголовного, военно-судебного и военно-административного права. А. Я. Вышинский, остановившись на выдвинутом В. Чхиквадзе положении о развитии уголовно-правовых отношений в Красной Армии, сказал: «Такая терминология (т. е. «развитие уголовно-правовых отношений в Красной Армии».— Р. Л.) неверна, так как, во-первых, не обязательно, чтобы в нашей Армии были уголовно-правовые отношения, т. е. отношения, возникающие на основе совершения преступления; во-вторых, не обязательно, если таковые и возникнут, чтобы они развивались; в-третьих, не обязательно то, что имеет в виду докладчик, говоря об уголовно-правовых отношениях, называть уголовно-правовыми отношениями в нашей армии, тем более, что мы в данном случае имеем в виду преступления».

В самом деле, самостоятельность науки

¹ Учебник «Советское военно-уголовное право», изданный Военно-юридической академией в 1946 и 1947 гг. и Государственным издательством юридической литературы в 1948 году, используется и в настоящее время в гражданских учебных заведениях.

определяется прежде всего ее предметом и методом.

Советская наука уголовного права изучает преступление как общественно-опасное деяние, посягающее на основы советского строя или социалистический правопорядок, исследует условия и основания уголовной ответственности, изучает те меры борьбы с преступлениями (т. е. наказания), которые применяются советским судом на основе советских уголовных законов в отношении лиц, виновных в совершении преступлений. Советская наука уголовного права изучает различные виды преступлений, которые предусмотрены советским уголовным законодательством, например, преступления государственные, воинские, против личности и т. д., и среди этих видов преступлений изучает также конкретные составы преступлений в виде таких, как измена Родине, шпионаж, вредительство, диверсия, убийство, хищения социалистической собственности, неисполнение приказа начальника, дезертирство, промотание военного имущества и т. д.

Таким образом, предметом уголовного права является преступление и наказание,— независимо от того, является ли это преступление воинским или контрреволюционным, должностным или имущественным, совершено ли оно в армии или на железнодорожном или водном транспорте, в колхозе или в государственном учреждении, независимо также и от того, применяется ли наказание к гражданскому лицу или к военному служащему.

Советская наука уголовного права прямо противоположна буржуазной «науке» уголовного права не только по своим классовым основам, политическому содержанию и по системе уголовно-правовых взглядов, но и по своему методу. Как и вся советская наука, она основана на единственном подлинно научном методе — методе материалистической диалектики.

Для буржуазной науки уголовного права характерно использование метафизического метода, догматизма, формально-юридического подхода. Буржуазные юристы все исследование уголовно-правовых явлений сводят лишь к рассмотрению их юридической формы вне связи с их материальным содержанием.

Советская наука уголовного права, изучая преступление, наказание и другие институты уголовного права, рассматривает их в неразрывной связи с определяющими их условиями и другими общественными явлениями.

Проф. Чхиквадзе, с небольшими поправками и не смогла

Если мы к тому закону не дает никакой особой уголовной нормы

Советское уголовное право, предельно общие нормы обобщения какой-либо нормы права

Вместе с законодательством, которые не относятся к преступлению, зуют один советского «Воинские»

о воинских понятие «т. е. понятие о том, что такое преступление, ко вую ответственность преступников, конкретные правильно

связи с социальными, основными задачами, что права в от вершивших, которые осужденные, условия и иных деяний, мы об ответственности не (от других) деления на

Советское уголовное право, мой задаче ступенями (содержание) воинов, содействует советских Воинов нашей

Следует ставшими на думается преступлений, нами состав (а) преступлений (контрреволюционных) преступлений

Советское уголовное право является уголовным

и и
зау-
тое
ого
ок,
той
бы
го-
то-
те-
па-
то-
им
я
ти
ий
пе,
й-
на,
е-

Проф. Чхиквадзе и его немногочисленные соратники, написавшие в течение десяти с небольшим лет свыше двадцати работ, посвященных военно-уголовному праву, так и не смогли найти его особого предмета.

Если мы обратимся к советскому уголовному законодательству, то увидим, что оно не дает никакой почвы для выделения такой особой отрасли, как советское военно-уголовное право.

Советское уголовное право, как и всякая иная отрасль единого социалистического права, представляет определенную совокупность правовых норм. Оно включает в себя нормы общей и особенной части. Существование какой-либо отрасли советского уголовного права без наличия известного количества норм той и другой части немыслимо.

Вместе с тем в советском уголовном законодательстве имеется ряд таких норм, которые непосредственно и исключительно относятся к области борьбы с воинскими преступлениями и которые поэтому и образуют один из разделов особенной части советского уголовного права — раздел «Воинские преступления» («Положение о воинских преступлениях»). Следовательно, понятие «советское уголовное законодательство о воинских преступлениях» охватывает собой ту часть советских уголовных законов, которые предусматривают уголовную ответственность за совершение воинских преступлений и устанавливают за них конкретные виды и размеры наказания. Оно правильно в отношении военнослужащих в связи с совершением воинских преступлений, основываясь на тех же принципах и задачах, что и остальная часть уголовного права в отношении военнослужащих, совершивших другие преступные деяния. Некоторые особенности этой части советского уголовного права отражают лишь особые условия и обстановку совершения преступных деяний. Следовательно, правовые нормы об ответственности за воинские преступления не отличаются по своему существу от других уголовно-правовых норм, направленных на борьбу с преступностью.

Советское уголовное законодательство о воинских преступлениях имеет своей прямой задачей осуществление борьбы с преступными посягательствами на порядок несения военной службы. Оно тем самым содействует укреплению боевой мощи Советских Вооруженных Сил и активной обороне нашей Родины.

Следует сказать, что борьба с посягательствами на обороноспособность СССР предусмотрена не только в разделе «Воинские преступления», но также еще и двумя группами составов преступлений, а именно: а) преступления против безопасности СССР (контрреволюционные преступления) и б) преступные нарушения гражданами обязанностей в области обороны СССР.

Советское уголовное законодательство о воинских преступлениях, следовательно, является составной частью советского уголовного законодательства и основано на

единых общих принципах советского уголовного права. Нормы особенной части советского уголовного права, предусматривающие уголовную ответственность за воинские преступления, так же как и все другие нормы особенной части советского уголовного права, охраняют от преступных посягательств единый общий объект в виде основ советского строя или социалистического правопорядка, установленного советской властью на переходный к коммунистическому строю период времени. Этот единый общий объект выражен в ст. 6 УК РСФСР и соответствующих статьях уголовных кодексов других союзных республик.

Советское государство ведет борьбу с воинскими преступлениями путем применения соответствующих норм особенной части к лицам, совершившим воинские преступления, и путем наказания виновных в этих преступлениях на основе единых принципов советского уголовного права. Поэтому все статьи «Положения о воинских преступлениях» применяются в соответствии с требованиями как «Основных начал», так и общей части уголовных кодексов союзных республик.

Вместе с тем необходимо отметить, что в законодательстве по особенной части иногда встречаются нормы, которые имеют общее значение для той или иной группы преступлений. Они помогают отличать данный вид преступлений от других, либо решают некоторые специальные вопросы составов этих преступлений. Однако ни у кого не возникло предложения о создании особого, самостоятельного уголовного права по тем или другим группам преступлений.

Существующие некоторые особенности применения норм советского уголовного законодательства к таким преступлениям, как должностные преступления или преступления, совершаемые на транспорте, или преступления в области сельского хозяйства и т. д., не дают никаких оснований для создания какого-то особого «транспортно-уголовного» или «сельскохозяйственно-уголовного», или «уголовно-должностного» и тому подобного права.

* *
*

Однако общая часть советского уголовного законодательства действительно предусматривает некоторые особенности применения институтов о преступлении и наказании в отношении воинских преступлений в точно законом указанных случаях (например, отсрочка исполнения приговора в военное время, замена исправительно-трудовых работ арестом, соучастие в воинских преступлениях и т. д.).

Бесспорным является то, что существующие особенности отдельных институтов общей части советского уголовного права в применении к воинским преступлениям заслуживают внимания и нуждаются в их теоретической разработке. При этом необ-

ходимо иметь в виду, что далеко не во всех институтах общей части советского уголовного права можно найти названные особенности.

Тем более является принципиально неправильным конструирование особой общей части по воинским преступлениям и противопоставление ее институтам общей части советского уголовного права, как это, по существу, имеет место во всех работах проф. Чхиквадзе. В статье «Военно-уголовное право», опубликованной (без указания автора) в восьмом томе Большой Советской Энциклопедии (изд. 2-е), тоже провозглашается самостоятельное существование особой общей части по воинским преступлениям. Небезинтересно отметить, что автор статьи в Большой Советской Энциклопедии в качестве литературы рекомендовал только работу В. Чхиквадзе «Советское военно-уголовное право», хотя по этому вопросу были опубликованы работы и других авторов.

Отсутствие законодательно-нормативного материала для конструирования общей части военно-уголовного права привело проф. Чхиквадзе к тому, что он вынужден был дублировать большинство вопросов общей части советского уголовного права. Искусственно созданная им общая часть военно-уголовного права оказалась перегруженной ненужными повторениями при чрезмерном увлечении «особенностями». При этом вообще удивляет примитивность выискивания «особенностей» все «особенности», найденные проф. Чхиквадзе, состоят главным образом в том, что к каждому институту, существующему в общей части советского уголовного права, он прибавлял такие слова, как «в военно-уголовном праве» или «в воинских преступлениях». Например, в общей части советского уголовного права имеется раздел «Советский уголовный закон». — этот раздел есть и в общей части у проф. Чхиквадзе под названием «Военно-уголовный закон». Далее, проф. Чхиквадзе соответственно заменяет названия: «Стадии развития преступления в воинских преступлениях», «Соучастие» — на «Соучастие в воинских преступлениях», «Цели и задачи наказания в советском уголовном праве» — на «Цели и задачи наказания в военно-уголовном праве» и т. д. Однако ясно, что, например, стадии развития преступления в виде обнаружения умысла приготовления, покушения или оконченного преступления никаких особенностей применительно к воинским преступлениям не имеют.

Нет никаких особых целей и задач наказания в так называемом военно-уголовном праве, кроме тех целей и задач наказания, которые имеются в советском уголовном праве.

Говоря о теоретической несостоятельности концепции военно-уголовного права, необходимо обратить внимание на то, что у проф. Чхиквадзе, видимо, нет ясности об объеме этой «отрасли» уголовного права.

Судя по определению понятия советского военно-уголовного права, данного им на стр. 12 учебника «Советское военно-уголовное право», можно прийти к выводу, что к сфере конструируемого военно-уголовного права относятся лишь вопросы воинских преступлений и наказаний, применяемых за их совершение к военнослужащим. Между тем на стр. 22 учебника автор к задачам военно-уголовного права относит «решительную борьбу с расхитителями военного имущества», а на стр. 365—367, анализируя воинские преступления, выражающиеся в посягательстве на военное имущество, говорит об указе от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», о краже, разбое, присвоении, растрате военного имущества, хотя, как известно, эти деяния воинских преступлений не составляют.

В учебнике имеется ряд и других, с нашей точки зрения, не совсем правильных, а подчас и прямо сомнительных формулировок. Автор учебника безоговорочно утверждает о необходимости усиления ответственности военнослужащих при совершении ими общеуголовных преступлений. Такое безапелляционное заявление не может не вызывать по меньшей мере сомнения в правильности такого утверждения.

Исходя из всего сказанного, можно сделать единственно правильный вывод об антинаучности об ошибочности конструирования военно-уголовного права как специальной, самостоятельной отрасли советского уголовного права. Изучение воинских преступлений должно составлять одну из глав учебника особенной части советского уголовного права, поскольку раздел о воинских преступлениях составляет лишь одну из десяти глав особенной части Уголовного кодекса РСФСР и уголовных кодексов других союзных республик.

Касаясь же системы составов воинских преступлений, данной проф. Чхиквадзе в его учебнике (стр. 259—260), легко убедиться, что и здесь он пошел по ошибочному пути расширения круга составов воинских преступлений за счет иных составов, помещенных законодателем в другие главы особенной части Уголовного кодекса РСФСР и уголовных кодексах других союзных республик. Так, например, в систему составов воинских преступлений проф. Чхиквадзе прежде всего относит воинские изменнические преступления. Известно, что все контрреволюционные преступления и в том числе воинские изменнические преступления относятся к государственным преступлениям, которые изучаются в первой части курса особенной части советского уголовного права. Поэтому не было никаких оснований включать воинские изменнические преступления в систему составов воинских преступлений в гл. 9 курса особенной части советского уголовного права.

Более того, проф. Чхиквадзе прошел мимо отмеченной в последние годы тенден-

ции советского права, состоящая в том, что составы преступлений в гл. 9 о РСФСР.

Интересы науки требуют, чтобы в работе по созданию учебника по советскому уголовному праву были бы учтены все достижения советской науки в этой области.

В прошлые годы в советском уголовном праве были бы учтены все достижения советской науки в этой области.

В советском уголовном праве были бы учтены все достижения советской науки в этой области.

В советском уголовном праве были бы учтены все достижения советской науки в этой области.

В советском уголовном праве были бы учтены все достижения советской науки в этой области.

В советском уголовном праве были бы учтены все достижения советской науки в этой области.

В советском уголовном праве были бы учтены все достижения советской науки в этой области.

В советском уголовном праве были бы учтены все достижения советской науки в этой области.

В советском уголовном праве были бы учтены все достижения советской науки в этой области.

В советском уголовном праве были бы учтены все достижения советской науки в этой области.

В советском уголовном праве были бы учтены все достижения советской науки в этой области.

ского
м на
олов-
, что
вного
ских
их за
жду
ачам
еши-
ного
ируя
я в
го-
уго-
осу-
ва»,
рате
эти
тав-

на-
х, а
про-
рж-
ен-
ми
без-
вы-
ра-

де-
об-
об-
те-
эт-
их
из
го
ин-
ну
го
у-

их
в
е-
ч-
в
з-
у
с-
о-
в
-
-
i
-
-
i
-
-
i

дни советского уголовного законодательства, состоящей в определенном сужении круга составов преступлений. Отнесенный к гл. 9 о воинских преступлениях УК РСФСР.

Интересы борьбы с воинскими преступлениями требуют глубокой теоретической разработки составов воинских преступлений, что является в настоящее время важной задачей научных работников! Но для успешного решения этой задачи необходимо в первую очередь и окончательно преодолеть ошибочную концепцию проф. Чхиквадзе о самостоятельном существовании особой отрасли права — «советского военно-уголовного права».

В прошлом в некоторых работах по советскому уголовному праву (например, в статьях проф. В. Меньшагина, доцентов Н. Васильева, В. Курляндского и др.) хотя и разрабатывались заслуживающие внимания и практически важные конкретные вопросы борьбы с воинскими преступлениями, но и они не имеют надлежащей научной ценности потому, что в определенной степени исходили из пропагандируемой ошибочной концепции «советского военно-уголовного права».

В советской юридической печати до сих пор не была подвергнута критике грубая политическая ошибка, допущенная проф. Чхиквадзе в учебнике «Советское военно-уголовное право».

Проф. Чхиквадзе в специальном параграфе (§ 6) первой главы учебника поставил перед собой задачу показать состояние советской науки уголовного права в области разработки проблем, связанных с воинскими преступлениями, а также состояние буржуазной науки уголовного права в указанной области в дореволюционной России и в современных капиталистических государствах. Однако изложение этих вопросов в учебнике вызывает возражения принципиального порядка. Так, на стр. 49 учебника проф. Чхиквадзе пишет: «Существование в России Александровской военно-юридической академии в значительной мере способствовало развитию научной мысли в области военного права вообще и военно-уголовного права в частности».

Правильнее было бы сказать прямо противоположное, а именно, что существование этой академии, где готовились кадры царской юстиции и палачей рабочих и крестьян, в значительной мере способствовало не развитию научной мысли, а удушению ее в самом зародыше.

Нельзя согласиться с проф. Чхиквадзе и в оценке уголовно-правовой литературы дореволюционной России по воинским преступлениям. Здесь автор, по существу, не разоблачает классового, реакционного характера дореволюционной буржуазной лженауки уголовного права и ее представителей. Он не показывает, что такие представители официальной юридической науки дореволюционной России, как Неелов, Фалеев, Кузьмин-Караваев, Бессонов и др.,

являясь слугами господствующего класса помещиков и капиталистов, посвящали свою «научную деятельность» разработке наиболее реакционной части эксплуататорского уголовного права — военно-уголовного законодательства. В своих трудах, прикрываясь фальшивым, буржуазным объективизмом и юридическим догматизмом, они пытались скрыть, замаскировать реакционную сущность и ярко выраженный антинародный характер военно-уголовного законодательства царской России. Они пытались теоретически «обосновать» и оправдать кровавую практическую деятельность военно-карательных органов царского самодержавия против наиболее прогрессивных элементов общества, против революционного движения, против политических противников царского строя.

Между тем в учебнике проф. Чхиквадзе на стр. 48 мы читаем: «Безусловной заслугой русских ученых юристов — Бобровского, Неелова, Фалеева, Друцкого, Кузьмина-Караваева, Бессонова, Шендзиковского, Мушниковца и других является обстоятельная разработка ряда важнейших вопросов военного и, в частности, военно-уголовного права». В подтверждение этого в учебнике приводится подробный список работ указанных авторов в области военно-уголовного законодательства дореволюционной России¹.

Про эту часть работы проф. Чхиквадзе вполне можно сказать, что он в русских дореволюционных лжеученых юристах видит прежде всего союзников по своей юридической профессии, а не противников, работы которых надо критиковать и разоблачать.

В учебнике мы не находим также глубокого анализа реакционной сущности буржуазной лженауки уголовного права в области воинских преступлений в современных капиталистических государствах. На стр. 50 учебника автор указывает что «За последние годы в Англии, США, Франции, Германии, Италии и других странах появился ряд монографий и учебных пособий по вопросам военно-уголовного права», и далее приводится большой список литературы американских, английских, немецких, французских и других иностранных авторов, работы которых не переведены на русский язык. Среди этой литературы имеются книги, изданные в Берлине в период гитлеровской диктатуры, а в них, естественно, имела место проповедь фашистских взглядов.

В настоящее время необходима подлинно научная разработка как общих вопросов борьбы с воинскими преступлениями, так и

¹ Проф. В. Чхиквадзе в статье, напечатанной в журнале «Социалистическая законность» № 2 за 1953 год, признал ошибочным и объективистским свое утверждение относительно законодательства и науки военно-уголовного права царской России и «заслуг» дореволюционных ученых юристов — Бобровского и других. — Редакция.

отдельных составов преступлений на основе единых принципов советского уголовного права.

Осуществление задач укрепления Советского государства предполагает дальнейшее повышение боевой мощи Советских Вооруженных Сил и советской воинской дисциплины, еще большее внедрение в Советских Вооруженных Силах социалистической законности, являющейся в нашей стране единой и в равной мере обязательной для всех граждан Советского Союза — рабочих, колхозников, интеллигенции, для всех служащих государственного аппарата, для всех военнослужащих Вооруженных Сил, для членов партии и беспартийных.

Свыше 30 лет тому назад, в 1922 году, в своем знаменитом письме к И. В. Сталину в Политбюро В. И. Ленин изложил основные принципы социалистической законности и методы ее обеспечения. Он писал, что «законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей федерации Советских республик»¹.

Учение великого Ленина об укреплении Советского государства и его указание о необходимости осуществления единой социалистической законности в Советском государстве было развито дальше И. В. Сталиным и получило свое выражение в решениях партийных съездов, конференций и в советском законодательстве. В докладах товарища Маленкова и товарища Хрущева на XIX съезде партии говорилось, что партия имеет одну дисциплину, один закон для всех. Это было записано и в принятом XIX съездом партии Уставе партии.

В Конституции СССР предусмотрена единая законность, которая применительно к советскому уголовному праву нашла свое выражение в том, что в Конституции СССР было предусмотрено издание единого для всего Советского Союза уголовного кодекса.

В связи с этим казалось, что прямой и святой обязанностью работников науки советского уголовного права было бы со-

действие выработке единого для всего Советского Союза уголовного кодекса.

Вместо этого в течение ряда лет проф. Чхиквадзе развивал, культивировал и пропагандировал другие, ошибочные, опровергнутые жизнью взгляды, глубоко противоречащие принципу единой социалистической законности.

Невольно возникает вопрос: откуда у проф. Чхиквадзе возникло предложение о создании Военно-уголовного кодекса СССР «со своей отдельной общей и особенной частями»? Является ли это предложение Чхиквадзе оригинальным или откуда-то заимствовано?

Изучение законодательства о воинских преступлениях, действовавшего в России до 1917 года, показывает, что в царской России вплоть до Великой Октябрьской революции действовал так называемый Военский устав о наказаниях, который содержал в себе две части — общую и особенную. Не заимствовал ли проф. Чхиквадзе идею самостоятельного существования военно-уголовного кодекса СССР с общей и особенной частью именно из законодательной практики царской России?

Проф. Чхиквадзе недооценивал весьма важное обстоятельство, состоящего в том, что в царской России армия противопоставлялась народу, была отгорожена от народа. В целях использования армии против народа для нее и издаются военно-уголовные кодексы, направленные к узаконению этого отделения армии от народа, выгодного господствующим классам капиталистических государств. В Советской же стране армия едина с народом, и в армии действуют те же единые принципы законности, установленные для всех граждан Конституцией СССР.

Государственные интересы требуют очищения советской юридической науки от ошибочных взглядов проф. Чхиквадзе и его немногочисленных сторонников о двух законностях — законности «гражданской» и законности «армейской», как вредных для дела укрепления единой законности в нашей стране.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 326.

Р. Лопухов

ПО

Выселение
щих гражд.
ности и н
нии, пр

Карпови
собственн
этот дом
районного
Карпович
ный снес
суд с ис
телям, пр
селении.
Ленинско
новленем
в приеме
то, что г
аварийног
в админ
суд Лат
ми народ
Генерал
тест на
определен
ССР.

Статье
гими ука
ми, при к
досрочно
если ему
которые
в негоди
состояни
досрочно
не преду
из домо
праве ли
водиться
родный
ССР пос
пович в
выселени
Соглас
коллегия
ного су
народно
района
суда Л.
новое р
народны

Увольне
Кодекса
изведен
полнени

Прик
работав
честве

ИЗ ПРАКТИКИ ПРОКУРАТУРЫ СССР ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ

Со-

роф.
про-
терг-
иво-
жой

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Выселение жильцов из домов, принадлежащих гражданам на праве личной собственности и находящихся в аварийном состоянии, производится в судебном порядке

Карпович принадлежит на праве личной собственности дом в Риге. Поскольку этот дом к жилью непригоден и решением районного исполкома от 8 июня 1953 г. Карпович разрешено этот дом как аварийный снести, она обратилась в народный суд с иском к Белову и другим нанимателям, проживающим в этом доме, о выселении. Народный судья 3-го участка Ленинского района Риги своим постановлением от 23 октября 1953 г. отказал в приеме искового заявления, указав на то, что вопрос о выселении жильцов из аварийного дома подлежит рассмотрению в административном порядке. Верховный суд Латвийской ССР согласился с доводами народного судьи.

Генеральный Прокурор СССР внес протест на постановление народного судьи и определение Верховного суда Латвийской ССР.

Статьей 171 ГК РСФСР наряду с другими указанными в этой статье основаниями, при которых договор найма может быть досрочно расторгнут, предусмотрено, что если имущество в силу обстоятельств, за которые наниматель не отвечает, окажется в негодном для условленного пользования состоянии, то договор найма может быть досрочно расторгнут. Поскольку законом не предусмотрено, что выселение жильцов из домов, принадлежащих гражданам на праве личной собственности, должно производиться в административном порядке, народный суд и Верховный суд Латвийской ССР поступили неправильно, отказав Карпович в приеме к рассмотрению ее иска о выселении жильцов из аварийного дома.

Согласившись с протестом, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила постановление народного судьи 3-го участка Ленинского района Риги и определение Верховного суда Латвийской ССР, передав дело на новое рассмотрение по существу в тот же народный суд.

Увольнение работника по пункту «г» ст. 47 Кодекса законов о труде может быть произведено только за систематическое неисполнение им обязанностей по своей работе

Приказом от 1 февраля 1954 г. Вилюмс, работавшая в домоуправлении № 719 в качестве дворника, была уволена с работы за

самовольное вселение в квартиру и неоднократные нарушения трудовой дисциплины, т. е. по п. «г» ст. 47 Кодекса законов о труде. Считая увольнение с работы неправильным и указывая на то, что квартиру в д. № 17 по ул. Фрунзе она заняла ввиду непригодности к жилью предоставленного ей помещения, Вилюмс обратилась с иском в суд о восстановлении на работе и о взыскании за вынужденный прогул. Народный суд 4-го участка Московского района Риги решением от 27 февраля 1954 г. постановил в иске Вилюмс отказать. Это решение 13 марта 1954 г. оставлено в силе Верховным судом Латвийской ССР.

Генеральный Прокурор СССР внес протест по следующим основаниям:

Приказ об увольнении истицы, как это видно из дела, последовал после того, как истица допустила неправильные действия, самовольно заняв квартиру, однако эти действия истицы нельзя рассматривать как нарушение трудовой дисциплины и невыполнение обязанностей, возложенных на нее трудовым договором или правилами внутреннего распорядка. Указание в решении суда на то, что якобы в обязанность истицы как дворника «входило наводить порядок в правильном вселении», является необоснованным, поскольку это не вытекает из действующего закона. 23 июня 1954 г. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила решение народного суда Московского района Риги от 27 февраля 1954 г. и определение Верховного суда Латвийской ССР от 13 марта 1954 г. отменить, восстановить Вилюмс на прежнюю работу в домоуправлении № 719 и взыскать с этого домоуправления в пользу Вилюмс заработную плату за двадцать дней вынужденного прогула.

За съемщиками, выбывшими из жилых помещений вследствие вступившего в законную силу приговора, право на жилое помещение сохраняется в течение шести месяцев со дня приведения приговора в исполнение

Печенкина, являясь основным съемщиком, занимала в Тбилиси комнату площадью 7 кв. м. 19 октября 1952 г. Печенкина была со спорной площади в связи с арестом и последующим осуждением по приговору суда к двум годам лишения свободы. 6 апреля 1953 г. Печенкина в силу указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» была освобождена от дальнейшего отбывания наказания и предъявила иск о признании

доф.
зда-
со-
стя-
ад-
во-

ких
до-
ос-
во-
ин-
пр-
ин-
зе
ия
ей
а-

га
и,
э-
а
и
у-
л-
л-
э
л
л

за ней права на ранее занимаемую жилую площадь и о выселении ответчика Мачаидзе, который проживал на этой площади в соответствии с выданным жилищным управлением ордером. Рассмотрев данное дело и принимая во внимание, что истица отсутствовала менее шести месяцев, народный суд 7-го участка Сталинского района Тбилиси решением от 8 мая 1953 г. удовлетворил иск Печенкиной о выселении Мачаидзе с предоставлением последнему жилищным управлением другой жилой площади.

По протесту прокурора Грузинской ССР судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Грузинской ССР определением от 23 ноября 1953 г. отменила решение народного суда и отказала в иске Печенкиной о выселении Мачаидзе.

Считая, что настоящее дело разрешено неправильно, Генеральный Прокурор СССР внес протест в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР. Протест удовлетворен по следующим основаниям:

Истица Печенкина заявила требование о возврате принадлежащей ей жилой площади до истечения шестимесячного срока с момента вынужденного выбытия, ввиду чего народный суд применительно к ст. 34 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. правильно вынес решение об удовлетворении требования истицы. Ссылка Верховного суда Грузинской ССР на то, что поскольку истица была осуждена к лишению свободы на срок свыше шести месяцев, то она право на принадлежащую ей жилую площадь утратила, хотя и соответствовала старой редакции п. 14 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 февраля 1940 г., однако с учетом конкретных обстоятельств настоящего дела отказ Печенкиной в иске и на момент пересмотра этого дела Верховным судом Грузинской ССР нельзя считать справедливым. Правильность же решения народного суда подтверждается и последующим постановлением Пленума Верховного суда СССР от 22 января 1954 г., которым изменен п. 14 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. в той части, что за съемщиками, выбывшими из жилых помещений вследствие вступившего в законную силу приговора, право на жилое помещение в соответствии со ст. 34 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. сохраняется в течение шести месяцев со дня приведения приговора в исполнение. На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила определение Верховного суда Грузинской ССР от 23 ноября 1953 г., оставив в силе решение народного суда, которым был удовлетворен иск Печенкиной о возвращении жилой площади.

Работники вправе предъявить в суде иск об изменении формулировки увольнения, если она является фактически неверной или не соответствует действующему законодательству

Приказом от 15 июня 1953 г. истец Гринявичус был освобожден от работы в качестве буфетчика за утрату к нему доверия (п. «в» ст. 47 Кодекса законов о труде) ввиду того, что при проверке 20 мая 1953 г. у него в буфете было обнаружено 110 бутылок недоброкачественной водки с пониженной крепостью и в нестандартной упаковке. Истец, указывая на то, что он ранее просил ответчика об увольнении по соглашению сторон, и на то, что с записанной в трудовой книжке формулировкой увольнения он не может устроиться на другую работу, просил суд изменить формулировку увольнения и считать, что он уволен по соглашению сторон. Решением народного суда 2-го участка г. Поневежис от 11 июня 1953 г. иск Гринявичуса был удовлетворен. Верховный суд Литовской ССР 9 сентября 1953 г. отменил решение народного суда и дело производством прекратил.

Протест Генерального Прокурора СССР Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда СССР удовлетворен по следующим основаниям.

Народный суд, удовлетворив иск об изменении формулировки увольнения, совершенно не исследовал вопрос о том, по каким причинам и правильно ли истец был уволен по п. «в» ст. 47 Кодекса законов о труде. Ничем не опровергая имеющихся по этому вопросу материалов, в частности, письмо директора буфета ст. Поневежис на имя прокурора об обнаружении в буфете, где работал истец, большого количества нестандартной и недоброкачественной водки и приказ об увольнении истца с работы, суд ограничил исследование дела лишь тем, что истец ранее обращался с просьбой об увольнении его с работы. Но это обстоятельство не имеет существенного значения, если истец действительно имел в буфете недоброкачественную водку в целях ее реализации потребителю. Доводы же, изложенные в определении Верховного суда Литовской ССР, о том, что якобы данное дело неподведомственно суду, так как об увольнении истца состоялось решение РКК, следует считать необоснованными. Истец по вопросу об изменении формулировки увольнения, изложенной в приказе и в трудовой книжке, не обращался в РКК, и обязательного предварительного рассмотрения этого спора в РКК об изменении формулировки увольнения закон не предусматривает. В ст. 12 Правил о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов указано, что обязательно рассмотрению в РКК, как основной первичной инстанции, подлежат конфликты по вопросам увольнения по непригодности и за неисполнение обязанностей. В деле имеется копия протокола за-

седания РКК указано, что увольнение истца не имело иск заявлен на работе, увольнения нума Верху 1952 г. при жание впр изменении нения, есл трудовой к является с ответствув тельству.

Ввиду по гражд СССР 19 ние народ ного суда передать

Неправил

Решени суда от силе о РСФСР с было отк расторже дебной Верховно 1953 г. СССР по

В связи СССР в суда СССР 1954 г., признал, шения и мене по

Головы С 1941 Армии, Отношен с 1949 г шения

Ленин смотрен ний сто в даль вых. Су словном предьяв Головле нял во дельно взложет жении (ховного стоявш определ новое по гражд по гра; родско

к об
если
не
ель-

при-
ка-
ве-
де)
тая
но
с
той
он
по
ин-
ой
у-
и-
ен
го
тя
н,
я
и

Р
м
о

седания РКК от 10 июня 1953 г., в которой указано, что РКК считает правильным увольнение истца с работы, но этот документ не имеет отношения к делу, поскольку иск заявлен не о восстановлении истца на работе, а об изменении формулировки увольнения. В п. 20 постановления Пленума Верховного суда СССР от 11 января 1952 г. предусмотрено, что рабочие и служащие вправе предъявлять в суде иски об изменении формулировки причины увольнения, если записанная в приказе или в трудовой книжке формулировка увольнения является фактически неверной или не соответствующей действующему законодательству.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР 19 июня 1954 г. определила: решение народного суда и определение Верховного суда Литовской ССР отменить, а дело передать на новое рассмотрение.

Неправильное разрешение дела по иску о расторжении брака

Решением Ленинградского городского суда от 17 ноября 1952 г., оставленным в силе определением Верховного суда РСФСР от 3 декабря 1953 г., Головлеву В. было отказано в иске к Головлевой К. о расторжении брака, а определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 5 сентября 1953 г. протест Генерального Прокурора СССР по данному делу был отклонен.

В связи с этим Генеральный Прокурор СССР внес протест в Пленум Верховного суда СССР. Рассмотрев протест 25 июня 1954 г., Пленум Верховного суда СССР признал, что все состоявшиеся по делу решения и определения судов подлежат отмене по следующим основаниям:

Головлевы вступили в брак в 1938 году. С 1941 года Головлев служил в Советской Армии, в 1946 году был демобилизован. Отношения между супругами испортились, с 1949 года они прекратили брачные отношения и с того времени живут раздельно.

Ленинградский городской суд при рассмотрении дела не выяснил взаимоотношений сторон и не установил, возможно ли в дальнейшем сохранение семьи Головлевых. Суд обосновал отказ в иске на голословном заявлении истицы, что причиной предъявления иска является сожитительство Головлева с другой женщиной, и не принял во внимание, что супруги живут раздельно фактически с 1949 года. Считая по изложенным соображениям отказ в расторжении брака необоснованным, Пленум Верховного суда СССР постановил: все состоявшиеся по делу судебные решения и определения отменить и дело передать на новое рассмотрение в судебную коллегия по гражданским делам Ленинградского городского суда в ином составе.

Увольнение материально-ответственного работника по мотиву утраты к нему доверия за обнаруженную недостачу при отсутствии вины работника в наступлении недостачи является незаконным

Бартенева работала в качестве лоточницы при столовой № 6 Курского треста столовых, затем была уволена с работы за недостачу 361 бутылки на сумму 722 руб. Считая увольнение неправильным, так как фактически недостача не имела места, и указывая на то, что с ней не был произведен окончательный расчет по заработной плате, Бартенева обратилась в народный суд с иском о восстановлении на работе и о взыскании 2899 руб. заработной платы.

Народный суд 1-го участка Дзержинского района Курска 6 февраля 1952 г. постановил взыскать в пользу истицы 1519 руб. задолженности по заработной плате, а в иске о восстановлении на работе отказал по тем мотивам, что у истицы была недостача материальных ценностей и при этих обстоятельствах ответчик имел основание выразить ей недоверие по работе, связанной с обслуживанием материальных ценностей. Курский областной суд оставил в силе решение народного суда. Верховный суд РСФСР 17 января 1953 г. отклонил протест Прокурора РСФСР, в котором ставился вопрос о пересмотре дела в порядке надзора.

По протесту Генерального Прокурора СССР дело было рассмотрено Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда СССР. Соглашаясь с протестом, Судебная коллегия указала, что вступившим в законную силу решением народного суда 1-го участка Дзержинского района Курска от 24 июня 1954 г., вынесенным по иску Курского треста столовых к Бартеневой о взыскании 722 руб. за недостачу бутылок, установлено, что таковой недостачи у Бартеневой не было. Следовательно, те мотивы, по которым Бартенева была уволена с работы, отпали, и она вправе требовать восстановления на работе. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила решение народного суда 1-го участка Дзержинского района г. Курска от 6 февраля 1952 г. и последующие определения в части отказа Бартеневой в иске о восстановлении на работе и, не передавая дело на новое рассмотрение, вынесла новое решение по существу о восстановлении Бартеневой на работе.

Полная материальная ответственность может быть возложена на работника лишь в случаях, прямо предусмотренных законом

В Усть-Уральском леспромхозе работали: Опре — бракером-приемщиком и Матвеев — мастером лесного склада. В связи с отъездом Матвеева в командировку администрация леспромхоза обязала Опре принять от

него такелажные принадлежности. В дальнейшем Опре сдала Матвееву принятые от него материальные ценности, за исключением двух косыков, которые ею были приняты от Матвеева по частной расписке. Усть-Уральский леспромхоз в связи с недостачей такелажных принадлежностей предъявил к Опре и Матвееву иск о взыскании стоимости недостающих косыков в сумме 11 855 руб. Народный суд 2-го участка Чердынского района решением от 3 января 1953 г. удовлетворил иск, взыскав с Опре $\frac{1}{3}$ ее месячной ставки, а в иске к Матвееву отказал. Молотовский областной суд отменил решение народного суда по мотивам, что Опре приняла материальные ценности под расписку и обязана была принять меры к их сохранности, поэтому должна возместить ущерб, причиненный леспромхозу, в полном размере в соответствии со ст. 83¹ Кодекса законов о труде, и передал дело на новое рассмотрение. При вторичном рассмотрении дела народный суд 2-го участка Чердынского района решением от 27 февраля 1953 г. взыскал с Опре 11 855 руб., руководствуясь ст. 83¹ Кодекса законов о труде. Протест Прокурора РСФСР был отклонен Верховным судом РСФСР.

По протесту Генерального Прокурора СССР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР указала, что в силу ст. 83¹ Кодекса законов о труде полная материальная ответственность работников перед нанимателем за причиненный ущерб учреждению должна быть обусловлена законом, договором либо актом судебно-следственных органов, устанавливающих наличие признаков уголовно-наказуемого деяния. При отсутствии указанных условий работник не может нести материальную ответственность в полном размере причиненного ущерба. Из дела видно, что Опре не являлась материально-ответственным лицом и к уголовной ответственности не привлекалась. Причиненный вред ответчица Опре должна возместить в соответствии со ст. 83 Кодекса законов о труде в размере $\frac{1}{3}$ тарифной ставки. Признавая, что народный суд Чердынского района 3 января 1953 г. разрешил дело правильно, в соответствии с законом, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР оставила в силе это решение суда, отменив все последующие решения и определения.

Разрешая спор об исключении имущества из описи, суд обязан установить, кому действительно принадлежит описанное имущество

В 1951 году Робиташвили В. купил у Кобиашвили Е. автомашину за 2500 руб. Уплатив наличными деньгами 1500 руб., он выдал на 1000 руб. расписку, указав срок погашения долга 31 декабря 1952 г. По истечении указанного срока Кобиашвили предъявил к Робиташвили В. иск о взы-

скании 1000 руб., который решением народного суда 1-го участка района имени Калинина Тбилиси был полностью удовлетворен. Во исполнение этого решения у матери ответчика, Робиташвили М., была произведена опись имущества (часы, гардероб, ковры и пр.). Робиташвили М. обратилась в суд с заявлением об исключении указанных вещей из описи, как лично ей принадлежащих. Решением народного суда 1-го участка от 30 мая 1953 г. иск Робиташвили М. удовлетворен частично. Верховный суд Грузинской ССР оставил решение в силе.

Считая решение народного суда и определение Верховного суда Грузинской ССР неправильными, Генеральный Прокурор СССР опротестовал их в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР.

Судебная коллегия, соглашаясь с протестом, указала, что решение суда в части, касающейся отказа истице в иске об исключении из описи имущества, является неправильным, так как оно вынесено в противоречии с материалами дела. Допрошенные в суде свидетели подтвердили, что вся домашняя обстановка, перечисленная в акте описи имущества, приобреталась истицей, а не ее сыном. Суд в своем решении не опроверг этих показаний и не привел иных доказательств, которые бы свидетельствовали, что те вещи, в исключении которых из описи истице отказано, были приобретены ее сыном, Робиташвили В. Как видно из дополнительно представленных документов, Робиташвили В. к моменту заключения сделки с Кобиашвили Е. по покупке автомашины был совершеннолетним. Следовательно, и по этим основаниям нельзя признать правильным производство описи имущества у родителей в погашение его долга. Судебная коллегия отменила решение народного суда и определение Верховного суда Грузинской ССР в части, касающейся отказа Робиташвили М. в иске об исключении из описи имущества, и передала дело в этой части на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе.

Неправильное выселение съемщика без предоставления жилой площади

Новосибирский областной потребительский союз предъявил в суде иск к Кузьмищеву А. о выселении его из дома, принадлежащего потребительскому союзу, к которому Кузьмищев никакого отношения не имеет, а занял квартиру самоуправно. Новосибирский областной суд предоставил выселить Кузьмищева без предоставления другой жилой площади. Верховный суд РСФСР оставил в силе решение областного суда.

По протесту Генерального Прокурора СССР дело было рассмотрено в порядке надзора Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда СССР.

Удовлетвор указала, что шадь, которую в это время был выведен из жилого помещения полкомандиром той у него в доме по той была занята ким образом управном е но. Так как поряжению надлежало председателю временно (ления Куз доставить шадь, так произведен другой жигия отмени ластного (суда РСФ рассмотрен суд по не кура.

**Непра
за н**

11 нояб
участка Д
рил иск Ф
кина В. с
славшись
шении ис
создает
совместно
указал, ч
роны, пер
продажи,
коммунал
ной суд с
суда. Ве
1954 г.
РСФСР с

Обеуди
ра СССР
ским дел
ла, что к
детельств
ны его
невозмо
живания
держится
зировав
шение о
состояше
взрослых
стве отве
невозмо
может б
чительны

на-
мени
удо-
ения
была
гар-
бра-
нии
ей
суда
оби-
сов-
ние

ре-
СР
юр
ле-
го

е-
и,
с-
я
о-
н-
я
е
е
х
-
х
)

Удовлетворяя протест, Судебная коллегия указала, что Кузьмищев имел жилую площадь, которая по обстоятельствам военного времени была занята под предприятие оборонного значения. По возвращении Кузьмищева из Советской Армии ему по распоряжению Новосибирского областного исполкома была предоставлена взамен изъятой у него площади другая квартира — в доме потребсоюза. Эта квартира ранее была занята председателем облплана. Таким образом, утверждение истца о самоуправном вселении Кузьмищева неправильно. Так как Кузьмищев вселился по распоряжению областного исполкома, суду надлежало вызвать в качестве соответчика председателя областного исполкома и одновременно с разрешением вопроса о выселении Кузьмищева обязать исполком предоставить Кузьмищеву другую жилую площадь, так как выселение его может быть произведено только с предоставлением ему другой жилой площади. Судебная коллегия отменила решение Новосибирского областного суда и определила Верховного суда РСФСР и передала дело на новое рассмотрение в Новосибирский областной суд по первой инстанции с участием прокурора.

Неправильное выселение съемщика за невозможность совместного проживания

11 ноября 1953 г. народный суд 1-го участка Дмитриевского района удовлетворил иск Филонович А. о выселении Скрыпкина В. с пятью членами его семьи, сославшись на то, что он допускает в отношении истицы неправильное поведение и создает этим невозможные условия для совместного проживания. Кроме того, суд указал, что дом, в котором проживают стороны, перешел к истице по договору купли-продажи, заключенному ею с городским коммунальным хозяйством. Курский областной суд оставил в силе решение народного суда. Верховный суд РСФСР 13 апреля 1954 г. отклонил протест прокурора РСФСР о пересмотре дела.

Обсудив протест Генерального Прокурора СССР, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР указала, что каких-либо конкретных фактов, свидетельствующих о том, что ответчик и члены его семьи создавали для Филонович невозможные условия для совместного проживания в доме, в материалах дела не содержится. В то же время суд, не проанализировав взаимоотношений сторон, вынес решение о выселении всей семьи ответчика, состоящей из пяти человек, не привлекая взрослых членов семьи Скрыпкина в качестве ответчиков. Выселение трудящегося за невозможность совместного проживания может быть допущено лишь в тех исключительных случаях, когда наниматель по-

мещения является настолько неисправимым, что другие меры воздействия в отношении его, по мнению суда, являются уже недостаточными. Во всех остальных случаях суд может принимать другие меры воздействия, например, предупреждение о выселении. Как видно из дела, в отношении Скрыпкина не принималось никаких мер воздействия. Вынося решение о выселении, суд указал также на то, что в 1948 году семья ответчика была поселена без согласия Филонович, проживающей в доме с 1945 года, причем Скрыпкин был поселен в кухню, которую он переоборудовал под жилье. Впоследствии дом был продан Филонович, дом нуждается в капитальном ремонте. Ссылаясь на эти обстоятельства, суд обязан был рассмотреть дело с участием представителя горкомхоза, поскольку последний предоставил Скрыпкину спорную площадь по ордеру, выяснить, что собой представляет площадь, занимаемая ответчиком, имеется ли у истицы кухня. В зависимости от выяснения этих обстоятельств суд может при установлении факта неправильной выдачи ордера ответчику обязать горкомхоз предоставить семье Скрыпкина другую жилую площадь в соответствии с п. 7 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г.

Судебная коллегия отменила решение народного суда 1-го участка Дмитриевского района Курской области и последующие определения, передав дело на новое рассмотрение в Курский областной суд по первой инстанции.

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Временное позаймствование продуктов, принадлежащих колхозу, если их получение оформлено документацией, не может быть квалифицировано как хищение

По приговору Ташкентского областного суда от 15 апреля 1953 г. Джамилев Джаппар в числе других осужден по ст. 4 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к восьми годам заключения в исправительно-трудовом лагере с конфискацией половины принадлежавшего ему лично имущества и порожением в избирательных правах на два года. В силу ст. 4 указа от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» назначенный Джамилеву срок заключения сокращен наполовину. 8 июня 1953 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Узбекской ССР оставила в силе приговор областного суда.

Приговор по делу Джамилова Генеральным Прокурором СССР опротестован по следующим мотивам. Суд признал Джамилова виновным в том, что, работая с

1948 года по февраль 1952 года председателем колхоза «Сталинград», совершил следующие преступления: получил из склада колхоза займообразно для личных нужд 100 кг шалы; незаконно израсходовал без разрешения общего собрания членов колхоза 100 кг шалы; бесплатно отпустил продукты стоимостью 5523 руб. на питание группы бухгалтеров, работавших над составлением годового отчета колхоза «Сталинград»; утвердил акт на списание по бухгалтерии колхоза материальных ценностей на сумму 27 514 руб., не располагая соответствующими первичными документами.

Виновность Джамилова во временном позимствовании для личных нужд 100 кг шалы из склада колхоза материалами дела установлена. Учитывая, однако, что получение этой шалы Джамилев оформил соответствующими документами, нет оснований квалифицировать эти его действия как хищение. Израсходовав 100 кг шалы на угощение гостей, приехавших в колхоз, и выдав безвозмездно продукты на сумму 5523 руб. для питания бухгалтеров, занимавшихся составлением годового отчета, Джамилев не преследовал целей личной выгоды. Поэтому и эти действия Джамилова не могут рассматриваться как хищение. Эпизод, связанный со списанием по бухгалтерии колхоза материальных ценностей на 27 514 руб., из обвинения Джамилова следует исключить, поскольку по поводу этого списания состоялось решение правления колхоза.

Исходя из этих мотивов, Генеральный Прокурор СССР в протесте поставил вопрос о переквалификации преступления Джамилова с указа от 4 июня 1947 г. на ст. 140, ч. 1, УК Узбекской ССР (ст. 109 УК РСФСР) и об исключении из приговора конфискации имущества Джамилова и поражения его в избирательных правах.

10 апреля 1954 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР удовлетворила протест Генерального Прокурора СССР по делу Джамилова.

Отмена приговора ввиду нарушения судом конституционного права подсудимого на защиту

По приговору народного суда Акнистского района Латвийской ССР от 23 июня 1953 г. по ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» осужден Веверис О., признанный виновным в том, что, работая в ремонтно-строительной конторе, присвоил принадлежащий конторе шифер в количестве 1000 плиток. Определением Верховного суда Латвийской ССР от 10 июля 1953 г. приговор оставлен в силе.

Генеральный Прокурор СССР, признав, что по делу было допущено нарушение конституционного права подсудимого на за-

щиту, внес протест, в котором поставил вопрос об отмене приговора по следующим основаниям. Как видно из материалов дела, Веверис, осуществляя свое право на защиту, заключил соглашение с адвокатом, который вследствие занятости по другому делу не смог принять участие в судебном процессе, назначенном первый раз на 18 июня 1953 г. и перенесенном по указанной причине на 23 июня 1953 г. 23 июня адвокат также не явился в судебное заседание. Не выяснив причины неявки адвоката и не вынося по этому поводу частного определения, суд рассмотрел дело по существу в отсутствие адвоката, чем нарушил конституционное право обвиняемого на защиту.

Согласившись с доводами протеста, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР отменила приговор по делу и передала дело на новое рассмотрение в другой народный суд со стадии судебного разбирательства.

Присвоение должностным лицом средств, полученных для колхоза, должно квалифицироваться как хищение

По приговору Самаркандского областного суда от 22 августа 1953 г. Шербутаев Равшан осужден по ст. 4 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере с конфискацией имущества, поражением в избирательных правах сроком на четыре года и со взятием в пользу колхоза имени Димитрова в возмещение причиненного ущерба 8500 руб. Суд признал Шербутаева виновным в том, что, будучи председателем колхоза имени Димитрова, он в нарушение Устава сельскохозяйственной артели самовольно передал в аренду землю колхоза имени Димитрова колхозу «Рудаки» под пастбища, за что получил от колхоза «Рудаки» 8500 руб. и эти деньги присвоил. 23 сентября 1953 г. Верховный суд Узбекской ССР переквалифицировал преступление Шербутаева с указа от 4 июня 1947 г. на ст. 140, ч. 1, УК Узбекской ССР (ст. 109 УК РСФСР), исключил из приговора конфискации имущества Шербутаева и поражение его в избирательных правах и на основании указа от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» освободил Шербутаева от дальнейшего отбывания наказания со снятием судимости.

Считая, что Верховный суд Узбекской ССР неосновательно переквалифицировал преступление Шербутаева с указа от 4 июня 1947 г. на ст. 140, ч. 1, УК Узбекской ССР, Генеральный Прокурор СССР опротестовал определение Верховного суда по следующим мотивам. Показаниями свидетелей Ашурдова, Байматова, Мавлянова и др.

установлен в аренду и владел колхозу 8500 руб. в кассу. При этом облас- ровал прот от 4 июня ской ССР фикацию 1 бековой С

В протест поставил Верховный суд 1953 г. в правлении бековой С сацонном 10 апреля удовлетворил приговора СССР

Приговор не ввиду к солидарности

15 сентября она г. 1 был осужден по ст. 2 вета СССР кой отве ственного сяти год трудовом и со взъ по этому в пользу возмещен ря 1949 г вил в си

Песчан изводств г. Держ да был 1948 год с кальк ровой и средства 25 марта рассмоти перекавал нова с 1 УК РСФ нет дои в хищен в престу рой кал можност изоблич шировав

авил
щим
дела,
щи-
ко-
ому
ном
на
зан-
оня
за-
во-
ого
це-
нил
за-

У-
р-
по
е-
У-

в,
Г-

о
-
1

установлено, что Шербутаев незаконно сдал в аренду колхозу «Рудаки» землю, которой владел колхоз имени Димитрова, за что получил 8500 руб.; получение денег оформил счетом, который передал председателю колхоза «Рудаки» Ашурову, но полученные деньги в кассу колхоза имени Димитрова не сдал. При этих обстоятельствах Самаркандский областной суд правильно квалифицировал преступление Шербутаева по указу от 4 июня 1947 г., а Верховный суд Узбекской ССР неосновательно изменил квалификацию преступления на ст. 140 УК Узбекской ССР.

В протесте Генеральный Прокурор СССР поставил вопрос об отмене определения Верховного суда Узбекской ССР от 23 сентября 1953 г. по делу Шербутаева и о направлении этого дела в Верховный суд Узбекской ССР на новое рассмотрение в кассационном порядке.

10 апреля 1954 г. Верховный суд СССР удовлетворил протест Генерального Прокурора СССР по делу Шербутаева.

Приговор в части гражданского иска отменен ввиду неосновательного привлечения к солидарной материальной ответственности должностного лица, допустившего по своей халатности хищения

15 сентября 1949 г. по приговору народного суда 2-го участка Свердловского района г. Дзержинска Горьковской области был осужден в числе других Песчанов А. по ст. 2 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере с конфискацией имущества и со взысканием солидарно с осужденной по этому же делу Можжаровой 13 590 руб. в пользу треста столовых г. Дзержинска в возмещение причиненного ущерба. 4 октября 1949 г. Горьковский областной суд оставил в силе приговор народного суда.

Песчанов, работавший заведующим производством чайной № 3 треста столовых г. Дзержинска, по приговору народного суда был признан виновным в том, что в 1948 году он вступил в преступную связь с калькулятором той же чайной Можжаровой и вместе с ней расхищал денежные средства, принадлежавшие чайной № 3. 25 марта 1950 г. Верховный суд РСФСР, рассмотрев это дело в порядке надзора, переквалифицировал преступление Песчанова с указа от 4 июня 1947 г. на ст. 111 УК РСФСР, сославшись на то, что в деле нет доказательств виновности Песчанова в хищениях и что он изобличается только в преступной халатности, в результате которой калькулятор Можжарова получила возможность совершать хищения и уничтожать изобличавшие ее документы. Переквалифицировав преступление Песчанова на ст. 111

УК РСФСР, Верховный суд республики в то же время оставил в силе приговор в части солидарной ответственности Песчанова с Можжаровой за причиненный материальный ущерб, а также не исключил из приговора конфискацию имущества Песчанова.

По делу Песчанова Генеральным Прокурором СССР принесен протест, который мотивирован следующим. Согласно постановлению 51-го Пленума Верховного суда СССР от 21 июля 1935 г. «О солидарной ответственности осужденных за причиненный материальный ущерб» к солидарной материальной ответственности за вред, причиненный преступлением, должны привлекаться лишь непосредственные исполнители преступления и те, кто принимали участие в преступлении в форме подстрекательства или пособничества. Между тем по делу установлено, что Песчанов не принимал участия в хищении ни как непосредственный исполнитель, ни как пособник. Поэтому он не должен нести солидарную материальную ответственность с Можжаровой за причиненный ущерб. Также неправильно поступил Верховный суд РСФСР, переквалифицировав преступление Песчанова на ст. 111 УК и оставив при этом в силе вынесенный ему приговор в части конфискации имущества, тогда как санкция ст. 111 УК не предусматривает такой дополнительной меры наказания.

На этом основании Генеральный Прокурор СССР поставил в протесте вопрос об исключении из приговора и последующих определений солидарной ответственности Песчанова за причиненный материальный ущерб и конфискации имущества Песчанова.

16 июня 1954 г. Верховный суд СССР удовлетворил протест Генерального Прокурора СССР по делу Песчанова.

Лица, виновные в автоаварии с тяжелыми последствиями, не могут быть освобождены от уголовной ответственности только потому, что они не являются работниками автотранспорта

По приговору народного суда Калининградского района Таджикской ССР от 24 июля 1953 г. Нуридинов Разак осужден по ст. 171 УК Таджикской ССР (ст. 139 УК РСФСР) к одному году исправительно-трудовых работ по месту работы с удержанием 25% заработной платы. 15 января 1954 г. Верховный суд Таджикской ССР отменил в надзорном порядке приговор по делу Нуридинова и прекратил дело производством.

Считая, что Верховный суд Таджикской ССР неосновательно освободил Нуридинова от уголовной ответственности, Генеральный Прокурор СССР опротестовал определение от 15 января 1954 г. по следующему мотивам. Нуридинов, работавший в Калининградском районном потребитель-

ском обществе учеником водителя автомашины, был привлечен к судебной ответственности за то, что, поехав по просьбе шофера Мутьева промывать автомашину, он на обратном пути сел за руль, будучи уже в нетрезвом состоянии и, кроме того, посадил в кузов автомашины шестерых детей. На повороте Нуридинов, резко повернув руль, опрокинул автомашину. В результате аварии девочка Малькова, 14 лет, получила телесные повреждения, от которых умерла, а четверо детей были ранены.

Верховный суд Таджикской ССР своим определением от 15 января 1954 г. отменил приговор народного суда и обратил дело к доследованию для привлечения к уголовной ответственности водителя автомашины Мутьева за то, что он поручил управление автомашиной Нуридинову, не имеющему водительских прав. В отношении Нуридинова Верховный суд республики прекратил дело производством, сославшись на то, что он не является работником автотранспорта и сел за руль, исполняя незаконное распоряжение шофера Мутьева. Однако доводы, приведенные в определении Верховного суда Таджикской ССР, исключают лишь ответственность Нуридинова за нарушение трудовой дисциплины на автотранспорте, но не снимают с него ответственности за неосторожное убийство девочки Мальковой. По делу же установлено, что Нуридинов, выполняя поручение шофера Мутьева, по собственной инициативе посадил в автомашину несколько детей и на обратном пути сел за руль в нетрезвом состоянии, что категорически запрещается соответствующими правилами.

На этом основании Генеральный Прокурор СССР в протесте поставил вопрос об отмене определения Верховного суда Таджикской ССР в части прекращения производством дела в отношении Нуридинова и об оставлении в силе вынесенного приговора Нуридинову.

16 июня 1954 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР удовлетворила протест Генерального Прокурора СССР по делу Нуридинова.

Если суд не согласен с заключением экспертизы, то он в соответствии со ст. 300 УПК РСФСР может провести повторную экспертизу, не направляя дело на доследование

По приговору народного суда 2-го участка Боровичского района Новгородской области от 4 ноября 1953 г. Оников В. осужден по ст. 74, ч. 2, УК РСФСР к лишению свободы на один год шесть месяцев. Этим же приговором суд постановил направить осужденного Оникова на принудительное лечение в психиатрическую больницу. Кроме того, в адрес работников следствия и судебно-психиатрической экспертизы суд

вынес частное определение о безответственном отношении с их стороны к установлению психического состояния Оникова. Приговор суда не был обжалован и не опротестовывался прокурором. По протесту Председателя Верховного суда РСФСР Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР отменила приговор суда и частное определение и возвратила дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия для производства по делу повторной судебно-психиатрической экспертизы.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал это определение и поставил вопрос об его изменении по следующим основаниям. Суд признал виновным Оникова в том, что он, будучи в нетрезвом состоянии, 14 августа 1953 г. около 10 час. вечера пришел в помещение клуба д. Б. Леса Боровичского района Новгородской области, где, обнажив перочинный нож, замахнулся на заведующую клубом Боровикову, которая с целью установления порядка пыталась вывести из клуба Иванова. Затем Оников стал бросать в посетителя клубы табуретки. 28 августа 1952 г. в религиозный праздник в д. Мошеник Оников, находясь также в нетрезвом состоянии, угрожал перочинным ножом Балдину, нанес удар палкой по голове несовершеннолетнему Зайцеву. 22 сентября 1953 г. Оников, вооружившись ремнем с железной пряжкой, пытался ударить Бельеву, но последняя убежала в дом Яковлевой, куда прибежал и Оников. В доме Яковлевой Оников продолжал хулиганские действия, пытался ударить несовершеннолетнего сына Яковлевой, повредил диван и др. По заключению судебно-психиатрической экспертизы, произведенной по просьбе обвиняемого Оникова, последний душевным заболеванием или слабоумием не страдает. Таким образом, у органов следствия и у суда не было оснований сомневаться во вменяемости Оникова. В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР правильно указано, что суд, признав Оникова невменяемым, не вправе был признать его виновным, применить ему уголовное наказание и одновременно направить на принудительное лечение, что у народного суда не было оснований к вынесению частного определения, так как заключение судебно-психиатрической экспертизы ничем по делу не опровержено, и что если суд почему-либо не согласен с заключением экспертизы, то согласно ст. 300 УПК РСФСР он может назначить повторную экспертизу. Однако вместо того чтобы направить дело на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства, Верховный суд РСФСР направил дело на доследование без каких-либо оснований.

Верховный суд СССР, рассмотрев дело, согласился с протестом.

Передова:
М. Гродз
ектом
Л. Громов
Н. Лучин
А. Бунеев
тизы
М. Савиц
М. Красн
полни
В. Василе
З. Крыло
нмуц
М. Кули
Я. Яновс
С. Абрам

Е. Яковл

А. Васил

В. Кошел
Ф. Кузик
Л. Качки
Коготков
И. Смаг
Туркин
Д. Карм
Р. Фирс
В. Гинц

Из докл
сти
И. Услю
Ф. Орло

Г. Гром

Р. Лопу

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая — Конституция Китайской Народной Республики	1	
М. Гродзинский — Вопросы кассационного пересмотра приговоров в связи с проектом УПК СССР	5	
Л. Громов — Экспертиза и опознание на предварительном следствии	13	
Н. Лучинин — Усилить надзор за соблюдением прав граждан	16	
А. Бунеев — Понятие невменяемости и практика судебно-психиатрической экспертизы	21	
М. Савицкий — Заметки об обвинительной речи прокурора	24	
М. Красногорский — Порядок рассмотрения жалоб на действия судебного исполнителя	31	
В. Василец — Квалификация преступлений, совершаемых на автотранспорте	34	
З. Крылова — Установление пережившим супругом своего права на долю в общем имуществе	39	
М. Кулик, В. Колмаков — Повышать мастерство советского следователя	42	
Я. Яновский — Неправильное решение спорного вопроса	45	
С. Абрамов — Об одном определении Верховного суда РСФСР	47	
В ПОМОЩЬ НАРОДНОМУ СУДЬЕ		
Е. Яковлева — Договор комиссии сельскохозяйственных продуктов	50	
В ПОМОЩЬ СЛЕДОВАТЕЛЮ		
А. Васильев — Допрос обвиняемого на предварительном следствии	54	
ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ		
В. Кошельков — Строго выполнять требования закона	61	
Ф. Кузнецов, Лобзев — Что показало обобщение судебной практики	63	
Л. Качкин — Противоречивая практика	65	
Коготков — Об архивах народных судов	66	
И. Смагин — История одного дела	67	
Туркин — Усилить помощь прокурорам сельскохозяйственных районов	68	
Д. Карманов — Неправильное осуждение по ст. 95, ч. 2, УК РСФСР	68	
Р. Фирсов — Читатели о журнале	69	
В. Гицбург — О недооценке криминалистической экспертизы	70	
ОБМЕН ОПЫТОМ		
Из доклада народного судьи 2-го участка Пушкинского района Московской области т. Калюкиной перед избирателями	71	
И. Услов — Постоянно действующие семинары в районах	73	
Ф. Орлов — На посту государственного обвинителя в суде	74	
ПО СЛЕДАМ ЗАМЕТОК И ПИСЕМ		76
В ИНСТИТУТЕ ПРАВА АКАДЕМИИ НАУК СССР		
Г. Громова — Обсуждение макета учебника «Теория государства и права»	78	
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ		
Р. Лопухов — По поводу «теории» военно-уголовного права	83	
ИЗ ПРАКТИКИ ПРОКУРАТУРЫ СССР ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ		88

Поправка

В № 7 журнала, на стр. 5, 34-ю строку сверху следует читать: «...совершения неоднородных хищений...», и далее по тексту.

О
П
О
И
С
Е
З
Е
М
Л
И
.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С. А. Бордонов
С. В. Бакшеев, А. Ф. Волчков, С. И. Зайцев,
С. П. Митричев, В. С. Тадевосян

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва Пушкинская, 15а Тел. К 6-63-06
Издатель: ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Ж-4, Товарищеский пер., 19

Технический редактор *Е. Н. Косарева*

А-06681. Сдано в набор 6/IX 1954 г. Подписано к печати 23/X 1954 г. Формат бумаги 70×108^{1/16}
Объем: физ. печ. л. 6; условн. печ. л. 8,22; уч.-изд. л. 9,64. Тираж 38 770 экз. Зак. 1081. Цена 3 руб.

Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической промышленности.
13-я типография, Москва, Гарднеровский пер., 1а.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1955 год

НА ЖУРНАЛ

„СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРАВО“

ОРГАН ИНСТИТУТА ПРАВА АКАДЕМИИ НАУК СССР И ВСЕСОЮЗНОГО ИНСТИТУТА
ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР

„Советское государство и право“ является теоретическим правовым журналом, выходящим в СССР в течение 25 лет.

Журнал ставит своей задачей теоретическую разработку проблем марксистско-ленинского учения о государстве и праве, обобщение опыта государственного строительства в СССР и развития советского законодательства.

Журнал публикует теоретические статьи по важнейшим отраслям советского социалистического права — государственному, административному, гражданскому, судебному, уголовному, земельному, колхозному, трудовому праву — и статьи по теории и истории советского государства и права. Значительное место в журнале отводится актуальным проблемам международного права и разоблачению реакционной буржуазной науки права.

Журнал систематически информирует о важнейших событиях научной жизни центральных и периферийных научных правовых учреждений и учебных заведений страны.

В журнале публикуются статьи, освещающие развитие государства и права стран народной демократии Европы и Азии. Журнал рецензирует выходящую в СССР и за рубежом юридическую литературу.

В журнале систематически публикуется библиография по вопросам государства и права.

Журнал рассчитан на научных работников в области права, деятелей советского государственного аппарата, суда, прокуратуры, арбитража, преподавателей, аспирантов юридических учебных заведений.

**Журнал выходит восемь раз в год,
объемом десять печатных листов каждый номер.**

Подписная цена на год — 120 рублей.

Подписка принимается городскими и районными отделами „Союзпечати“, отделениями и агентствами связи, магазинами „Академкнига“, а также конторой „Академкнига“ по адресу: Москва, Пушкинская ул., д. 23.

Цена 3 руб.

151
МОЖАЙСКОЕ ШОССЕ 37.45
БВИ КРИМИНАЛИСТИКИ
ПРОКУРАТУРЫ СССР
№ 1.12 ССЗ ЗАБ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на 1955 год

НА ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ:

„СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ“

Орган Министерства юстиции СССР, Прокуратуры СССР
и Верховного суда СССР

Периодичность — 12 номеров в год

Подписная цена — 36 руб. в год

*

*

*

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

Периодичность — 6 номеров в год

Подписная цена — 9 руб. в год

*

*

*

Подписка принимается **ТОЛЬКО** в городских
и районных отделениях Союзпечати

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОДПИСКИ НЕ ПРИНИМАЕТ

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ „СОЮЗПЕЧАТИ“ МИНИСТЕРСТВА СВЯЗИ СССР

СС
З